

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2023. Т. 14. № 4

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии
- 5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – **85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2023. Vol. 14. No. 4

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

И.М. Могилевич

Первые публикации о гибели посольства А.С. Грибоедова
и их достоверность 11

А.А. Рудь

Исторические взгляды Ф.А. фон Хайека 30

И.В. Денисова

Позднеантичная риторика и софистика
в исследованиях Р.Дж. Пенеллы 42

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

В.Б. Давлетбаева

Проблема взаимоотношений церкви и государства
в неопубликованных письмах П.А. Кулиша
к Аксаковым 51

К.Б. Лопин

Намогильные металлические кресты
с кругами и лучами у средокрестия
на кладбищах Краснодарского края 64

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

О терминологическом отражении
процессов взаимодействия этносов в Римской империи.
Романизация или провинциализация? 81

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. Нахаши

Русско-иранская таможенная декларация 1901 г.
как фактор «мирного завоевания Персии» 99

Е.О. Савченко

Специфика американо-египетских отношений
после событий «арабской весны» 113

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Ф.М. Фомичев

Суть и границы немецких «новых правых»: к истории и историографии одного понятия 132

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ, УПРАВЛЕНИЕ

А.Б. Ананченко

Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема 150

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

I.M. Mogilevich

The first publications about the destruction
of A.S. Griboyedov's Embassy and their authenticity 11

A.A. Rud'

Friedrich A. von Hayek's historical views 30

I.V. Denisova

Late Antique rhetoric and sophistry
in the studies of R.J. Penella 42

RUSSIAN HISTORY

V.B. Davletbaeva

The problem of the relationship
between Church and State
in Panteleimon Kulish's unpublished letters
to the Aksakovs 51

K.B. Lopin

Grave metal crosses with circles and rays
at the crossroads in the cemeteries
of the Krasnodar Territory 64

GENERAL HISTORY

J.V. Kulikova

On the terminological reflection of the processes
of interaction of ethnic groups in the Roman Empire.
Romanization or provincialization?. 81

INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORY AND PRESENT DAY

M. Nakhaei

Russian-Iranian customs declaration
of 1901 as a factor in the "peaceful conquest of Persia" 99

E.O. Savchenko

The specifics of US-Egyptian relations
after the Arab Spring 113

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

F.M. Fomichev

Sense and boundaries of the German “New Right”:

History and historiography of one concept. 132

STATE AND SOCIETY:

PROCESSES, TECHNOLOGIES, MANAGEMENT

A.B. Ananchenko

The image of the future as a specifically historical,

theoretical and political-applied problem. 150

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-11-29

УДК 920.22+341.781

И.М. Могилевич

Вторая Санкт-Петербургская гимназия,
190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Первые публикации о гибели посольства А.С. Грибоедова и их достоверность

В статье прослежены две стратегии извещения (в России и Западной Европе) о гибели посольства А.С. Грибоедова, существенно определившие современное представление об этом событии. Из-за внешнеполитической ситуации в России в 1830-х гг. не были установлены даже обстоятельства нападения на русское посольство в Тегеране. Запрет на обсуждение этой темы в России инициировал публикации в зарубежной печати. В Западной Европе в первые два года после трагедии появились как почти все и сегодня известные свидетельства о событии, так и фальшивки. Автором проведен анализ опубликованных данных. Выявлен подробный немецкоязычный вариант персидского свидетельства о гибели посольства Грибоедова, до этого известный на английском и французском языках. Приведены многочисленные доводы в пользу аутентичности этого свидетельства, для чего были использованы современные событию сообщения печати, официальные заявления, частная переписка, биографические сведения о публикаторах и переводчиках, а также информация о повседневных практиках.

© Могилевич И.М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: гибель посольства А.С. Грибоедова в Тегеране в 1829 г., западноевропейская пресса о гибели посольства А.С. Грибоедова, русская пресса о гибели посольства А.С. Грибоедова, верификация свидетельства очевидца

Благодарности. Выражаю признательность Елене Васильевне Юдиной за переводы немецкоязычных текстов и Алексею Александровичу Хисматулину за транслитерацию восточных имен.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Могилевич И.М. Первые публикации о гибели посольства А.С. Грибоедова и их достоверность // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 11–29. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-11-29

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-11-29

I.M. Mogilevich

Second St. Petersburg Gymnasium,
St. Petersburg, 190000, Russian Federation

The first publications about the destruction of A.S. Griboyedov's Embassy and their authenticity

We identify two strategies of notification (in Russia and in West Europe) about the destruction of A.S. Griboyedov's embassy in 1829 in Tehran, which shaped the modern understanding of the event. Due to the foreign policy situation in Russia in the 1830s even the circumstances of the attack on the Russian embassy in Tehran were not established. The ban on the studies of this topic in Russia initiated publications in the foreign press. On the contrary, in the first two years after the tragedy, the West European press published both almost all known today evidences of the event, as well as fakes. We analyzed the published data. The German-language version of a Persian testimonial about the destruction of A.S. Griboyedov's embassy (previously known in English and French versions) was revealed. Numerous arguments are given in favor of the authenticity of this testimonial. The analysis used press reports contemporary to the event, official statements,

private correspondence, biographical information about publishers and translators, as well as information about various daily practices and customs of the period in question.

Key words: destruction of A.S. Griboyedov's embassy in Tehran in 1829, West Europe press about the destruction of Russian embassy in Tehran in 1829, Russian press about the destruction of the embassy of A.S. Griboyedov's in Tehran in 1829, Persian eyewitness verification

Acknowledgment. I express my deepest gratitude to Elena V. Yudina for German texts translations and Alexey A. Khismatulin for transliteration of oriental names.

FOR CITATION: Mogilevich I.M. The first publications about the destruction of A.S. Griboyedov's Embassy and their authenticity. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 11–29. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-11-29

Небольшое число свидетельств очевидцев является особенностью современного представления о гибели посольства А.С. Грибоедова. Большая их часть имеет персидское происхождение, что снижает доверие к ним. Две причины обусловили подобную информационную ситуацию: естественное желание персидских властей избежать ответственности за убийства и сорокалетнее замалчивание этой темы со стороны русских властей. Выявление новой (немецкоязычной) версии¹ одного из важнейших свидетельств (рассказа «персиянина-очевидца»), ранее известного в английском² и французском³ вариантах и отличающейся редактурой, позволяет снять некоторые существовавшие сомнения. Знакомство отечественных исследователей с вариантами рассказа этого очевидца⁴ (как и с другими ранними свидетельствами) запоздало более чем на 28 лет, что осложнило последующий анализ многопланового события и затруднило его толкования. Верификация достоверности сведений «персиянина-очевидца» особенно важна из-за того, что его рассказ является наиболее подробным из всех дошедших свидетельств.

¹ Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 287–298.

² Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829). *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1830. Vol. 28. Sept. Pp. 496–512.

³ Relation des événements, qui ont précédé et accompagner le massacre de la dernière ambassade russe en Perse. *Nouvelles annales des voyages et des sciences geographiques*. 1830. T. 48. P. 337–367.

⁴ Реяция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии: Рассказ персиянина // А.С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. XLV–XLXXX.

Очевидцы нападения на русское посольство

Нападение на русское посольство в Тегеране произошло 30 января 1829 г.⁵ В живых остались только трое курьеров и первый секретарь посольства И.С. Мальцов (1807–1880)⁶. Мальцов не был очевидцем произошедшего, т.к. сумел спрятаться. Его изложение событий является пересказом услышанного от персиян во время его трехнедельного задержания в Тегеране. Этот рассказ содержится в служебных рапортах⁷, составленных уже в России. Одного из уцелевших курьеров русского посольства, Хачатура Амбарцума, защищавшего дипломатов с оружием в руках, опросили много лет спустя после событий⁸, что, наряду с ограниченным кругозором источника, повлияло на полноту сведений.

Наконец, третьим (и последним из известных) и наиболее информированным очевидцем самого нападения и участником внешней жизни посольства с 13 декабря 1828 г. по 30 января 1829 г. является этнический перс, служивший секретарем *михмандара*⁹ (чиновника протокольного отдела персидского наследного принца), откомандированного сопровождать русское посольство из Тавриза в Тегеран и обратно. Уцелел во время нападения, он информировал персидские власти и британских дипломатов. Ряд отечественных исследователей считают его свидетельство фальшивкой [1; 2; 7; 8, с. 685–691; 15, с. 369, 437, 448], сфабрикованной англичанами, но в то же время из него черпают факты, на что указала многолетний исследователь этой темы [17, р. 76–77].

На следующий день после убийств в Тавриз, столицу персидской провинции Азербайджан, которой управлял наследный принц ‘Аббас-мирза (1789–1833) и где находились дипломатические представительства России и Британии, отправился курьер. Вестник достиг Тавриза вечером 6 февраля 1829 г. [2]; ‘Аббас-мирза тут же известил российского консула А.К. Амбургера (1794–1830) и британского посланника Джона Макдональда (1782–1830) и вручил им письма для дальнейшей передачи их правительствам. Русский консул¹⁰ и британский посланник немедленно отправили полученные персидские извещения по своей подчиненности.

⁵ Даты, кроме специально оговоренных, приведены по юлианскому календарю.

⁶ Перевод копии с письма Шах-зиды Зилу султана к Его Высочеству Аббас Мирзе // Кн. Шербагов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Т. 3 (октябрь 1827 – май 1831). СПб., 1891. Приложения. С. 69; Официальные известия // Санкт-Петербургские Ведомости. 1829. 18 марта. № 33. С. 171.

⁷ Мальцов И.С. Из донесений // А.С. Грибоедов: Его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л., 1929. С. 185–201.

⁸ Рассказ Амбарцума был опубликован только в 1879 г. [6], а опросил его сотрудник миссии графа И.О. Симонича (1794–1851) не ранее 1832 г.

⁹ Кальки тюркских и арабских слов выделены курсивом.

¹⁰ Амбургер – Паскевичу. Рапорт от 8 февраля 1829 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 671–672.

Сообщения русской и европейской прессы о тегеранской трагедии

В ноябре 1829 г. в Баварии был опубликован перевод выдержек из письма наместника Тегерана к 'Аббас-мирзе¹¹. Версия событий в его изложении проста: произошла ссора прохожих с русским караулом посольства, которая, после гибели в этой стычке нескольких персиян, переросла в захват резиденции (т.е. произошло случайное трагическое стечение обстоятельств на фоне происходивших и до этого стычек тегеранцев с посольскими служащими). В этой публикации были перечислены и неподобающие (с точки зрения персиян) действия русского посла. В официальном сообщении персиян русскому императору¹² некоторые из этих претензий отсутствовали.

Русское правительство не хотело возобновления войны с Персией, поскольку уже год воевало на территории европейской и азиатской Турции и планировало сложную комбинацию в средиземноморских проливах [14]. Командующий отдельным Кавказским корпусом генерал И.Ф. Паскевич (1782–1856) пенял Амбургеру даже за его ноту протеста: «Мы находимся теперь не в том положении, чтобы страхом оружия заставить Персию делать то, что нам желательно»¹³. Инструкция Министерства иностранных дел указывала генералу «развеев любую мысль об ответе или мести с нашей стороны за ту защиту, которую получила Россия в лице ее министра¹⁴; наоборот, заверяя их в неизменном характере благородной и примирительной умеренности Императора»¹⁵.

Лейтенант охранявшего британских дипломатов отряда Рональд Макдональд (1800–1848) 8 февраля 1829 г. выехал из Тавриза в Тегеран для сбора информации о событиях. Он прибыл в столицу 20 февраля [16, р. 29]. Там он беседовал с тремя высокопоставленными персидскими чиновниками, двумя чиновниками, курировавшими пребывание русских, дворецким английской резиденции и уцелевшим Мальцовым. Британский лейтенант был удостоен приема у шаха, который изложил версию произошедшего (в целом повторяющую версию принца-наместника¹⁶) и просил организовать содействие в улаживании отношений

¹¹ Persien. *Allgemeine Zeitung*. 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299–1300.

¹² Перевод копии с письма Шах-зиды Зилу султана к Его Высочеству Аббас Мирзе // Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Т. 3 (октябрь 1827 – май 1831). СПб., 1891. Приложения. С. 69.

¹³ Паскевич – Амбургеру. Предписание от 6 марта 1829 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 676.

¹⁴ Официальное именование должности Грибоедова – «полномочный министр».

¹⁵ Отношение от 11 мая 1830 г. гр. К.В. Нессельроде И.Ф. Паскевичу о мерах, которые необходимо принять немедленно по случаю катастрофы в Тегеране // Российский государственный исторический архив. Ф. 1018 (И.Ф. Паскевич). Оп. 2. Д. 208. Л. 2. (пер. с франц.)

¹⁶ Persien. *Allgemeine Zeitung*. 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299–1300.

с русскими. Для характеристики качества отчета Р. Макдональда можно указать, что в нем присутствуют только четыре даты, касающиеся погибших, и четыре числа: 35 убитых «посольских», из них 10 или 11 казаков; трое были убиты в британской конюшне; спасение Мальцова стоило ему 200 дукатов [16, р. 25, 26].

Известие в Петербург, отправленное из Тифлиса Паскевичем¹⁷, достигло столицы 14 марта 1829 г. (только через 4 дня, 18 марта 1829 г., Мальцов написал свой первый рапорт). Министр иностранных дел России в своем ответном письме Паскевичу сформулировал официальную точку зрения, выраженную императором: «При сем горестном событии его величеству отрадна была уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а, с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая вынудила шаха и в 1826 г. начать с нами войну» (Нессельроде – Паскевичу. Отношение от 16 марта 1829 г. [цит. по: 5, с. 193]). Обстоятельств нападения не выясняли, причин не обсуждали, т.к. «Император изучил сам донесения и полагает, что единственная возможность удержать персиян от войны – наша твердая уверенность в невинности персидского правительства и убеждение их, что мы отказываемся от мести и готовы принять его оправдания»¹⁸.

16 марта 1829 г. на французском языке появилось официальное русское сообщение в газете Министерства иностранных дел *Journal de St.-Petersbourg*, повторяющее персидскую версию о спонтанной ссоре, переросшей в уничтожение посольства. Через день, 18 марта 1829 г., был опубликован его русский перевод¹⁹. Это сообщение умалчивало об основных поводах к погрому: стремлению толпы, воодушевленной муллами, получить из посольства насильственно перемещенных лиц, желавших вернуться на родину и получивших в миссии убежище, т.е. о выполнении посольскими своего долга. 19 июля 1829 г. местная тифлисская газета (через Тифлис шло сообщение с Персией) коротко сообщила о происходившем накануне погребении Грибоедова²⁰. Петербург был извещен об этом только в начале 1830 г.²¹

¹⁷ Нессельроде – Паскевичу. Отношение от 26 марта 1829 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 686–687.

¹⁸ Официальные известия // Санкт-Петербургские Ведомости. 1829. 18 марта. № 33. С. 171.

¹⁹ Там же.

²⁰ Внутренние известия // Тифлисские Ведомости. 1829. 19 июля. № 29. С. 1.

²¹ Дополнение к статье: Воспоминания о А.С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. № 2. С. 87–94.

Цензурный устав 1828 г. отдал информирование о действиях властей на усмотрение соответствующих ведомств. Без апробации в Министерстве иностранных дел никакие сообщения о посольстве или дипломатах не могли быть опубликованы. Поскольку случившееся трактовать как достижение было затруднительно, гибель посольства замолчали. Подобное решение тогда казалось верным не только творцам русской политики, но и некоторым дипломатам. К примеру, служивший в Турции Ф.П. Фонтон (1801–?) в своей переписке о гибели русского посольства не упоминал; а вот в связи с «извинительным» персидском посольстве в августе 1829 г. вспомнил Грибоедова: «Если бы наш убитый в Персии посланник был бы только дипломатом, то горя в нем мало, другого бы нашли, и послание персидского *шахзада* было бы достаточным удовлетворением. Но покойник был Грибоедов, и России горе от ума его, которого никто не заменит. Говорят, что представление комедии незабвенного сатирика теперь позволено будет»²².

Ф.В. Булгарин (1789–1859), судившийся с наследниками Грибоедова за права на «Горе от ума» [11], в январе 1830 г. отозвался на годовщину гибели посольства публикацией обширных воспоминаний. В них обстоятельств трагедии он не коснулся, а только заметил: «Не имея официальных известий о сем ужасном происшествии, я не могу писать об этом. Знаю только, что вражда возникла за армян, русских подданных, которые укрывались в доме посланника»²³. В следующем номере «Сына Отечества» была опубликована (без указания имени автора, чиновника МВД В.Н. Григорьева (1803–1876)²⁴), корреспонденция о прибытии в Нахичевань гроба с телом посла и последовавшем через 79 дней погребении в Тифлисе²⁵. Не только о причинах нападения на посольство, но даже об обстоятельствах этого нападения в ней не упоминалось. Поскольку совсем обойти эти темы казалось невозможным, Булгарин привел персидский мотив о предопределенности трагедии²⁶, конвертировав его в духе европейского романтизма: «Предчувствия сбылись: рука азиатского фанатизма не пощадила ни ума, ни возвышенных

²² Фонтон Ф.П. Воспоминания. Т. 2. Изд. 3-е. Лейпциг, 1866. С. 117.

²³ Булгарин] Ф.[В.]. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 1. С. 41.

²⁴ Григорьев В.Н.] Заметки из моей жизни // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 225 (В.Н. Григорьев). Д. 5. Л. 37 об. – 38, 50.

²⁵ Дополнение к статье: Воспоминания о А.С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. № 2. С. 87–94.

²⁶ Принц-наместник: «...само Небо обрушило на нас это событие» (Persien. *Allgemeine Zeitung*. 1829. Nov. 21. № 325. S. 1300); «Персиянин-очевидец» в конце 1830 г.: «Все духи ада, должно быть, пронеслись здесь и заставили толпу совершить все грехи Тегерана» (Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 297. S. 1192.)

чувств, уже озаренных блистательными надеждами отечества»²⁷. В этой статье было упомянуто о встрече А.С. Пушкина с гробом Грибоедова²⁸. Это радикально выделяет достойную позицию Пушкина: ведь осень 1829 г. – время полного молчания в России о судьбе посла и посольства.

В 1858 г. вышло собрание сочинений Грибоедова, в котором впервые на русском языке появился рассказ «персиянина-очевидца» о гибели посольства²⁹, переведенный из французского журнала 28-летней давности³⁰. В 1872 г. был опубликован дайджест этого рассказа и три рапорта Мальцова (без указания автора) [9]. Примерно тогда же сообщили о хранящихся в семье Аделунгов «письмах из Персии» К.Ф. Аделунга (1803–1829) [4], погибшего в Тегеране.

Итак, почти 40 лет русская печать никаких известий о тегеранском событии не публиковала, а имеющиеся в архивах генерала Паскевича и Министерства иностранных дел материалы являлись закрытой служебной информацией. Судя по статье П.А. Ефремова [9], на Кавказе циркулировали «утечки» не только рапортов Мальцова, но и персидских извещений о трагедии. О «точности» и «достоверности» собираемых через десятилетия сведений можно судить по воспоминаниям Григорьева, написанных 30 лет спустя после события: Грибоедов «был настойчив до дерзости»; к нему за убежищем обратилась грузинская наложница³¹ важного вельможи; ее оставили ночевать в посольском доме³². А еще полвека спустя служивший в Тегеране казачий генерал В.А. Косаговский (1856–1918) слышал рассказы о грузинках из гарема шаха, навещавших посольство³³. Но антирекорд по достоверности

²⁷ Дополнение к статье: Воспоминания о А.С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. № 2. С. 90.

²⁸ Там же. С. 88–89. Пушкин вернулся в Петербург из поездки на Кавказ в ноябре 1829 г., а опубликовал «Путешествие в Арзрум...», содержащее описание встречи у Гергер, в начале 1836 г. (уже после того, как молчание вокруг имени Грибоедова было прервано публикацией «Горя от ума» и появлением комедии на сцене).

²⁹ Реяция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии: Рассказ персиянина // А.С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. XLV–XLXXXX.

³⁰ Relation des évènements, qui ont précédé et accompagner le massacre de la dernière ambassade russe en Perse. *Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques*. 1830. T. 48. P. 337–367.

³¹ Стоит подчеркнуть, что неизменно в текстах, проводивших «гаремную линию» этой истории, указывают на национальность дам (армянки, грузинки, немки – тут единства нет), а не на их прежнее подданство, или текущее социальное состояние, или место жительства, или нахождение недвижимости, которыми оперируют статьи Туркманчайского договора.

³² Заметки из моей жизни // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 225. Д. 5. Л. 49–49 об.

³³ Дневник Косаговского за 1897 г. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 30 (В.А. Косаговский). Оп. 1. Д. 3. Л. 70–72, 370–380.

описания принадлежит все же иранцам: 129 лет спустя они сумели проинтервьюировать очевидца событий 1829 г. [3].

Первые публикации о произошедшем в Тегеране появились в английских газетах³⁴ только в середине апреля 1829 г.³⁵ Это была информация из немецких источников (находившихся ближе к Петербургу), которая почти точно повторяла официальное русское сообщение от 28 марта (н. ст.) 1829 г. Порой эту информацию сопровождал антироссийский политический комментарий, порой в них звучало сочувствие к вдове посла.

В мае 1829 г. была опубликована нота протеста британского посланника³⁶. В июне 1829 г. этот дипломат выступил с резким обвинением Грибоедова: «Поведение русского посла было наглым и раздражающим в высшей степени; возможно, он следовал инструкциям своего Двора. Обстоятельство, приведшие к смятению, было его отношение к двум женщинам, которых он требовал из гарема султана из-за того, что они якобы из Грузии. Женщины были из Турции. С женщинами плохо обращались, и толпа разгромила посольство»³⁷. Это был первый пробный вариант гаремной романтической байки, которая (на фоне молчания русской прессы) была акцептирована некоторыми и в России.

Приведем мнение посланника Джона Макдональда о Грибоедове, высказанное в частном письме руководителю Ост-Индской компании сразу после гибели посла: «О великодушном, мужественном, хотя, быть может, несколько негибемом характере покойного никто не может свидетельствовать более обстоятельно, чем я, долго живя <кусок страницы оторван> на условиях личной близости вел с ним дела, как общественные, так и частные, и, короче говоря, имел бесчисленные возможности должным образом оценить многие добродетели, которые украшали его ум, и осознать, что высокое чувство чести во всех случаях составляло правило и руководило его действиями» [цит. по: 17, р. 87–88].

Вот еще один вариант «гаремной версии», озвученный сыном 'Аббас-мирзы: «Русский посол был человек с большими природными способностями, лингвист и поэт; он хотел примирения с персиянами, но высмеивал их предрассудки. По его неосторожности или даже вине

³⁴ St. Petersburg, March 27. *The Standard*. 1829, April 13. P. 2; German Papers. *The Times*. 1829, April 14. P. 3; Massacre of the Russian Minister and Suite in Teheran, Persia. *The Observer*. 1829, April 19. P. 1.

³⁵ Здесь и далее даты, касающиеся европейской печати, даны по григорианскому календарю.

³⁶ The Affray at Teheran... *The Standard*. 1829, May 15. P. 2.

³⁷ Dispatches were Received Yesterday... *The Morning Post*. 1829, June 9. P. 3.

по отношению к двум армянкам, он вызвал неудовольствие населения столицы, которое не удалось погасить даже вмешательством шаха»³⁸.

В ответ на ноябрьскую 1829 г. публикацию изложения событий наместником Тегерана³⁹, в январе 1830 г. в приложении к этой газете появилась анонимная (мы предполагаем авторство П.И. Кеппена из-за нескольких буквальных совпадений с его дневниковыми записями июля 1829 г.⁴⁰) статья, в которой автор кратко сообщал об обстоятельствах гибели русских дипломатов и настойчиво спорил с официальным персидским извещением: «Это сообщение, хотя и довольно подробное, но одностороннее; до тех пор, пока не указан преступник, все еще не выяснены детали, наше правительство не опубликует точного описания этого чудовищного преступления»⁴¹.

Таким образом, распространение выработанной британскими дипломатами «гаремной» истории удалось не только из-за того, что гармонировало с уровнем обывательского сознания и осведомленности, но и потому, что русские власти наложили запрет на какие-либо публикации на эту тему и собственного расследования не проводили.

Публикации персидских очевидцев и фальсификаторов

Через 21 месяц после трагедии почти одновременно в нескольких европейских изданиях появилась информация единственного персидского очевидца произошедшего. Все три разноязычных публикации анонимны. На каком языке автор вел рассказ, неизвестно (появившийся в XXI в. перевод на фарси [18] был сделан с английского текста журнала *Blackwood's Edinburgh Magazine*⁴²). Статья на английском языке была первой из трех публикаций. Следующей появилась публикация на немецком в 12 номерах газеты *Das Ausland*⁴³. В декабре 1830 г. французский журнал *Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques* опубликовал третий вариант⁴⁴

³⁸ Travels to the Seat of War in the East, through Russia and Crimea, in 1829... by captain J.E. Alexander. *The Asiatic Journal and Monthly Miscellany*. 1830. Vol. 3. No. 10. P. 115.

³⁹ Persien. *Allgemeine Zeitung*. 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299–1300.

⁴⁰ Путевые записки 1827 и 1829 годов П.И. Кеппена. Запись 26 июля 1829 г. в Горячеводске // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. Д. 145. Л. 54.

⁴¹ Russland. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*. 1830. № 29. S. 115.

⁴² Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829). *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1830. Vol. 28. Sept. Pp. 496–512.

⁴³ Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 287–298.

⁴⁴ Relation des évènements, qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse. *Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques*. 1830. T. 48. P. 337–367.

этого рассказа. Изданием этого журнала занимался выдающийся путешественник, просветитель, полиглот и сооснователь Парижского географического общества Ж.Б.Б. Эйриес (1767–1846), переведивший на французский книги русских путешественников-ориенталистов [12]. Этот журнал регулярно публиковал описания экспедиций на Кавказ, в Среднюю Азию, Сибирь и Урал. Так что, учитывая профессионализм издателя, публикация рассказа «персиянина-очевидца» служит косвенным свидетельством его подлинности.

Полезно сопоставить рассказ «персиянина-очевидца» с появившимся полугодом ранее первым неофициальным сообщением о Тегеранской трагедии, полученным в Европе. Некий «просвещенный и знатный житель Тавриза» по горячим следам (20 апреля 1829 г.) отправил письмо своему знакомому, «знатному джентльмену» из Херефорда (Hereford). Джентльмен опубликовал полученное письмо в газете своего графства 22 мая 1829 г., и даже не единожды. Нам известны повторения этой публикация в журнале, выпускаемом Ост-Индской компанией⁴⁵ и в газете, выходящей в крохотном городке штата Вермонт⁴⁶. Текст «просвещенного и знатного жителя Тавриза» значительно короче и суше позднее опубликованных версий рассказа «персиянина-очевидца»⁴⁷; он по своей структуре почти совпадает с официальным письмом наместника Тегерана⁴⁸, в нем мало тюркских и персидских слов. Численные сведения, которые приводит «просвещенный и знатный житель Тавриза» (количество защищавших русскую резиденцию гвардейцев-персиян и казаков; величина нападающей толпы, денежный начет одного из получивших убежище и др., табл. 1) совпадают с таковыми из рапорта британского лейтенанта и из официального персидского уведомления, что с высокой вероятностью указывает на их общий источник. «Персиянин-очевидец» дает иные сведения, что и полезно обсудить.

⁴⁵ Massacre of the Russian Legation. *The Asiatic Journal and Monthly Miscellany*. 1829. Vol. 27. No. 6. Pp. 783–784.

⁴⁶ Massacre in Persia. *Brattleboro' Messenger*. 1829, July 24. P. 2.

⁴⁷ Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829). *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1830. Vol. 28. Sept. Pp. 496–512; Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 287–298; Relation des évènements, qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse. *Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques*. 1830. T. 48. P. 337–367.

⁴⁸ Перевод копии с письма Шах-зиды Зилу султана к Его Высочеству Аббас Мирзе // Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Т. 3 (октябрь 1827 – май 1831). СПб., 1891. Приложения. С. 69; Persien. *Allgemeine Zeitung*. 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299–1300.

Таблица 1

**Сопоставление некоторых сведений из первых по времени свидетельств
о гибели русского посольства 30 января 1829 г. в Тегеране**

Параметр сравнения	Официальное персидское сообщение, февраль 1829 г.	Репорт Р. Макдональда, март 1829 г.	Письмо в Херефорд, апрель 1829 г.	Рассказ «персиянина-очевидца», октябрь-декабрь 1830 г.
Сумма, украденная мирзой Якубом, тыс. <i>туманов</i>	40–50	–*	40–50	30–40
Время начала нападения – утро, час	–	8–9	–	≈9
Защищали посольство во время первого нападения:				
казаки	30	10	20–30	16
гвардейцы-персияне	100	–	100	0
Погибло персиян в первой стычке	Несколько	1	6	2–3
Число нападавших персиян во второй стычке, тыс.	30	–	30	>0,5
Число гвардейцев, посланных на помощь посольским, тыс.	2–3	–	2	–
Погибло посольских и их служителей, включая погибших в британских конюшнях	Все, кроме четверых –	35 3	30 –	44–54 7–8

* Знак «–» обозначает, что об этом нет упоминания в тексте.

«Просвещенный и знатный житель Тавриза» и принц-наместник излагают схожее начало конфликта: дам в резиденции посла грубо обидели, они воззвали к помощи, прохожие начали потасовку, в результате которой пострадали персияне. Возмущенные тегеранцы штурмовали русскую резиденцию 30-тысячной толпой. Другую последовательность рисует «персиянин-очевидец»: муллы агитировали, по крайней мере, за сутки до нападения и уведомили об этом принца-наместника и высокопоставленного чиновника. «Просвещенный и знатный житель Тавриза» указал, что Грибоедов был убит попавшим в голову камнем (т.е. случайно), после чего и начался захват резиденции и тотальные убийства. По его словам и по официальной персидской версии, на помощь русским шах отправил несколько тысяч гвардейцев во главе со своим сыном-наместником (см. табл. 1).

На указанном числе «спасателей» стоит задержаться. Общее число гвардейцев, находящихся в Тегеране в то время, оценивают в 6 тыс. чел. [10, с. 12–14, 18–19]. Сомнительно выглядит отправка половины всей охраны из цитадели для укрощения бушующей толпы. Число покидавших цитадель гвардейцев было значительно меньше, поэтому толпа их остановила насмешками и заставила ретироваться не силой, а бранью, как об этом рассказал «персиянин-очевидец».

«Просвещенный и знатный житель Тавриза» искажает факты, представленные не только «персиянином-очевидцем», но и другим источником: например, о Казвинском эпизоде почти одинаково повествуют Мальцов⁴⁹ и «персиянин-очевидец»⁵⁰, а «житель Тавриза» превращает его в обвиняющий Грибоедова факт.

Сопоставив все эти расхождения и совпадения, можно сделать ряд предположений. Во-первых, английские дипломаты не только заявляли и публиковали официальные ноты протеста. Они откликнулись на просьбы персидских властей помочь в урегулировании ситуации и поэтому не пренебрегли силой печатного слова. Якобы от частного лица было изготовлено письмо «просвещенного и знатного жителя Тавриза», которое в мае 1829 г. было уже опубликовано в Англии, а в июне-июле 1829 г. стало известно в США и Индии. Учитывая скорость сообщений того времени, мы полагаем, что в Тавриз к 'Аббас-мирзе не позднее начала апреля прибыл кто-то из тегеранских очевидцев. Учитывая, что сам *михмандар* русского посольства появился в Тавризе вместе с лейтенантом Р. Макдональдом 29 марта (17 марта) [16, р. 16, 19],

⁴⁹ Мальцов И.С. Из донесений // А.С. Грибоедов: Его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л., 1929. С. 185–201.

⁵⁰ Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 288. S. 1150.

то он и мог рассказать подробности событий, которые, после искажения и редактирования, изложены в письме в Херефорд. Спустя некоторое время (не ранее осени 1829 г., когда письмо «просвещенного и знатного жителя Тавриза» опубликовал ориентированный на Восток *The Asiatic Journal and Monthly Miscellany*), этот «кто-то» из очевидцев (или из британских дипломатов, хорошо знакомых с его устной информацией) остался недоволен содержанием письма в Херефорд и записал более пространственный рассказ «персиянина-очевидца», включавший не только описание дня трагедии, но и 40 дней, ей предшествовавших.

Зафиксированный майором Георгом Уиллоком рассказ «персиянина-очевидца» был 10 января 1830 г. отослан в журнал *Blackwood's Edinburgh Magazine* с рекомендательной запиской от врача британского посольства в Персии доктора Джона Макнейла (1795–1883), давнего корреспондента этого журнала⁵¹. Так на свет явился более живой (непосредственный), насыщенный датами (16 дат) и фактами, восточной лексикой и сочувствием к Грибоедову рассказ. Британские исследователи, тщательно изучив архивы этого журнала, не обнаружили рукописи, но обнаружили рекомендуемое ее письмо Макнейла [17, р. 76–77]. А то, что в своей рекомендации Макнейл употребил выражение не «перевод сделал», а «перевод составил» Уиллок, для некоторых исследователей служит основанием для обвинения британцев в «сочинении» этого источника, и, следовательно (?!), в организации нападения на посольство [1].

Верификация свидетельства «персиянина-очевидца»

О том, что «персиянин-очевидец» являлся реальным человеком, а не мифом, свидетельствуют некоторые особенности текста.

1. В рассказе проступают психологические черты средневекового стратифицированного общества: первоначальная холодность Грибоедова с сопровождающими объясняется неудовольствием посла от прикрепления к миссии чиновника невысокого ранга. Излагая эпизод с обращением за убежищем мирзы Якуба, абсолютно проигнорированы личностные мотивы евнуха, тайного христианина. Почти на всем протяжении рассказа «персиянин-очевидец» смещал на день даты событий по *хиджре*, но правильно указывал дни недели. В Персии того времени каждому дню недели соответствовала своя планета, металл и цвет. Поэтому воспитанному в традиционной персидской культуре человеку лучше запомнился день недели, а не дата.

⁵¹ F.M. [MacAlister F.] *Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Wilson*. L., 1910. P. 64, 72.

2. Некоторые «проговорки» очевидца. Он указал на вину тегеранских властей, что противоречило не только официальной позиции персиян, но и распространяемым британцами «гаремным» историям.

2.1. Упоминание о нежелании принца-наместника Тегерана встречаться с послом.

2.2. Указание на то, что возмущенные муллы города известили принца-наместника о планируемом нападении вечером накануне. В ответ принц-наместник просил лишь ненадолго отложить акцию.

2.3. Охлаждение вначале властей, а потом и тегеранских обывателей к посольству, по записям «персиянина-очевидца», началось задолго до прихода к русским *мирзы Якуба* (20 или 21 января 1829 г.) и однозначно связано со вторым приемом шахом Грибоедова (10 или 11 января), на котором посол отказал в дальнейшем обсуждении статей уже подписанного мирного договора.

2.4. Очень короткое упоминание о важнейшем эпизоде дипломатической борьбы Грибоедова за *мирзу Якуба*, оставленном без внимания исследователями. На специальной (четвертой) аудиенции у шаха 22 января 1829 г. посол пробовал перенести рассмотрение дела Якуба из религиозного суда (обещавшему только смерть предавшему веру) в суд светский (которому и подобает судить недостачу), но ему это не удалось: шах оставил дело в ведении мулл, что трудно истолковать иначе, чем триггер к действию.

2.5. Описание состава толпы, дважды нападавшей на посольство, четко указывает на ее усиление профессионалами-военными. Согласно «персиянину-очевидцу», первое нападение произвели не более 500 человек, вооруженные палками и кинжалами. Учитывая, что у них не было огнестрельного оружия, отразить первое нападение было под силу назначенной охранять посольство Фараханской роте из 80 человек, но они покинули посольство; в миссии остался только их командир. Вооруженная холодным оружием толпа выручила двух гаремных дам и растерзала *мирзу-перебежчика*; погибли лишь несколько человек. Второй штурм, уничтоживший полсотни русских, включая казаков, произвела толпа взрослых мужчин, вооруженных огнестрельным оружием.

2.6. «Персиянин-очевидец» затруднился оценить численность толпы, разгромившей посольство, а официальное персидское письмо сообщает о 30 тыс. человек (см. табл. 1). Население Тегерана того времени не превышало 150 тыс. человек. Теоретическая возрастная пирамида для растущего населения имеет вид треугольника, в котором доля населения от 15 до 45 лет составляет примерно 34%. Учитывая, что примерно половина из них – женщины, число всех (!) мужчин Тегерана указанного возраста составляло около 25 тыс. человек.

3. «Персиянин-очевидец» не скрывал симпатию к русскому послу на всем протяжении повествования. Он указал на упущенную русскими возможность дать вооруженный отпор с заранее подготовленных позиций. И дал две версии судьбы трупов русского посла: официальную, в конце своего рассказа (отыскан в целости под окошком своей спальни и передан для похорон) и трагическую правду в рассказе о ночи после резни: глумление и уродование трупов и их упокоение в городском рву вместе с отбросами.

Но все вышеперечисленное относится к психологическим аргументам. Необходимо выявить в рассказе «персиянина-очевидца» какие-то объективные факты, которые можно проверить даже сегодня.

Первым свидетелем достоверности этого рассказа является сам Грибоедов. В последнем из его сохранившихся писем посланнику Дж. Макдональду он не текстуально, но фактологически повторяет описание пути в Тегеран⁵², сделанное «персиянином-очевидцем»⁵³.

Еще один момент: готовясь покинуть Тегеран, Грибоедов составил список сотрудников для награждения персиянами. В этом списке отсутствовало лишь имя плута Рустама. Как сообщил «персиянин-очевидец», его воровство возмутило Грибоедова, поэтому он единственный и был обойден наградой⁵⁴.

На наш взгляд, третьим фактом, подтверждающими подлинность, а не вторичность рассказа «персиянина-очевидца», являясь сообщенные им хозяйственные детали снабжения русской миссии⁵⁵. Для кормления транспорта посольского каравана ежедневно требовались ячмень и солома. Учитывая фуражную норму персидской армии того времени [10, с. 22], караван состоял из 200 голов. «Персиянин-очевидец» указал и число путешественников: 8 «посольских» (дипломаты, переводчики, врач и фактор), 16 казаков охраны, 20 слуг, 10 примкнувших для розыска пленных и 9 персиян-сопровождающих (итого 63 человека). Второй секретарь посольства К.Ф. Аделунг упомянул о двух вьючных животных для каждого путешественника [13, с. 165]; тогда для 63 всадников необходимо 126 вьючных животных, всего 189 голов, что удовлетворительно согласуется с оценкой в 200 голов, сделанной по объему фуража. Список «персиянина-очевидца» дает ежедневный объем топлива: дрова (для отопления) и древесный уголь для приготовления пищи. Оценка дневного количества порций, которое можно приготовить на этом топливе, дает 270 порций, что достаточно, к примеру, для

⁵² Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 3. СПб., 2006. С. 302–304.

⁵³ Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 288. S. 1149.

⁵⁴ *Ibid.* № 292. S. 1166.

⁵⁵ *Ibid.* № 287. S. 1145.

двухразового питания с двумя горячими блюдами для 67 человек, что соотносится с численностью посольства и его персидского сопровождения (63), сообщенной «персиянином-очевидцем». Он предоставил список продуктов для миссии, ежедневно планировавшихся к получению. Сопоставление с известными нормами дает кратность превышения походного или военного рациона примерно в 3,4 раза. По словам «персиянина-очевидца», Грибоедов, прибыв в Тегеран, вдвое сократил продуктивное снабжение посольства⁵⁶, что разумно согласуется с приведенным списком.

Таким образом, доказательство достоверности и первичности рассказа «персиянина-очевидца» дают новый материал для анализа важного события русской истории – почти полного уничтожения посольства, возглавляемого полномочным министром А.С. Грибоедовым.

Библиографический список / References

1. Аринштейн Л.М. Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // Русская литература. 1981. № 2. С. 225–233. [Arinstein L.M. New data on the circumstances of Griboedov's death (according to English sources). *Russkaya literature*. 1981. No. 2. Pp. 225–233. (In Rus.)]
2. Аринштейн Л.М. Персидские письма по поводу гибели Грибоедова // А.С. Грибоедов: материалы к биографии. Л., 1989. С. 108–133. [Arinstein L.M. Persian letters about the death of Griboedov. A.S. *Griboedov: materialy k biografii*. Leningrad, 1989. Pp. 108–133. (In Rus.)]
3. Байбурди Ч. Новое о гибели А.С. Грибоедова (по данным иранской печати) // Русская литература. 1959. № 4. С. 171–173. [Bayburdi Ch. New about the death of A.S. Griboedov (according to the Iranian press). *Russkaya literature*. 1959. No. 4. Pp. 171–173. (In Rus.)]
4. Берже Ад.П. Александр Сергеевич Грибоедов в Персии и на Кавказе 1818–1828 // Русская старина. 1874. Т. 11. № 9. С. 276–300. [Berge Ad.P. Alexander Sergeevich Griboedov in Persia and the Caucasus 1818–1828. *Russkaya starina*. 1874. Vol. 11. No. 9. Pp. 276–300. (In Rus.)]
5. Берже Ад.П. Смерть А.С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. № 712. С. 163–207. [Berge Ad.P. Death of A.S. Griboedov. *Russkaya starina*. 1872. Vol. 6. No. 712. Pp. 163–207. (In Rus.)]
6. Боде К.К. Смерть Грибоедова // А.С. Грибоедов: Его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л., 1929. С. 207–211. [Bode K.K. Death of Griboedov. A.S. *Griboedov: Yego zhizn i gibel v memuarakh sovremennikov*. Leningrad, 1929. Pp. 207–211. (In Rus.)]
7. Голлер Б.А. «Горе от ума» в современном мире // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 220–290. [Goller B.A. “Woe from Wit” in the Modern World. *Voprosy Literaturny*. 2009. No. 4. Pp. 220–290. (In Rus.)]

⁵⁶ Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung. *Das Ausland*. 1830. № 291. S. 1162.

8. Дмитриев С.Н. Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель. Историческое расследование. М., 2017. [Dmitriyev S.N. Posledniy god Griboedova: Triumph. Lyubov. Gibel. Istoricheskoye rassledovaniye [Griboedov's last year: Triumph. Love. Death. Historical investigation]. Moscow, 2017.]
9. Ефремов П.А. О смерти А.С. Грибоедова в Тегеране // Русский архив. 1872. № 7-8. Стлб. 1492–1538. [Efremov P.A. About A.S. Griboyedov death in Tehran. *Russkiy arkhiv*. 1872. No. 7-8. Col. 1492–1538. (In Rus.)]
10. Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Персидская армия в войнах с Россией 1796–1828. М., 2016. [Krugov A.I., Nechitaylov M.V. Persidskaya armiya v voynakh s Rossiyev 1796–1828 [The Persian Army in the Wars with Russia 1796–1828]. Moscow, 2016.]
11. Кузовкина Т.Д. Выполнил ли Булгарин поручение Грибоедова? // Пермский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 327–339. [Kuzovkina T.D. Did Bulgarin fulfill Griboedov's order? *Permyakovskiy sbornik*. Part 2. Moscow, 2010. Pp. 327–339. (In Rus.)]
12. Марисина И.М. Очерки по истории международных связей Императорской Академии художеств во второй половине XVIII – первой трети XIX века. М., 2021. С. 310–318. [Marisina I.M. Ocherki po istorii mezhdunarodnykh svyazey Imperatorskoy Akademii khudozhestv vo vtoroy polovine XVIII – pervoy treti XIX veka [Essays on the history of international relations of the Imperial Academy of Arts in the second half of the 18th – the first third of the 19th century]. Moscow, 2021. Pp. 310–318. (In Rus.)]
13. «Письма из Персии» 1828 года секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе / Вступительная ст., подготовка текста, пер. и коммент. Е.В. Юдиной и И.М. Могилевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб., 2020. С. 99–221. DOI: 10.31860/0202-0262-2020-37-99-221 [“Letters from Persia” of 1828 by the secretary of the Russian embassy Karl Adelung in full translation (Introductory article, text preparation, translation and commentary by E.V. Yudina and I.M. Mogilevich). *Ezhegodnik Rukopisnogo otдела Pushkinskogo Doma na 2020 god*. T.S. Tsarkova (ed.). St. Petersburg, 2020. Pp. 99–221. DOI: 10.31860/0202-0262-2020-37-99-221 (In Rus.)]
14. Улунян А.А. Дэвид Уркварт, “The Portfolio” и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. М., 2014. С. 58–90. [Ulunyan A.A. David Urquhart, “The Portfolio” and the beginning of the end of the secret diplomacy of St. Petersburg. *Slavyane i Rossiya: slavyanskiye i balkanskiye narody v periodicheskoy pechati*. Moscow, 2014. Pp. 58–90. (In Rus.)]
15. Фомичёв С.А. Александр Грибоедов: биография. М., 2012. [Fomichov S.A. Aleksandr Griboyedov: biografiya [Alexander Griboyedov: Biography]. Moscow, 2012.]
16. Harden E.J. The murder of Griboedov. New materials. *Birmingham Slavonic Monographs*. 1979. № 6. Pp. 1–91.
17. Harden E.J. Griboedov and the Willock Affairs. *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. No. 1. Pp. 74–92.
18. Timuri I. History of the Qajar dynasty: Troubles in Tehran and the murder of Plenipotentiary Minister Griboedov. *Bukhara*. 2011. No. 85. Pp. 443–493. (In Persian).

Статья поступила в редакцию 24.05.2023, принята к публикации 19.06.2023
The article was received on 24.05.2023, accepted for publication 19.06.2023

Сведения об авторе / About the author

Ирина Михайловна Могилевич – кандидат химических наук; волонтер музея, Вторая Санкт-Петербургская гимназия, г. Санкт-Петербург

Irina M. Mogilevich – PhD (Chemical Science); volunteer at the Museum, Second St. Petersburg Gymnasium

E-mail: mmmogilevich@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-30-41

УДК 930.1

А.А. Рудь

Государственный университет просвещения,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

Исторические взгляды Ф.А. фон Хайека

В статье рассматриваются исторические взгляды австрийского философа и экономиста Фридриха Августа фон Хайека. Он считается основоположником неолиберализма, основные положения которого были сформулированы в рамках экономических, политических и научных дискуссий в Лондонской школе экономики, в Чикагском университете и на встречах общества «Мон Пелерин». Политические взгляды Ф.А. фон Хайека являются предметом длительной научной дискуссии. Цель данной статьи – проанализировать его взгляды на исторический процесс. Научная новизна настоящей статьи заключается в обращении к текстам работ, которые никогда не использовались в плане анализа его исторических взглядов. По мнению автора статьи, Ф. Хайек, используя парадигмы австрийской школы и шотландского просвещения, пытался реанимировать нарратив «истории виггов». Такой способ изложения истории станет частью его концепции «спонтанных порядков».

Ключевые слова: Фридрих Август фон Хайек, вигистский нарратив в историографии, принцип «правление закона», “isonomia”, “demokratia”

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рудь А.А. Исторические взгляды Ф.А. фон Хайека // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 30–41. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-30-41

A.A. Rud'

State University of Education,
Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Friedrich A. von Hayek's historical views

The article examines the historical views of Friedrich August von Hayek, Austrian philosopher and economist. He is considered the founder of neoliberalism, the main points of which he formulated in the framework of economic, political and scientific discussions at LSE and the University of Chicago, and at meetings of the Mont Pelerin Society. His political views are the subject of a long and unfinished discussion. The purpose of this article is to describe Hayek's views on the historical process. The scientific novelty of the article lies in the use of works which have never been used in the analysis of his historical views. According to the author of the article, A. Hayek, using the paradigms of the Austrian school and the Scottish Enlightenment, tried to revive the Whig narrative of historiography. This way of telling history would become a part of his concept of "spontaneous orders".

Key words: Friedrich August von Hayek, Whig narrative of historiography, principle "rule of Law", "isonomia", "demokratia"

FOR CITATION: Rud' A.A. Friedrich A. von Hayek's historical views. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 30–41. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-30-41

После окончания Первой мировой войны (1914–1918) и Октябрьской революции в России 1917 г. в странах Европы произошла радикализация политических программ левых и правых партий. Среди интеллектуалов бóльшей популярностью пользовались идеи государственного планирования, этатизма, вождизма и корпоративизма как ответ на социально-экономические кризисы межвоенного времени и неразрешенные послевоенные проблемы.

Австрийский экономист и политический философ Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) выделил несколько общих идеологических черт межвоенного периода (1918–1939 гг.): планирование в экономике

и в социуме (идея «планирования»)¹, этика коллективизма, массовизация сознания в виде «социальных целей»², идеологический контроль над наукой и искусством³. Последняя черта массовых идеологий напрямую затрагивала социогуманитарные науки, в т.ч. историческую науку. «В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты», – писал Хайек⁴. В политике не последнюю роль играют взгляды на историю, как правило, предоставляя историческим фактам определенную оценку. Одним из подобных примеров использования мифов для политических целей Хайек считал описание британскими журналистами Джоном и Барбарой Хэммондами ухудшения социального положения британских рабочих в период промышленной революции в Великобритании⁵.

Англоязычная историография давно изучает труды и биографию мыслителя. Главным образом, здесь следуют упомянуть биографические труды Б. Колдвелла и А. Эбенштейна. Среди работ, описывающих его интеллектуальную биографию, можно назвать концепцию «эпистемологического поворота Ф. Хайека» Т. Хатчинсона, в которой он выделил два периода: период «априористской» методологии Людвиг Мизеса и период антиисторицистской программы Карла Поппера [10, р. 5]. Нельзя не отметить вклад Р. Кубедду в изучение критики «историцизма» Ф. Хайека, в котором итальянский историк видит продолжение критики «историцизма» в русле традиций Карла Менгера немецкой исторической школы экономики [2, с. 82]. В русскоязычной историографии пока еще не появилось ни одной монографии по этому вопросу. Отметим лишь совместную статью И.В. Дёмина и С.В. Мышкина, в которой произведен анализ критики «историцизма» Хайека. С точки зрения авторов, кроме методологического индивидуализма, Хайек использовал критику историцизма и метод нарративного конструирования исторических фактов Поппера [1, с. 32].

Целью данной статьи является анализ исторических взглядов Ф. Хайека, а именно – объяснение им особенностей открытия законов (которые он позднее назовет следствием «спонтанных порядков» в трилогии «Право, законодательство и свобода»).

¹ Хайек Ф.А., фон. Дорога к рабству / Пер. с англ. М., 2005. С. 58.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 162–163.

⁴ Хайек Ф. История и политика // Капитализм и историки: мифы о Промышленной революции / Б. де Жувенель, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, Т. Эштон / Пер. с англ. М.; Челябинск, 2019. С. 8.

⁵ Там же. С. 16–17.

После выхода «Дороги к рабству» в 1944 г. Хайек, используя волну своей популярности, возвращается к идее создания общества, целью которого должно стать возрождение старой либеральной идеологии. Подобная попытка объединения мыслителей, близких к либерализму, в рамках одной организации, была предпринята в Париже при проведении «коллоквиума Липпмана» в 1938 г. Необходимость во второй попытке создания новой организации заключалась в неразрешенных проблемах после Второй мировой войны, связанных с интеллектуальной атмосферой в странах Западной Европы и Северной Америки. Представления о возможностях регулирования социально-экономической сферы как наилучшего способа преодоления социальных проблем доминировало в научной и в политической среде, что вызывало у Хайека опасения за будущее индивидуалистической свободы.

После нахождения спонсоров, в 1947 г. открывается первая сессия общества «Мон Пелерин» (*Mont Pèlerin Society*). Организация соединила в себе специалистов гуманитарного знания: философов, журналистов, социологов, экономистов, политиков и историков. Необходимостью собрания такого междисциплинарного клуба заключалась в выработке новой политической философии. М. Хартуэлл считал, что решение о создании такой организации выросло из убеждения Хайека в угрозе коллективизма и идей планирования [7, р. 18–19]. По мнению Д. Стедмена-Джоунза, к этим опасениям прибавлялись и угрозы со стороны России [4, с. 106–107]. Стоит отметить, что об угрозе со стороны России Хайек ничего не писал. Для него основными проблемами являлись соотношение правовой и экономической свободы в обществе и то, как это понималось политиками и научно-академическим сообществом. Главный вопрос его исследований в политической философии можно сформулировать таким образом: «Как сохранить одновременно свободу индивида и обеспечить стабильность в развитии общества путем постепенного обогащения каждого ее члена, не допустив злоупотреблений власти и самих индивидуумов?». В связи с чем можно сказать, что Хайек считал необходимостью не только создание новой политической философии либерализма, но и новой этики.

Выступив в апреле 1947 г. на собрании общества «Мон Пелерин», посвященном дискуссии о современной историографии и политическом образовании, он отметил две опасности в попытках поисков истины в истории: «вера в неизбежные законы развития»; «вера в возможность чело- века избегать оценочного суждения в трактовке исторических фактов»⁶.

⁶ Caldwell B. *Mont Pèlerin 1947: Transcripts of the Founding Meeting of the Mont Pèlerin Society*. Washington, 2022. Pp. 123–124.

Влияние на общественное мнение исторических мифов, основанных на конструктивистских представлениях общественного развития, приводило к постепенному принятию изменений, касающихся личной жизни каждого человека. Под конструктивистскими представлениями Хайек понимал не только наследие исторического материализма в философии истории, но и интеллектуальную линию, идущую от французского рационализма до позитивизма. То есть для Хайека исторический материализм имел общую родословную линию с представлениями картезианства, французского Просвещения и социологии Огюста Конта. Хотя в философии Р. Декарта отсутствуют мысли о политике, Хайек считал, что идея Декарта о разуме как о единственном, в чем можно быть уверенным, породила плеяду политических мыслителей-утопистов, считающих возможным для человека переустроить общество, минуя человеческие слабости. С точки зрения Хайека, их общей чертой являлось представление о возможности осознанного переустройства общества, основываясь на идеалистических представлениях о «всемогуществе человеческого разума».

Как утверждают И.В. Дёмин и С.В. Мышкин, критика Хайеком конструктивистского и телеологического понимания философии истории и исторического нарратива произрастает из его философских представлений методологического индивидуализма австрийской школы и номинализма, в которых реально действующим началом является индивид и его действия по отношению к обществу. В рамках социальной группы различного масштаба индивиды взаимодействуют друг с другом и, тем самым, формируют такой социальный порядок, в котором результаты деятельности отдельных его участников в общей совокупности будут приводить к неожиданным и незапланированным результатам [1, с. 33]. Здесь необходимо внести несколько уточняющих тезисов.

В русле философской методологии австрийской школы, которой в науке дали название «методологический индивидуализм»⁷, человек в истории представляется как единственный активный актер, определяющий социальное пространство. Создание, развитие и изменение всех социальных явлений, будь то язык, деньги, законы, является сутью человеческих интересов и мотивов, основанных на общей линии традиций, законов и прав. Невозможно создать новацию, не опираясь на наследие прошлого. Соответственно, при работе с историческим материалом необходимо учитывать исторические особенности того исторического времени и те обстоятельства, которые способствовали формированию

⁷ Принцип в науке, объясняющий социальные явления как следствие мотивов и действий отдельных индивидов, взятых в единичных значениях, а не социальных групп: классов, страт, сословий.

или развитию тех или иных социальных явлений, избегая использования общих исторических понятий, которые были определены для описания отдельных исторических событий.

«Номиналистичностью» авторы называют представления Хайека об исторических явлениях как индивидуальных неповторимых единицах в истории [1]. Например, понятия «государство» или «средний класс» применимы только в те эпохи, когда эти понятия были актуальны для того времени или имели иное смысловое содержание. В связи с чем данные понятия не могут быть использованы для объяснения иной эпохи, в которой они не существовали.

Критикуя «историцистский» нарратив, Хайек в своей трилогии «Право, законодательство и свобода» противопоставлял ему теорию «спонтанных порядков», основанную на эволюции прав и законов в русле общего развития европейской цивилизации. По его словам, целью создания законов, начиная с древности, являются не желания отдельного лица навязать свою власть, а лишь необходимость зафиксировать те устные традиции закона, которые объединяют и направляют людей⁸. Получается, что природа закона произрастает из общества и основывается на знании и мнениях. Из этого следует вывод: «Политическая власть, основанная на принятии общественным мнением суверенности законодателя, будет подкрепляться лояльностью до того, пока законодатель не будет обманывать ожидания общего характера правил в обществе»⁹.

Трилогия «Право, законодательство и свобода», созданная на протяжении 1970-х гг. и изданная в трех частях, представляет собой итог творчества Хайека в политической философии вместе с *opus magnum* «Конституция свободы» (1960). Социально-политические вопросы волновали его еще чуть ли не с выхода книги «Социализм» его наставника Людвиг фон Мизеса в 1921 г. Однако первые политические книги Хайека были опубликованы в 1937 г. («Денежный национализм и международная стабильность») и в 1944 г. («Дорога к рабству»). Как признал Хайек, целью написания «Конституции свободы» являлась всесторонняя реабилитация принципов либерализма¹⁰. Многие идеи, которые

⁸ Хайек Ф.А., фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарёва под ред. А. Куряева. М., 2020. С. 100.

⁹ Там же. С. 111.

¹⁰ Interview of Friedrich A. von Hayek. 1.14 Tape: Buchanan I, side one tape date: October 28, 1978. URL: https://static.library.ucla.edu/oralhistory/text/masters/21198-zz0008zd21-4-master.html?_ga=2.116672207.856352118.1677757188-1412450051.1677757188#SessionBuchanan1a (date of access: 03.02.2023).

он высказывал в рамках данной работы, нашли свое продолжение в трилогии «Право, законодательство и свобода».

Историческая рефлексия в Европе в межвоенное время XX в. происходила под знаком борьбы нескольких нарративных моделей. Появление первой «республики рабочих» (т.е. СССР) на карте Европы и мира привело к популяризации позиции исторических материалистов по поводу взглядов на исторические процессы. Хотя продвижение большевиков в Европе остановилось на границе Польши, а советские республики в Центральной Европе пали под интервенцией соседних государств или от рук официальных правительств, в научных и студенческих кругах революционные настроения сохранялись, особенно в научных изысканиях.

Хайек не стал профессиональным историком (хотя задумывался о написании нескольких трудов по истории экономики), в своих работах он косвенно предпринял попытку объяснения истории с позиции методологического индивидуализма и метода историописания К. Поппера. Что касается связи понятий «историцизма» Хайека и «историзма» Поппера, то все исследователи склонны во мнении, что по содержанию эти понятия отражают одно и то же понимание конструирования исторической реальности с помощью исторических фактов [8, p. 95; 9, p. 351–352]. Все же создается впечатление, что Хайек, в отличие от Поппера, верил в культурные эволюционные процессы открытия законов среди людей. История должна пониматься с точки зрения культурного прогресса в противовес логической и рациональной реконструкции исторических фактов и событий на основе сил разума [6, p. 76]. Однако в отношении к своим оппонентам использовал фальсификационизм Поппера. Как верно подметил М. Бедделэм, задачей Хайека в конструировании «нового» исторического нарратива заключалась в распространении либеральной морали среди научного сообщества через преподавание истории, также как социалистические авторы распространяли свои взгляды на историю [5, p. 368]. Стоит отметить, что Хайек выстраивал свой исторический нарратив, используя образец истории вигов XVIII–XIX вв.

Об истории развития законов Хайек рассказал в двух своих произведениях. В «Конституции свободы» он повествует о развитии свободы от наследия эпохи античности до Американской революции конца XVIII в. В трилогии «Право, законодательство и свобода» он использовал исторические аргументы для обоснования своей концепции «спонтанных порядков». В его работах, посвященных историческому возникновению законов и прав, с одной стороны, хорошо проясняется его теория «спонтанных порядков», а с другой – обнаруживается связь его историко-философского нарратива с политическим дискурсом вигов.

Хайек в критике «историцизма» рассматривал историю как науку, которая отрицает возможность познания прошлого через универсальные теории¹¹. Как правило, подобные теории, основываясь на общей историософской рефлексии о существовании особых исторических законов, описывают объяснимую каузальную связь прошлых определенных исторических фактов, оправдывающих современность и определяющих будущее. «Историцизм» использует формулировки исторического нарратива через понятия «стадий» или «фаз» и предполагает путь к определенной конечной цели в историческом развитии общества¹².

Хайек в своем объяснении исторических процессов развития человеческого общества исходил из того, что источником любого закона является не какая-либо универсальная истина, спрятанная в исторических законах. В ходе исторического развития человечества уникальные исторические явления единичны в истории ушедшей эпохи, но не претендуют на объяснение эпохи современной. Они лишь являются теоретическими конструктами ученых для упрощения объяснения истории, но не в качестве «естественных» объектов, объясняющих ход развития истории [1, с. 33]. «Контрреволюция науки» задумывалась как методологическая работа, направленная против попыток навязать с помощью истории социально-объяснительную модель, которая способна лишить человека свободы действия.

В своем историческом нарративе Хайек опирается на философию шотландского просвещения, на австрийскую школу с ее методологическим индивидуализмом и на «историю вигов». Как верно отметил П.Ю. Рахшмир, Хайек предпочитал идентифицировать себя с английскими вигами, потому что он считал данное понятие более близким и для определения принципов свободы, которые свободны от «суперрационализма» [3, с. 7].

Находившийся под влиянием шотландского просвещения, особенно учения Д. Юма, Хайек исходит из положения о неизменности человеческого поведения в рамках всей истории человечества, конкретно в склонности многих людей к неразумным действиям, заблуждениям, пассивности¹³ и, одновременно, их стремления к накоплению и сохранения своего богатства¹⁴. Заданное К. Менгером представление австрийской школы о процессах развития гражданских институтов, которое время от времени выражается в процессе установления соглашений

¹¹ Хайек Ф.А., фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / Пер. с англ. Е. Николаенко. М., 2003. С. 88.

¹² Там же. С. 99–101.

¹³ Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М., 2018. С. 88.

¹⁴ Там же. С. 198.

между людьми как на уровне законов¹⁵, так и на уровне развития языка, денег и права¹⁶. В «истории вигов» Хайек видел ключ для обоснования принципов «разделения властей» и «правления законов».

Вклад эллинизма в принцип «правления законов» выражается в представлениях греков о различии двух понятий – *demokratia* и *isonomia*. Первое понятие означает принцип равенства в правлении, тогда как второе означает равенство всех людей перед законом и равенство действия. *Isonomia* упоминалась у Геродота и Фукидида и пользовалась большим преимуществом, в отличие от *demokratia*. Развивая свои исторические представления, Хайек в трилогии «Право, законодательство и свобода», ссылаясь на работы британских историков Арнольда Джонса и лорда Актона, описывал особый законодательный орган в Афинах – *nomothetae*, чья задача заключалась в поддержании справедливого поведения *nomoi* и пресечения попыток с помощью большинства изменить законы¹⁷. Хайек считал, что введение аналогичного органа в современную политическую систему разделения властей смогло бы предотвратить резкие социально-экономические изменения путем контроля со стороны демократического большинства. Главную проблему либерально-демократических режимов Хайек видел в угрозе прихода популистов в правительство, слившее в себе законодательную и исполнительную власти.

Далее Хайек писал, что *isonomia* исчезает из лексикона, начиная с Аристотеля, хотя ее смысл в аристотелевской «Политике» сохранился¹⁸. Впоследствии Хайек отсылал читателя к заимствованию понятия *isonomia* римлянами в трудах Тита Ливия и в речах Цицерона. Он верно отмечал, что эти авторы распространили эллинскую философскую традицию на римскую правовую мысль и модифицировали смысл равенства всех перед законом как *leges legum* – «мы повинемся закону, чтобы быть свободными»¹⁹. И хотя Хайек очень близко подходил к республиканской традиции мысли – «законы как наша общая свобода и общее дело», он все же ближе к когнитивному содержанию греческого понятия *isonomia*. В римской правовой мысли *respublica* или «общее дело» предполагает жертвенность во имя блага общины. Тогда как греческое понятие предполагает ценность каждого свободного члена полиса.

¹⁵ Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М., 2018. С. 139.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Хайек Ф.А., фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарёва под ред. А. Куряева. М., 2020. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 210–212.

¹⁹ Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М., 2018. С. 214–215.

Этим Хайек объяснял падение Римской республики и приход к власти «неограниченной эмпирической воли» императора, кульминацией которого стал «Кодекс Юстиниана» с концепцией монарха, стоящего над законом²⁰.

О трактовке законов и права в средние века Хайек писал сравнительно мало. Он признавался, что в средневековье свобода воспринималась по-другому и данные представления были далеки от современности. Однако он выделял несколько черт для той исторической эпохи, которые важны в его социально-политических взглядах. Хайек симпатизировал концепции средневекового закона и прав, исходящих от божественного провидения: «государство не может само по себе создавать или принимать закон и, конечно, столь же мало оно может упразднить или нарушать закон, потому что это означало бы упразднение самой справедливости, это был бы абсурд, грех, восстание против Бога, который один лишь творит закон»²¹. Подобная концепция закона, по мнению Хайека, не позволяла средневековым монархам и князьям создавать законы по их собственной воле, а лишь «отыскивать» их.

Говоря о развитии законов и права в Новое время, Хайек, в основном, повествовал о некоторых событиях политического развития Англии и совсем немного упоминал континентальную Европу. Он считал, что «Кодексы Юстиниана» распространились по всему континенту, из-за чего появился режим абсолютной монархии в Европе²².

События истории Англии XVII в. он описывает в русле классической традиции «истории вигов». Указывает на долгое противостояние королей и парламента после смерти Елизаветы I Тюдор, кульминацией чего стала «Славная революция» 1688–1689 гг. Важными событиями в очерченный им период он считает дискуссии о Статуте о монополиях 1624 г., ликвидацию прерогативных судов и Звездной палаты в 1641 г. и попытку введения принципа разделения властей парламентом в 1660 г. Общим побочным следствием всех перечисленных событий он называл возникновение свободы индивида²³, намекая на появление современного понимания этой свободы в либеральном дискурсе.

Важно отметить, что Хайек в своем историческом нарративе выступал не только как юрист, но и как экономист. Все упоминаемые им события истории Англии XVII в. связаны с экономической деятельностью тех времен. В то же время Хайек не совсем экономоцентричен

²⁰ Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М., 2018. С. 216.

²¹ Там же. С. 206.

²² Там же. С. 214.

²³ Там же. С. 216.

в своем историческом нарративе. Для него не менее важным следствием свободы являлся принцип «правления законов над людьми» или законов как источника свободы. Это объясняется его связью с традициями политической философии австрийской школы, где политика и экономика взаимно влияют друг на друга. Если политико-правовые свободы отсутствуют в государстве, следовательно, экономика не будет свободна и наоборот.

Неудивителен факт, что в эссе «Почему я не консерватор?» Хайек называл себя «старым вигом, с ударением на слово “старый”»²⁴. В «Конституции свободы» он предпринял попытку возрождения исторического нарратива вигов в рамках создания той «либеральной утопии», о которой заявил в статье «Интеллектуалы и социализм»²⁵. В «истории вигов» он видит не только инструмент в борьбе идей, но и способ воспитания целой нации в уважении к законам²⁶, которые созданы в результате спонтанных усилий множества людей.

В своих исторических работах Хайек сформировал не только принцип «правления закона», но и идеи о том, что законы исходят из национальной специфики и должны отвечать реалиям гражданского самосознания. Это очевидно из его мысли, что любой закон произрастает из гражданского общежития, а не из умов интеллектуалов. Попытки искусственного введения законов неизбежно приведут к их неприятию и несоблюдению.

В анализе исторических процессов формирования законов и прав, данном Хайеком, видна его приверженность нарративу «истории вигов», который он хотел реанимировать. В работах Хайека подход методологического индивидуализма австрийской школы, антропологические представления, характерные для шотландского просвещения, взгляд на историю в русле исторического нарратива вигов соединяются с представлениями о гражданском обществе как о главном источнике законов и прав. Политический проект взгляда, который предлагал обновленный вариант либерализма с консервативным уклоном в защиту традиций общества, предлагал новую этическую программу – мораль, основанную на уважении тех законов, которые сложились в обществе, и их изменений при необходимости сохранения вектора развития. Поэтому Хайек использовал традиции исторического нарратива вигов для объяснения смысла принципа «правления законов» как необходимости сохранения свободы, а также для основы его концепции «спонтанных порядков».

²⁴ Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М., 2018. С. 499.

²⁵ Хайек Ф. Интеллектуалы и социализм // Капитализм и историки: мифы о Промышленной революции / Б. де Жувенель, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, Т. Эштон; Пер. с англ. М.; Челябинск, 2019. С. 257.

²⁶ Хайек Ф. История и политика // Там же. С. 9.

Библиографический список / References

1. Дёмин И.В., Мышкин С.В. Критика историцизма в философской концепции Фридриха фон Хайека // Грамота. 2016. № 9 (111). С. 31–34. [Domin I.V., Myshkin S.V. Criticism of historicism in the philosophical concept of Friedrich von Hayek. *Gramota*. 2016. No. 9 (111). Pp. 31–34. (In Rus.).]
2. Куббеду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2019. [Kubbedu R. Liberalizm, totalitarizm i diemokratiya: politicheskaya filosofiya avstriyskoy shkoli [Liberalism, totalitarianism and democracy: Political philosophy of the Austrian school]. Transl. from English ed. by A. Kuryaev. Moscow; Chelyabinsk, 2019.]
3. Рахшмир П.Ю. Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф.А. фон Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 3. С. 54–66. [Rakhshmir P.Yu. His among strangers, alien among his: F.A. von Hayek and his conservatism. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2012. No. 3. Pp. 54–66. (In Rus.).]
4. Стедмен-Джоунс Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер / Пер. с англ. А.А. Столярова; Науч. ред. А.В. Куряева. М.; Челябинск, 2019. [Steadman-Jones D. Rozhdeniye neoliberalnoy politiki: ot Khaeyeka i Fridmana do Reigana i Tetcher [Birth of Neoliberal politics: From Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher]. A.A. Stolyarov (transl. from English); A.V. Kuryaev (ed.). Moscow; Chelyabinsk, 2019.]
5. Beddeleem M. Fighting for the Mantle of Science: The epistemological foundations of neoliberalism, 1931–1951. PhD dis. Universite de Montreal. 2017.
6. Filip B. Hayek's political philosophy and its philosophical sources. PhD dis. University of Ottawa. 2013.
7. Hartwell M. A history of the Mont Pelerin Society. Carmel, 1995.
8. Hayes C. Popper, Hayek and the Open society. Abingdon, 2009.
9. O'Brien D.P. Hayek as an intellectual historian. *Hayek, co-ordination and evolution: His legacy in philosophy, politics, economics and the history of ideas*. J. Birner, R. van Zijp (eds.). L., 1994. Pp. 343–375.
10. Scheall S. A Hayekian explanation of Hayek's 'Epistemic turn'. *CHOPE Working Paper*. 2014. No. 4. Pp. 1–31.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023, принята к публикации 19.05.2023

The article was received on 04.03.2023, accepted for publication 19.05.2023

Сведения об авторе / About the author

Рудь Артём Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская обл.

Artyom A. Rud' – Postgraduate Student at the Department of General History of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

E-mail: rud_artyom@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-42-50

УДК 904+930.1

И.В. Денисова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
308015 г. Белгород, Российская Федерация

Позднеантичная риторика и софистика в исследованиях Р.Дж. Пенеллы

В статье рассматривается научная биография и основные направления исследований американского антиковеда и филолога-классика Роберта Дж. Пенеллы – одного из ведущих в мире специалистов по изучению позднеантичной риторики и софики как важнейшего звена культурного континуитета между античностью и средневековьем. Начав свой путь как филолог-классик, Пенелла достаточно рано определился со своими научными интересами. В статье предложено разделить научное наследие Пенеллы по десятилетиям. В 1970-е гг. он находился в поисках темы с постепенным нарастанием внимания ко Второй софистике. В дальнейшем от писем Аполлония Тианского (1980-е гг.) он переходит к биографиям софистов у Евнапия (1990-е гг.) и далее – к Фемистию и Гимерию, которые стали основной темой исследований ученого в 2000-е гг., а затем Пенелла обращается к Хорикию из Газы, который завершает длительный научный путь исследователя. В целом Р. Пенелла может быть назван крупнейшим исследователем в области позднеантичной софики, которая являлась не только учебной дисциплиной и необходимым навыком, но и важным аспектом академической и, более важно, социальной карьеры в Поздней античности.

Ключевые слова: Поздняя античность, Ранняя Византия, позднеантичная риторика, софистика, культурный континуитет, Р. Пенелла, классическая филология

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Денисова И.В. Позднеантичная риторика и софистика в исследованиях Р.Дж. Пенеллы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 42–50. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-42-50

© Денисова И.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

I.V. Denisova

Belgorod State National Research University,
Belgorod, 308015, Russian Federation

Late Antique rhetoric and sophistry in the studies of R.J. Penella

The article discusses the scientific biography and main areas of research of the American antiquity scholar and classical philologist Robert J. Penella, one of the world's leading experts in the study of late antique rhetoric and sophistry as the most important link in the cultural continuity between antiquity and the Middle Ages. Having started his career as a classical philologist, Penella decided early enough on his scientific interests. The article proposes to divide the scientific heritage of Penella by decades. In the 1970s he was in search of a theme with a gradual increase in attention to the Second Sophistry. In the future, from the letters of Apollonius of Tyana (1980s), he moves on to the biographies of sophists by Eunapius (1990s) and then to Themistius and Hymerius, which became the main topic of research by the scientist in the 2000s, and then by Penella refers to Horikiy from Gaza, who completes the long scientific path of the researcher. In general, R. Penella can be called the largest researcher in the field of Late Antique sophistry, which was not only an academic discipline and a necessary skill, but also an important aspect of the academic and, more importantly, social career in Late Antiquity.

Key words: Late Antiquity, Early Byzantium, Late Antique rhetoric, sophistry, cultural continuity, R. Penella, classical philology

FOR CITATION: Denisova I.V. Late Antique rhetoric and sophistry in the studies of R.J. Penella. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 42–50. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-42-50

В истории изучения Поздней античности уже существует прочный историографический стереотип, в соответствии с которым англо-американская концепция Питера Брауна и его последователей, в начале 1970-х гг. радикально пересмотревших традиционный взгляд на финал античности, существовавший от Эдварда Гиббона до Арнольда Джонса,

легко и прочно утвердился в мировой науке. Логика этой концепции, открывшей огромное исследовательское поле транзитивности, очевидна. Более того, она действительно вызвала к жизни поток новейших исследований и рост интереса к Поздней античности в геометрической прогрессии, начиная с 1980-х гг. и поныне.

Однако для целого ряда иных «национальных школ» антиковедения и византистики такое понимание Поздней античности до сих пор не очевидно. С трудом приживается оно и в отечественной историографии [2, с. 220–231].

И главной трудностью в осознании важности Поздней античности не только как идеальной переходной исторической эпохи, но и ее культурной ценности самой по себе является, несомненно, довлеющий стереотип о более низком культурном уровне, вторичности и даже упадочности позднеантичной культуры по сравнению с классическим периодом. Несомненно, такой подход неправилен, ибо в познании исторических реалий следует исходить из аутентичных форм культурных проявлений изучаемых эпох.

В данном отношении не в самом выигрышном положении оказывается позднеантичная риторика и софистика. Будучи почтенным жанром, появившимся еще в самом блестящем V в. до н.э., риторика как важнейшая часть общественно-политической жизни античности, форма внешних репрезентаций всех классических идей, несомненная эдукационная основа античности, испытала к первым векам нашей эры определенную трансформацию, обросла теоретическими разработками.

Вторая софистика римского времени представлена целым рядом важных авторов. Она достаточно хорошо изучена в историографии, но не закончилась в III в., напротив, получила прочную теоретическую основу в виде трактата Менандра Ритора [7], что позволило ей с середины IV в. выйти на новый уровень, в уже христианизированном обществе, что дало основание некоторым исследователям с 1990-х гг. поставить вопрос о новых поколениях софистики – «Третьей» (2-я пол. IV в.) [8, р. 157–224; 18, р. 174–176] и в дальнейшем даже «Четвертой» (VI в.) [5, р. 578–582].

Вместе с тем, использование этих терминов весьма проблематично: ученые расходятся во мнениях не только по поводу точного значения (когда начинается и заканчивается? включает ли только «языческую» или также христианскую литературу? и т.д.), но и об отношениях между «Третьей» и Второй софистикой [6, р. 25–52]. Осторожно относится к этим терминам и сам Р. Пенелла. Однако, по меньшей мере, хронологический фактор (обособленность этих этапов друг от друга во времени) вполне выражен.

При этом риторика этого времени считается скорее учебной дисциплиной, в которой оратор лишь воспроизводит готовый текст, а софистика – при несомненном генетическом родстве – предполагает более глубокое осмысление репрезентируемых идей и экспромт при выступлении [1, с. 788]. В теоретическом же плане некоторые авторы (начиная с Филострата) даже смыкают софистику с философией, считая софиста «мудрствующим (т.е. философствующим) ритором».

В ряду исследователей позднеантичной риторики и софистики одно из наиболее почетных мест занимает Роберт Джон Пенелла, американский филолог-классик и историк итальянского происхождения, представитель первого послевоенного поколения. Его академическая карьера охватывает более полувека и представляет немалый интерес с точки зрения генезиса и реализации многочисленных идей в области места и роли позднеантичной софистики как важнейшего фактора культурного континуитета позднеантичной эпохи.

Р. Пенелла получил классическое образование в Бостоне (Boston College High School) с 1964 по 1967 гг., параллельно обучаясь в университете Неаполя (Италия) по совмещенным программам в 1965–1966 гг.

Степень AM (магистра искусств) в области классической филологии он получил в 1969 г. в Гарвардском университете. Там же в 1971 г. Пенелла защитил диссертацию на степень PhD также как филолог-классик.

Вся последующая академическая карьера ученого представляет собой нечастый ныне пример постоянства: с 1971 г. он служит в университете Fordham в Нью-Йорке, занимая последовательно все ступени в департаменте [античной] классики – ассистент с 1971 г., ассоциированный профессор с 1978 г., профессор в области классических исследований с 1991 г.

Роберт Пенелла не чуждался и административной карьеры, возглавляя кафедру департамента классики в 1977–1983 и в 2007–2011 гг.

Научно-административный аспект его деятельности представлен большой редакционно-издательской деятельностью, членством в редколлегиях научных журналов *Classical Journal* (1985–1989), *New England Classical Journal* (с 2007), *Revue des études tardo-antiques* (с 2011).

Помимо преподавания университетских курсов, Роберт Пенелла известен среди историков Поздней античности прежде всего своей глубокой научной деятельностью, разработкой теоретических проблем, внимательнейшим анализом совокупности корпуса текстов позднеантичной письменной традиции в области риторики и софистики, а также самым активным участием в научных проектах и различных научных конференциях, в том числе конференции «Газская школа» в Париже (университет Сорбонна) в 2013 г., когда с доктором Пенеллой удалось завязать

плодотворные научные связи представителям нашего научного направления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Научные интересы Р. Пенеллы на ранних этапах его обращения к софистике были сосредоточены на более известных к тому времени проблемах истории Второй софистики.

Для первого десятилетия научной карьеры ученого (1970-е гг.) характерны определенные поиски темы. В своих статьях и докладах на конференциях он обращается, с одной стороны, еще к традиционным сюжетам римской истории (восстанию Боудикки), классической латинской словесности (Цезарь, Тит Ливий, Аммиан Марцеллин). С другой стороны, в этот период как в оригинальных работах, так и в переводах Пенелла начинает фокусировать свои интересы на позднелатинской исторической традиции (сборник поздних императорских биографий SNA) и, главное, – на риторической греческой, оставаясь, правда, пока преимущественно в поле Второй софистики (Гален, письма Аполлония Тианского, Филострат, в меньшей степени Дион Хризостом).

В 1980-е гг. Пенелла еще не отходит от изучения позднелатинской исторической традиции (SNA), и даже наращивает свои усилия в этой предметной области за счет интереса к Евтропию и Аврелию Виктору, но греческая софистика неуклонно набирает вес в его исследованиях. Главным объектом при этом становится Аполлоний Тианский, которому и будет посвящена первая книга ученого с изданием текста источника и комментарием [15]. Помимо Аполлония, данная тематика расширяется за счет Плутарха и Клавдия Элиана. Но главное то, что среди тематики работ Пенеллы появляется Евнапий, один из важнейших авторов IV в., а также исторические этюды по персоналиям административной и культурной истории Малой Азии IV в. [9; 10; 12]. Наконец, происходит первое обращение к одной из культовых фигур Поздней античности – Гипатии [9, р. 126–128]. В рецензиях и обзорах этого времени мы наблюдаем рост интереса Пенеллы к религиозной жизни римского времени, что является важным фундаментом культурного фона Второй софистики, появление и постепенный рост внимания к фигуре императора Юлиана Отступника; не оставляет ученого и исследовательский интерес к Филострату и Аммиану Марцеллину. На научных конференциях 1980-х гг. Пенелла делает доклады в контексте своего обозначившегося интереса к Евнапию, среди которых следует особо выделить доклад на конференции в Новом Орлеане (1980) – о Сосипатре как представительнице азиатского красноречия.

1990-е гг. проходят у Роберта Пенеллы под несомненным влиянием Евнапия и императора Юлиана. Он почти целиком сосредотачивается

на греческой софистике середины и второй половины IV в. Важная и новаторская монография [11] была посвящена систематизации персоналий риторической, софистической, а также философской традиции в биографическом сочинении Евнапия «Жизни философов и софистов». В этой работе Пенелла, в частности, отмечает, что «в последние сорок лет заметно значительное увеличение интереса ко Второй софистике, к софистам и ораторам IV столетия. Также зафиксирован и всплеск интереса к Поздней античности в целом. Кроме того, некоторые ученые видят возможность более серьезного и сочувственного отношения к древнему риторическому выступлению» [Там же, р. IX]. Таким образом, Пенелла выступил с серьезной заявкой на лидерские позиции в изучении риторической традиции IV в. и подтвердил их дальнейшими работами.

Среди тем, привлечших внимание Пенеллы на уровне рецензий, можно отметить нарастающую концентрацию ученого на лицах софистики IV в. Это и император Юлиан, и – впервые – Либаний. При этом сохраняется интерес ко Второй софистике (Элиан) и «последним язычникам», которые создавали фон риторической традиции второй половины IV в.

В докладах Пенеллы на научных конференциях 1990-х гг. также безраздельно царят император Юлиан и Фемистий.

Первое десятилетие XXI в. поистине стало вершиной научной карьеры Р. Пенеллы, в полной мере раскрывшей его исследовательские интересы. Сознательно оставив в стороне колоссальный и почти неисчерпаемый силами одного ученого массив наследия Либания, Пенелла обращается к Фемистию и Гимерию – наиболее ярким риторам и софистам второй половины IV в., чья деятельность была тесно связана соответственно с Константинополем и с Афинами.

В двух своих основных книгах Пенелла издает наиболее содержательную в историческом плане половину ораторского наследия Фемистия [16] и все наследие Гимерия [13]. Этими изданиями исследователь прочно обеспечивает себе лидерские позиции в изучении позднеантичной риторической традиции, сохраняемые им до наших дней.

К текстам Фемистия и Гимерия были предложены корректуры, даны подробные современные комментарии. Таким образом, главные представители этой Третьей софистики (сам термин был предложен в 1998 г., но не стал общепринятым, а Пенелла не акцентировал внимания на поколениях и периодизациях единой, по его мнению, традиции).

Весьма характерно, что уже в это десятилетие Пенелла впервые (и пока эпизодически) обращается и к наследию газских софистов VI в., закономерно считая их логическим продолжением и завершением многовековой традиции.

Среди докладов на научных конференциях 2000-х гг. выделяется главная нить, связанная с Гимерием и Хорикием. Более того, некоторые выступления прямо и непосредственно связывают обоих авторов, что несомненно доказывает, что Гимерий считается Пенеллой непосредственным предшественником Хорикия.

Несколько нарушая далее выделенные нами хронологические периоды, отметим, что следующий цикл научной деятельности Р. Пенеллы начался в 2009 г. и продолжается поныне. Его можно назвать газским, т.к. следующим автором, которого вывел из небытия на широкий исследовательский простор Пенелла, стал последний позднеантичный софист Хорикий Газский [14].

Во второе десятилетие нового века Р. Пенелла также обращается к месту и роли прогимнасм в риторической и образовательной традиции, вновь эпизодически проявляет интерес к Либанию, не оставляет вниманием Филострата и Галена. Но основной интерес к Хорикию доминирует и находит выражение в докладе на III конференции по Газской школе в 2013 г. и в других работах.

В новых публикациях ученый обращается также и к Либанию, и некоторым другим темам из огромного научного багажа, накопленного им за свою исследовательскую жизнь. Важно отметить, что обратившись к Газской школе, он не стал затрагивать наследие Прокония Газского, активно изучаемого во французской и итальянской историографии.

В последние годы Р. Пенелла активно синтезирует весь свой огромный опыт изучения позднеантичной риторики и софистики, нередко читает курсы лекций в различных университетах, среди которых хотелось бы выделить курс «Молчаливые софисты: о сохранении красноречия в Римской империи», прочитанный в Швеции.

Таким образом, Роберт Пенелла внес огромный вклад в изучение места и роли позднеантичной риторики и софистики в процессе культурного континуитета. Он – ныне главный специалист по Фемистию, Гимерию и Хорикию [16, с. 43–46], а также риторической традиции IV в. по Евнапию [4, р. 20].

Позднеантичная софистика, как считает Пенелла, значила гораздо больше, чем просто искусство красноречия. Она имела не просто учебный или узко культурный смысл. Это была матрица воспроизведения идентичности, квинтэссенция классической Пайдеи в вербальных репрезентациях и очевидный путь вертикальной социальной мобильности в период Поздней античности [5, р. 578].

Идеи, открытия и наблюдения Пенеллы обладают принципиальной новизной в исследовательском поле концепции Поздней античности,

что подтверждается их быстрым восприятием, усвоением и развитием многими учеными в русле данной проблематики (Р. Крибиоре, Э. Амато, Ф. Чикколелла, Д. Лорицен и др.). В дальнейшем их предстоит развивать и углублять в направлении более полного и многогранного постижения сложнейшего переходного времени от античности к средневековью в Восточном Средиземноморье.

Библиографический список / References

1. Болгова А.М. Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии // *Via in tempore. История. Политология.* 2022. № 49 (4). С. 784–794. [Bolgova A.M. Public competitions of sophists and rhetorical speeches (epideixis akroasis) in Early Byzantium. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya.* 2022. No. 49 (4). Pp. 784–794. (In Rus.)]
2. Ващева И.Ю. Концепция Поздней античности в современной исторической науке // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2009. № 6 (1). С. 220–231. [Vashcheva I.Yu. The concept of Late Antiquity in modern historical science. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* 2009. No. 6 (1). Pp. 220–231. (In Rus.)]
3. Изучение Газской школы риторики в последние годы / Болгова А.М., Болгов Н.Н., Липич В.В., Шилов В.Н. // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика.* 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 43–46. [Bolgova A.M., Bolgov N.N., Lipich V.V., Shilov V.N. The study of the Gaza school of rhetoric in recent years. *Scientific Bulletin of the BelSU. Series History. Political Science. Economy. Computer Science.* 2014. No. 21 (192). Issue 32. Pp. 43–46. (In Rus.)]
4. Лопатина М.Ю. Современная зарубежная историография истории Поздней античности и Ранней Византии (1990–2015 гг.). Белгород, 2017. [Lopatina M.Yu. *Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya istorii Pozdnei antichnosti i Ranney Vizantii (1990–2015 gg.)* [Modern foreign historiography of the history of Late Antiquity and Early Byzantium (1990–2015)]. Belgorod, 2017.]
5. Bolgov N., Bolgova A., Litovchenko E. et al. “The fourth sophistry” in the cultural space of Later Antiquity (VI cent.). *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC.* 2018. March. Special edition. 2018. Pp. 578–582.
6. Brunt P.A. The Bubble of the Second Sophistic. *Bulletin of the Institute of Classical Studies.* 1994. Vol. 39. Pp. 25–52.
7. Heath M. *Menander: A rhetor in context.* Oxford, 2004.
8. Malosse P.-L., Schouler B., Qu'est-ce que la Troisième Sophistique? *Lalies.* 2009. No. 29. Pp. 157–224.
9. Penella R. An Overlooked Vicar of Asia of the fourth century. *Byzantion.* 1981. No. 51. Pp. 318–319.
10. Penella R. Did a Hilarius Govern Lydia in the fourth century A.D.? *American Journal of Philology.* 1985. No. 106. Pp. 509–511.
11. Penella R. Greek philosophers and sophists in the fourth century A.D.: Studies in Eunapius of Sardis. ARCA: Classical and medieval texts, papers and monographs 28. Leeds, 1990.

12. Penella R. Honors for Philtatius in a fragment of Olympiodorus of Thrace. *Liverpool Classical Monthly*. 1981. No. 6.9. Pp. 245–246.
13. Penella R. Man and the word: The orations of Himerius. Translated, introduced, and annotated. *The Transformation of the Classical Heritage* 43. Berkeley, 2007.
14. Penella R. Rhetorical exercises from Late Antiquity: A translation of Choricus of Gaza's preliminary talks and declamations. Cambridge, 2009.
15. Penella R. The letters of Apollonius of Tyana: A critical text with Prolegomena, translation and commentary. *Mnemosyne Supplements* 56. Leiden, 1979.
16. Penella R. The private orations of themistius. Translated, annotated and introduced. *The Transformation of the Classical Heritage* 29. Berkeley, 2000.
17. Penella R. When was Hypatia born? *Historia*. 1984. No. 33. Pp. 126–128.
18. Pernot L. The Third Sophistic. *Rhetorica*. 2021. Vol. 39. No. 2. Pp. 174–176.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023, принята к публикации 29.05.2023
The article was received on 04.05.2023, accepted for publication 29.05.2023

Об авторе / About the author

Денисова Ирина Викторовна – кандидат исторических наук; директор Музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Irina V. Denisova – PhD in History; Director of the Museum of History of Belgorod State National Research University; Associate Professor at the Department of General History of the Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University

E-mail: eivv@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-51-63

УДК 323.1+930.2

В.Б. Давлетбаева

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Московский государственный университет геодезии и картографии,
105064 г. Москва, Российская Федерация

Проблема взаимоотношений церкви и государства в неопубликованных письмах П.А. Кулиша к Аксаковым

В статье на основе анализа неопубликованных писем писателя и публициста Пантелеймона Александровича Кулиша к С.Т., К.С. и И.С. Аксаковым анализируются националистические идеи о «самостоятельности пути» Малороссии, индивидуальности малороссийского языка и идентичности украинского народа, которые получили новый виток развития во второй половине XIX в. Характер литературных произведений П.А. Кулиша и его особое внимание к переводам на украинский язык православных проповедей, евангельских текстов выразились в стремлении утвердить в общественно-политическом сознании украинского народа уникальность малороссийской нации, а также возможность существования вне будущего исторического пути России. Уважительно относясь к человеческому достоинству малороссийского писателя, Аксаковы не поддерживали его националистические выпады, оставаясь приверженцами государственного и национального единства Российской империи.

© Давлетбаева В.Б., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Пантелеймон Кулиш, национализм, националистические идеи, перевод на украинский язык православных текстов, православная церковь, национальная идентичность, украинский народ, национальное единство

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Давлетбаева В.Б. Проблема взаимоотношений церкви и государства в неопубликованных письмах П.А. Кулиша к Аксаковым // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 51–63. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-51-63

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-51-63

V.B. Davletbaeva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Moscow State University of Geodesy and Cartography,
Moscow, 105064, Russian Federation

The problem of the relationship between Church and State in Panteleimon Kulish's unpublished letters to the Aksakovs

Based on the analysis of unpublished letters of the writer and publicist Panteleimon A. Kulish to S.T., K.S. and I.S. Aksakov, the article analyzes nationalist ideas about the “independence of the path” of Little Russia, the identity of the Little Russian language and the Ukrainian people, which received a new round of development in the second half of the XIX century. The nature of P.A. Kulish's literary works and his special attention to the translations into Ukrainian of Orthodox sermons, gospel texts were expressed in the desire to affirm in the socio-political consciousness of the Ukrainian people the uniqueness of the Little Russian nation, as well as the possibility of existence outside the future historical path of Russia. Respecting the human dignity of the Little Russian writer, the Aksakovs did not support his nationalist attacks, remaining adherents of the state and national unity of the Russian Empire.

Key words: Panteleimon Kulish, nationalism, nationalist ideas, translation of Orthodox texts into Ukrainian, Orthodox church, national identity, Ukrainian people, national unity

FOR CITATION: Davletbaeva V.B. The problem of the relationship between Church and State in Panteleimon Kulish's unpublished letters to the Aksakovs. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 51–63. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-51-63

Вопросы украинского национализма: о невозможности общего пути развития России и Малороссии в едином государстве, о вере Малороссии в свое самостоятельное от России будущее – получили распространение еще в середине XIX в. Об этом свидетельствует эпистолярное наследие писателя, издателя, переводчика Пантелеймона Александровича Кулиша (1819–1897), в частности, его переписка с Аксаковыми: Сергеем Тимофеевичем (1791–1859), Константином Сергеевичем (1817–1860) и Иваном Сергеевичем (1823–1886). Она хранится в четырех архивах Москвы и Санкт-Петербурга: Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве литературы и искусства, Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

К дореволюционным исследованиям личности и литературного наследия П.А. Кулиша принадлежат биографические очерки Б. Гринченко и В. Шенрока [5; 11]. В последние годы об общественно-политических взглядах П.А. Кулиша («о национальной самобытности и уникальности украинского этноса») писала И.Г. Абрамова в исследовании «“Письма из хутора” Пантелеймона Кулиша – выдающаяся памятка украинской публицистики» [3]. Вопросы украинского национализма также освещал А.А. Тесля в статье «Молодой Кулиш», давая оценку властей изданным к 1846 г. сочинениям писателя и действиям его соратников в Кирилло-Мефодиевском обществе [10, с. 131]. Широко освещались националистические идеи Малороссии в исследованиях Г.А. Поперечной [9], С.С. Жильцова [6], Е.П. Лезиной, Я.В. Силантьевой [8] и др.

Архивы Санкт-Петербурга и Москвы насчитывают 15 писем П.А. Кулиша к Аксаковым. Самые ранние сохранившиеся письма датируются мартом 1853 г. К этому времени П.А. Кулиш напряженно работает над биографией Н.В. Гоголя¹, которая требует постоянных

¹ Кулиш П.А. Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб., 1854; Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856.

консультаций с Аксаковыми и обращения к эпистолярным источникам, хранящимся у Сергея Тимофеевича. В этом же году И.С. Аксаков предложил П.А. Кулишу содействие в поиске места службы в Москве, но Кулиш с благодарностью отклонил это предложение, сообщая, что уезжает на постоянное проживание в Малороссию². Неоднократно Аксаковы радушно приглашали биографа в свою «подмосковную» – имение Абрамцево³. В октябре 1854 г. П.А. Кулиш отвечал К.С. Аксакову, что, к сожалению, не сможет увидеть осени в «Вашем Абрамцеве», но рано или поздно он обязательно приедет, чтобы «погреться у Вашего очага»⁴. По его словам, обстоятельство, которое его удерживало – то, что он еще не все собранные материалы обработал и хотел бы «показать свою работу, а не работать перед Вашими глазами»⁵. П.А. Кулиш имел в виду материалы, связанные с подготовкой биографии Н.В. Гоголя, которые он начал публиковать с того же 1854 г.⁶ С 9 января 1854 г. С.Т. Аксаков тоже начал работать над воспоминаниями о Гоголе, которые были опубликованы в неполном объеме в 1880 г. его сыном И.С. Аксаковым в газете «Русь», затем Н.М. Павловым в 1890 г. [1]. Впервые целиком, по подлинным рукописям, произведение С.Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем» вышло в свет в 1960 г. [6].

Переписка П.А. Кулиша с Аксаковыми, судя по архивным документам, продолжалась вплоть до осени 1859 г. К этому периоду П.А. Кулиш становится известным малороссийским писателем, опубликовавшим произведения «Записки о Южной Руси» (1856), «Черная рада, хроника 1663 года» (1857). По его словам, печатал он эти произведения «с наслаждением» – как «памятники духа народного, которым, в моих глазах, нет цены!»⁷.

В биографии П.А. Кулиша был арест в 1847 г., допросы и двухлетняя ссылка по подозрению в принадлежности к тайному обществу «Братство св. Кирилла и Мефодия», занимающегося пропагандой украинского национального движения. В вину П.А. Кулишу также вменялись публикации, в том числе «Украина» (1843), «Михаил Чарнышенко» (1843),

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 313. Л. 1 об.

³ Там же. Оп. 13. Д. 37. Л. 3.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Д. 104. Л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Кулиш П.А. Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб., 1854; Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856.

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 13. Д. 37. Л. 1 об.

«Повесть об украинском народе» (1846), где, по мнению представителей III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, автор «с восторгом описывал дух прежнего казачества... представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй... описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных» [цит. по: 10, с. 130]. Даже после разрешения на проживание в столице П.А. Кулиш на протяжении четырех лет не мог получить право публикации, его сочинения постоянно отклонялись Министерством народного просвещения, не отправляясь даже на цензурное рассмотрение [10, с. 143]. Поэтому неудивительно, что многие его письма, в т.ч. к Аксаковым, подлежали перлюстрации. В 1856 г. П.А. Кулиш писал С.Т. Аксакову, что одно из писем, отправленных ему зимой, пропало, но он впрочем, доволен, что его письма читаются: «нечестно только перехватывать и уничтожать удовольствие, которое приятель желает доставить приятелю»⁸. Следующие строки письма от 24 декабря 1856 г., П.А. Кулиш, видимо, адресовал специально тем, кто тайно просматривал его переписку: «все мои письма исполнены чистого смысла, свойственного Русскому гражданину, и... только невежество и низость души могут находить в них что-нибудь противное духу кроткого монархического правления, которым мы теперь наслаждаемся»⁹.

Еще находясь в ссылке, П.А. Кулиш представлял в духовную цензуру две книги религиозного и нравственного содержания, которые были переведены им с английского языка: «Аз есмь, или Глас Иисуса в бурю» и «Прииди ко Иисусу». Духовная цензура отметила, что «к изданию представленных Кулишем переводов нет препятствия», но, обращаясь к мнению главы тайной полиции Л.В. Дубельта (1792–1862), предположила, что для публикации данных брошюр «следует исходатайствовать Высочайшее разрешение», учитывая нынешнее положение ссыльного [цит. по: 7, с. 177]. Резолюция Л.В. Дубельта на соображения духовной цензуры была следующей: «Надобно служить и стараться, чтобы его забыли, тогда вспомнят» [цит. по: 7, с. 179].

В 1854 г. П.А. Кулиш возвратился к религиозной теме и сообщил в письме к С.Т. Аксакову, что работает над написанием малороссийских проповедей на украинском языке, чтобы «учить народ евангельской нравственности»¹⁰. По словам П.А. Кулиша, его земляки, которым он читал свои проповеди, «пришли в восхищение»¹¹. Малороссийский

⁸ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 13. Д. 37. Л. 13 об. – 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 3. Оп. 2. Д. 38. Л. 4–4 об.

¹¹ Там же. Л. 4 об.

язык П.А. Кулиш в этом письме называл «сокровищем», сообщая С.Т. Аксакову, что нарочно «переложил» несколько «высоких проповедей Иннокентия»¹², и они вышли величественные, торжественные подлинника»¹³. Понимая, что духовная жизнь обычных малороссиян основана на религиозных началах, П.А. Кулиш стремился литературной работой, популяризацией украинского языка через проповеди, переводы евангельских сюжетов укоренить национальную идентичность своего народа.

П.А. Кулиш дорожил мнением С.Т. Аксакова, пытался заручиться его поддержкой и объяснить свой «безумный энтузиазм» литературной деятельности с ракурсом на величие и идентичность малороссийского народа, неоднократно повторяя мнение о том, что «Малороссия с ее духовною деятельностью – самое благодетельное явление для России в будущем»¹⁴. Не допуская и мысли о критической оценке своего идейного направления со стороны Сергея Тимофеевича, он писал ему в 1856 г. из Киева: «Пуускай говорят против нас другие, но не говорите ничего Вы, нежная, чуткая душа!»¹⁵. Скорее всего, отношение С.Т. Аксакова к «пристрастию» П.А. Кулиша было тактичным, сдержанным, пропитанным уважением к человеческому достоинству, что и отличало главу семейства от его сыновей – идеологов славянофильства, их зачастую категоричной оценки.

Зная увлечение К.С. Аксакова родословной семьи, П.А. Кулиш в октябре 1856 г. сообщал ему исторические сведения, которые, возможно, могли быть ему интересны: в книге Э.Л. Руликовского «Описание Васильковского уезда» он встретил «уездные истории о помещиках Аксаках», которые в XV–XVII вв. владели большими имениями вокруг Киева: «Войны казацкие заставили многих переселяться на земли царя Московского... и, может быть, Ваш прапрадед поселился в Симбирской губернии тем самым способом... Прошу Вас сообщить мне, так ли оно, или мы решительно не земляки?»¹⁶. Через два месяца в письме к Сергею Тимофеевичу П.А. Кулиш привел дополнительные исторические сведения, которые ему удалось найти в одной из «польских книг» о «малороссийских панах Аксаках», живших в XVI и начале XVII вв. в окрестностях Киева: «Не предки ли это почтеннейшего Степана Михайловича?

¹² Святитель Иннокентий (Вениаминов) митрополит Московский (1797–1879).

¹³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 3. Оп. 2. Д. 38. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 12–12 об.

¹⁶ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Д. 104. Л. 15.

Ведь в те времена было в обычае переселяться из Украины королевства Польского в Украину государства Московского!»¹⁷. Хотя родоначальником Вельяминовых, Исленьевых, Воронцовых и Аксаковых, по сведениям Киево-Печерского патерика и «Повести временных лет», был варяг Шимон Африканович, приглашенный на службу Ярославом Мудрым в Киев в XI в., но родоначальником фамилии Аксаковых принято считать Ивана Федоровича Вельяминова, по прозвищу Аксак («хромой», «хромец»), который в XV в. уже состоял на службе в Великом княжестве Московском. Поэтому вряд ли сведения, найденные П.А. Кулишем, имеют что-то общее с родословной Аксаковых, разделившейся со временем на три ветви рода: московскую, тульско-рязанскую и арзамасскую [2].

У П.А. Кулиша был критический и, можно сказать, негативный взгляд на роль Богдана Хмельницкого в истории национально-освободительного движения и воссоединения Украины с Россией. Об этом известно из письма Пантелеймона Александровича к Константину Аксакову от 23 марта 1857 г.: «Максимович хлопочет о памятнике Богдану Хмельницкому... Этот памятник должен быть сооружен в Москве, на счет дворянства областей древнего государства Московского, так как Хмельницкому обязано это государство нынешнюю свою материальною силою и просвещением. А в Малороссии существует уже давно три памятника великому ея сыну: крестьянство, бедность и невежество»¹⁸.

Более резкие высказывания и суждения содержат два письма П.А. Кулиша к С.Т. и И.С. Аксаковым, датированные октябрем и ноябрем 1858 г. Причем письмо от 28 октября 1858 г. сохранилось в виде выписки в секретном архиве III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Оригинального письма в архивах обнаружить не удалось. Оно адресовано Сергею Тимофеевичу, вверху на первом листе неизвестным лицом (кем-то из сотрудников тайной полиции) сделано письменное замечание: «кто этот Кулиш?»¹⁹. Видимо, объясняя С.Т. Аксакову свой «запальчивый», «резкий» выплеск эмоций в предыдущих письмах, которые до нас не дошли, П.А. Кулиш писал, что слова его кажутся резкими потому, что «им не предшествовали свободные объяснения с читающим обществом; что свободы слова мы, Малороссыяне, лишены более, нежели какая-либо народность в Русской Империи; что мы поем свою песню

¹⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 13. Д. 37. Л. 12 об.

¹⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 10 (Аксаковы). Оп. 1. Д. 104. Л. 16–17.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 1. Д. 1762. Л. 1.

на земле чуждой (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – В.Д.)»²⁰. По мнению П.А. Кулиша, для малороссийского народа не наступила еще «терпимость мнения, которою пользуетесь вы, Великороссияне. Мы имеем против себя не одно Правительство, но и ваше общественное мнение»²¹. Называя малороссийский народ «горсточкой» людей, «хранящих веру в свою будущность», которая по его глубокому убеждению, не может быть одинаковой с будущностью великорусского народа, автор письма уверял Сергея Тимофеевича, что между малороссиянами и великороссами «лежит такая же бездна, как между драмой и эпосом: и то и другое великие создания божественного гения, – но странно желать, чтобы они слились в один род! А ваше общество этого желает и в то слепо верует»²². Завершая свое письмо, П.А. Кулиш уверял С.Т. Аксакова, что он и его сподвижники хранят «...завет свободы нашего самостоятельного развития, – и это дело не ниже осуществления наших идей в отдаленном будущем»²³. Таким образом, по мнению П.А. Кулиша, Малороссия не имеет общего будущего с Великороссией, она лишена свободы слова и самостоятельности развития, но «завет свободы» продолжает двигать горсточкой идейных сподвижников, которые хранят веру в свою будущность.

Судя по сохранившимся письмам, на этих резких суждениях и высказываниях переписка с С.Т. Аксаковым у П.А. Кулиша прекращается. Вряд ли Аксаков поддерживал настроения и идеи представителя национализма Малороссии, он был сторонником консервативных взглядов. На письме указана также резолюция-заглавие сотрудника III Отделения, делавшего выписку из письма, в которой он дает краткую характеристику его содержания: «Выписка из письма Кулиша П.А. из Петербурга к Аксакову С.Т. в Москву с рассуждениями в националистическом духе: о невозможности сосуществования в будущем России и Малороссии в едином государстве, о вере Малороссии в свое обособленное от России будущее и т.д.»²⁴. Таким образом, мы видим, как внимательно контролировало националистические настроения, имевшие место в Малороссии, III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Второе письмо, датированное 28 ноября 1858 г., адресовано сыну Сергея Тимофеевича – Ивану Аксакову. Как и в предыдущем письме,

²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 1. Д. 1762. Л. 1.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 1. Д. 1762. Л. 1 об.

²⁴ Там же. Л. 1.

П.А. Кулиш писал И.С. Аксакову об отсутствии «свободы мнения», свободы слова, что свою точку зрения общественно-политических взглядов выражать «московской школе» в печати нет возможности²⁵. П.А. Кулиш резко и категорично высказал в письме свое особое мнение по поводу консервативного взгляда И.С. Аксакова, опубликованного в газете «Парус», на условия Андрусовского договора, заключенного в 1667 г. между Русским государством и Речью Посполитой: «андрусовский мир не был историческим правосудием... “охранительные кондиции” не были лишены народного исторического значения... гражданское устройство старинной Малороссии (основанное на избирательном начале) не было вполне ей чуждо... оно-то именно и было противопоставлено нами враждебной польской администрации»²⁶. Далее тон письма становится по отношению к адресату обвинительным: «Вы становитесь под знамя московских царей Иванов, собирателей земли русской, против которого нам не дозволено идти с словом опровержения? Вам ли освящать своим добровольным судом те миры, которые принимаются относительно Малороссии централизаторами? Если Вы убеждены в пользе централизации, то позвольте же и нам стремиться к децентрализации, а зная, что против нас официальная власть, не оскорбляйтесь письменным упреком, который в печати был бы подробным трактатом»²⁷. П.А. Кулиш отмечал, что «исторический взгляд» И.С. Аксакова в публикации «Паруса» «на нашу (П.А. Кулиша. – В.Д.) родину», оскорбил его «до глубины души»²⁸, потому что свое «прошедшее, настоящее и будущее хотим обсудить своим толком», отказываясь «слиться» «в один язык с московским (в общем значении слова), не желаем, из уважения к их разнохарактерности и из любви к красоте и богатству родной поэзии»²⁹, – продолжал в этом же письме П.А. Кулиш.

В это время он не оставляет идеи получить разрешение на открытие своего журнала, который станет выразителем исконно малороссийских, по его мнению, идей в противовес «Русской беседе» и «Парусу»: «Мне могут не дозволять его (издания журнала. – В.Д.) год и два, но существовать он должен, и, если мы, воспитавшись по навязанным столицами великорусскими учебниками и пройдя длинную школу северно-русского

²⁵ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 313. Л. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 313. Л. 7 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 313. Л. 8–8 об.

централизирующего образования, остались тем, чем Вы нас видите, то в два года ни Русская беседа, ни Парус не переименуют наших понятий и чувств»³⁰. Открыто выражал П.А. Кулиш свое мнение против единого пути Малороссии и Великороссии: «...что, если вы, по моему толку, заблуждаетесь насчет Малороссии и Москвы, то я уверен, что Вы заблуждаетесь в желании добра той и другой. <...> Вы на своем знамени написали “Русская Беседа – Москва”, а мы на своем литературном, напишем народную поговорку: “Шкода москаля дядьком звати!”³¹»³². Таким образом, П.А. Кулиш настолько был уверен в правильности самостоятельного и отличного от Москвы пути Малороссии, настолько был «пропитан» националистическим духом, что, не боясь последствий перлюстрации писем, не опасаясь потери многолетних дружеских взаимоотношений с Аксаковыми, которые содействовали на протяжении нескольких лет публикации его произведений, открыто выступал против консервативных взглядов и высказывал идеи о невозможности сосуществования России и Малороссии в будущем.

Видимо, это было не единственное письмо с подобными выпадами, адресованное И.С. Аксакову, ему предшествовало другое письмо, которое адресат считал оскорбительным: «Вы напрасно приняли мое письмо как человек и называете его неприличным»³³. Объясняя свое предшествующее письмо, П.А. Кулиш писал И.С. Аксакову, что он, в первую очередь, обращался к нему как к представителю литературной партии и совсем «не посягал на чисто человеческое его достоинство, которому цену очень хорошо знаю»³⁴. П.А. Кулиш понимал, что своими резкими националистическими суждениями он прекращает всякую переписку с И.С. Аксаковым: «вероятно, Вы больше писать ко мне не станете, разойдясь со мной в деле жизни»³⁵. Неизвестно, ответил ли И.С. Аксаков П.А. Кулишу на его националистические выпады, но в архиве сохранилось последнее письмо Пантелеймона Александровича, датированное 28 ноября 1859 г., в котором он предлагал передать право издание «Русской Беседы» «нам, Южным Русским», при этом вновь разделяя народности России и Украины: «Ваша народность будет занимать в “Русской Беседе” угол под образами, но к ней присоединится

³⁰ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 313. Л. 8–8 об.

³¹ ‘Жаль москаля называть дядей!’ – В.Д.

³² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 313. Л. 8–8 об.

³³ Там же. Л. 8 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

и сядет на конец стола другая. Они вместе станут крепко за землю Русскую против замечательных Русских и обрусевших Немцев»³⁶. П.А. Кулиш уверял, что у его идейных сподвижников есть «деньги и сотрудники», они готовы «издавать 24 книжки в год» и тогда смогут «поспорить в успехе с “Русским Вестником”, но, опять же, «во имя позабытых или отвергнутых им начал»³⁷. Журнал И.С. Аксакова издавался вплоть до 1860 г., но, не собрав широкого круга подписчиков, прекратил свое существование.

Таким образом, письма П.А. Кулиша к Аксаковым, особенно во второй половине 1850-х гг., приобретают яркий националистический характер. Скорее всего, это было связано с ожиданием перемен и грядущих реформ начала 1860-х гг. П.А. Кулиш стал выразителем идей национальной идентичности Украины, самостоятельности пути, исключительности малороссийского языка, постоянно подчеркивая, что Великороссия – земля, «чуждая» для малороссиян, с которой они не могут иметь будущего. Для него было важно, чтобы церковь стала «союзником» в пропаганде его идей: путем распространения, переводов евангельских текстов, проповедей Иннокентия Херсонского на малороссийский язык П.А. Кулиш лишний раз подчеркивал идентичность украинского народа. Надо отметить, что к 1874 г., в период работы над трехтомной «Историей воссоединения Руси», взгляды и убеждения П.А. Кулиша изменились, что стало причиной его разногласий с другими представителями украинофильства. Развенчав миф о казачестве, приравнивая их деятельность к разбою, П.А. Кулиш в 1870-е гг. единственной «прогрессивной силой» в борьбе с литовско-польским засильем в Украине признает Российскую империю [4, с. 263].

История России неразрывно связана с историей Малороссии на протяжении многих столетий, не только в историческом контексте, но и национальном, культурном, литературном. Поэтому идеи, популяризатором которых стал в 1850–1860-е гг. П.А. Кулиш, приобретают, как он сам признавался, оттенок «децентрализации», т.е., другими словами, становятся угрозой целостности государства. Контроль III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии за националистическими настроениями в переписке П.А. Кулиша – это яркий пример отношения властных структур Российской империи, которые призваны были отслеживать «нездоровые» общественно-политические взгляды во имя сохранения не только государственного, но и национального единства.

³⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 3. Оп. 2. Д. 40. Л. 2.

³⁷ Там же.

Библиографический список / References

1. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. [Aksakov S.T. Istoriya moego znakovstva s Gogolem [The story of my acquaintance with Gogol]. Moscow, 1960.]
2. Аксаковы: семейная энциклопедия / Под ред. С.М. Каштанова. М., 2015. [Aksakovy: semejnaya enciklopediya [Aksakovs: Family encyclopedia]. S.M. Kashtanov (ed.). Moscow, 2015.]
3. Абрамова И.Г. «Письма из хутора» Пантелеймона Кулиша – выдающаяся памятка украинской публицистики // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород, 2014. С. 166–170. [Abramova I.G. “Letters from the farm” by Panteleimon Kulish is an outstanding memo of Ukrainian journalism. *Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, socialnoj praktiki i obrazovanii*. Belgorod, 2014. Pp. 166–170. (In Rus.)]
4. Гостев Р.Г., Гостева С.Р. Национализм (сепаратизм) Малороссии – Украины (читая «Украинский вопрос в русской патриотической мысли / составление, предисловие, послесловие и примечания: д-р ист. наук, проф. Минаков А.Ю. – М., 2016») // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2020. № 4. С. 256–325. [Gostev R.G., Gosteva S.R. Nationalism (separatism) of Malorussia – Ukraine (reading “The Ukrainian question in Russian patriotic thought”). *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. 2020. No. 4. Pp. 256–325. (In Rus.)]
5. Гринченко Б.Д. П.А. Кулиш. Биографический очерк. Чернигов, 1899. [Grinchenko B.D. P.A. Kulish [Panteleimon A. Kulish]. Chernigov, 1899.]
6. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 4. С. 21–36. [Zhiltsov S.S. The origins of modern Ukrainian nationalism. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia*. 2014. No. 4. Pp. 21–36. (In Rus.)]
7. Кирилло-Методиевское общество: в 3 т. / Под ред. П.С. Соханя. Киев, 1990. Т. 2. С. 177–179. [Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo [Cyril and Methodius Society]. P.S. Sohan (ed.). Kyiv, 1990. Vol. 2. Pp. 177–179. (In Rus.)]
8. Лезина Е.П., Силантьева Я.В. Истоки украинского национализма // Татищевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики. Тольятти, 2015. С. 222–228. [Lezina E.P., Silanteva Ya.V. The origins of Ukrainian nationalism. *Tatishchevskie chteniya. Aktualnye problemy nauki i praktiki*. Togliatti, 2015. Pp. 222–228. (In Rus.)]
9. Поперечна Г.А. Философская антропология и историософия Пантелеймона Кулиша: Дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1998. [Poperechna G.A. Filozofskaya antropologiya i istoriosofiya Pantelejmona Kulisha [Philosophical anthropology and historiography of Panteleimon Kulish]. PhD dis. Kyiv, 1998.]
10. Тесля А.А. Молодой Кулиш // Вопросы национализма. 2017. № 1. С. 108–148. [Tesylya A.A. Young Kulish. *Voprosy nacionalizma*. 2017. No. 1. Pp. 108–148. (In Rus.)]
11. Шенрок В.И. П.А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. [Shenrok V.I. P.A. Kulish. Biograficheskij ocherk [Panteleimon A. Kulish. Biographical sketch]. Kyiv, 1901.]

Статья поступила в редакцию 07.08.2023, принята к публикации 10.10.2023
The article was received on 07.08.2023, accepted for publication 10.10.2023

Сведения об авторе / About the author

Давлетбаева Варвара Борисовна – кандидат исторических наук; ведущий специалист Культурно-исторического центра «Музей С.Т. Аксакова», Московский государственный университет геодезии и картографии; старший научный сотрудник Учебно-научного центра актуальных проблем исторической науки и образования им. А.Г. Кузьмина, Московский педагогический государственный университет

Varvara B. Davletbaeva – PhD in History; Leading Specialist at the Cultural and Historical Center “S.T. Aksakov Museum”, Moscow State University of Geodesy and Cartography; Senior Researcher at the A.G. Kuzmin Educational and Scientific Center for Actual Problems of Historical Science and Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: aksakov@miigaik.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-64-80

УДК 291.37+393.05+94

К.Б. Лопин

Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани»,
350032 г. Краснодар, Российская Федерация

Намогильные металлические кресты с кругами и лучами у средокрестия на кладбищах Краснодарского края

На кладбищах Краснодарского края имеются металлические намогильные кресты конца XIX – начала XXI вв., у средокрестия которых имеются конструктивные и декоративные элементы, выполненные и/или расположенные в виде круга, лучей, приближенных к ним форм, или их комбинации. Важными аспектами формирования вариаций этих крестов стало влияние существовавших архитектурных тенденций, в том числе локальных; используемые способы, виды металлических заготовок при их изготовлении. Смысловая наполняющая этих элементов связана с христианским понятием божественного света, с солнечным и растительным символизмом. Их совмещение выразилось в череде вариаций форм, конструктивных и декоративных особенностей крестов, символизм которых не всегда представляется возможным четко разделить. Рассмотрение внешнего облика крестов производится при помощи сравнительного и «гнездового» методов, конструктивно-морфологического подхода. Указывается аналогичность применяемых в намогильных крестах отдельных элементов с конструктивными и декоративными особенностями иных видов крестов.

Ключевые слова: намогильный крест, типология намогильных крестов, символ сияния, христианская символика, народная погребальная архитектура, народная культура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лопин К.Б. Намогильные металлические кресты с кругами и лучами у средокрестия на кладбищах Краснодарского края // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 64–80. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-64-80

© Лопин К.Б., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

K.B. Lopin

Non-public Joint Stock Company “Heritage of Kuban”,
Krasnodar, 350032, Russian Federation

Grave metal crosses with circles and rays at the crossroads in the cemeteries of the Krasnodar Territory

In the cemeteries of the Krasnodar territory there are metal tomb crosses of the late 19th – early 21st centuries, at the crossroads of which there are structural and decorative elements made and/or arranged in the form of a circle, rays, shapes close to them, or a combination of them. Important aspects of the formation of variations of these crosses were the influence of existing architectural trends, including local ones; methods used, types of metal blanks in their manufacture. The semantic filling of these elements is associated with the Christian concept of divine light, with solar and plant symbolism. Their combination was expressed in a series of variations of forms, structural and decorative features of the crosses, the symbolism of which is not always possible to clearly separate. Consideration of the external appearance of the crosses is carried out with the help of comparative and “nesting” methods, and constructive-morphological approach. The similarity of individual elements used in tomb crosses with the structural and decorative features of other types of crosses is indicated.

Key words: grave cross, typology of crosses, shining symbol, Christian symbolism, folk funeral architecture, folk culture

FOR CITATION: Lopin K.B. Grave metal crosses with circles and rays at the crossroads in the cemeteries of the Krasnodar Territory. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 64–80. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-64-80

Наиболее частыми традиционным видом надгробных сооружений на кладбищах Краснодарского края является крест. Он имеет несколько видов, в том числе с размещенными у средокрестия кругом, лучами, приближенным к ним формам или их комбинациями.

В ходе исследования было осмотрено 84 кладбища на территории Краснодарского края, преимущественно возникших не позднее начала XX в. Приоритет отдавался закрытым для современных погребений кладбищам, что увеличивало возможность обнаружения старых крестов и минимизировало количество реконструированных и обновленных. Были посещены кладбища административных центров городских округов и районных образований, отдельных сельских поселений, нескольких исчезнувших сельских населенных пунктов. Это позволило наиболее полно охватить в административном аспекте территорию края и основные центры сосредоточения населения. Кладбища малых сельских населенных пунктов позволили выявить и уточнить локальные особенности форм намогильных сооружений. В качестве примеров крестов приводятся описания наиболее распространенных типовых и нескольких локальных вариантов.

Рассматриваемые кресты выполнены из металла и относятся к массивным намогильным сооружениям, имеющихся практически на всех осмотренных кладбищах. Наиболее ранние кресты датируются концом XIX в. С 1980-х гг. они применяются реже, но устанавливаются до настоящего времени. С середины 2010-х гг. намечается увеличение их применения. Хронологические рамки исследования ограничиваются концом XIX в. – первой четвертью XXI в.

Объектом внимания исследователей в основном становятся элитарные, старые или древние надгробные сооружения, которые могут представлять историческую и культурную ценность. Массовые, или же «обычные» намогильные сооружения, исследуются реже, не претендуя на статус объектов культурного наследия. В проектной документации по реставрации Всесвятского кладбища г. Краснодара как центрального исторического некрополя края такие кресты выведены в категорию не представляющих исторической и художественной ценности сооружений. Им дана характеристика крестов примитивных форм либо не обладающих выраженными признаками какого-либо художественного стиля¹.

Но они несут в себе пласты народной культуры, часто являются маркерами путей миграций. А.Б. Пермиловская отмечала: «кресты являются уникальным источником по многообразию возможных, в их изучении, аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники крестьянской письменности, архитектуры, культура» [13, с. 242]. Добавим, что они как носители уникальной народной погребальной архитектуры могут дать более обширную информацию, охватив и иные группы населения.

¹ Объект культурного наследия «Ансамбль Всесвятского кладбища: часовня Богарсукова; часовня Дмитриевской; ворота со сторожкой, конец XIX в. – начало XX в.», г. Краснодар. Проект предмета охраны и границ территории. Краснодар, 2017. С. 89.

Их изучение затрагивается в работах, посвященных попыткам выработки единой типологизации намогильных сооружений. Однако, как отмечал Д.В. Пежемский, создание универсальной типологии, перекрывавшей бы все ставрографическое многообразие, вряд ли возможно. Им подмечалось, что в отечественной ставрографии существует «терминологическая» проблема при описании и атрибуции конкретных памятников и изображений. Исследователи нередко придерживаются разных типологий и терминологий. Поэтому целесообразней построение универсальной морфологической схемы, основанной на конструктивно-морфологическом подходе к сути предмета, разработанным Ю.Л. Щаповой и ее школой [12, с. 335–336]. Предпочтение в выделении групп формальных признаков, способных заменить формальные типологии, при составлении типологий определенных видов надгробий указывалось Л.А. Беляевым [4, с. 28–29]. Этот же подход можно дополнить иконографическим принципом типологизации русских православных крестов относительно намогильных, изложенным Д.О. Антипиной [2, с. 169–176].

Применение данного подхода актуально тем, что рассматриваемые кресты – это массовый вид намогильных сооружений на существующих в наше время и функционирующих в той или иной степени кладбищах. Кладбища следует рассматривать как открытые социокультурные динамические системы. В рамках трансформации кладбищенских пространств протекают процессы изменений намогильных сооружений – от их разрушения до реконструкций и замены на новые. К примеру, старое кладбище г. Славянска-на-Кубани существует с 1870-х гг., закрыто для захоронений в 1978 г. Но до сих пор его внешний облик непрерывно трансформируется, в том числе за счет исчезновения старых и замены ветхих намогильных сооружений на новые.

Разработка формальных типологий с многочисленными типами, подтипами и их вариациями в зависимости от конструктивных особенностей объекта исследования для действующих и развивающихся систем нецелесообразна. Такие типологии будут постоянно устаревающими, громоздкими и актуальными только на определенный изучаемый период времени. Для современных динамических систем практичнее разработка типологических матриц, основанных на выделении основных конструктивных признаков, позволяющих вычленять типы на основе суммирования признаков с выстраиванием из них описательного ряда, что было указано Ю.Л. Щаповой [12, с. 336]. Это позволит соотносить новые выявляемые формы к определенным матрицам, а не расширять типологические списки.

На формирование внешних обликов современных кладбищ влияет не только существующее предложение вариаций памятников на рынке, но и текущие миграции. Особо ярко это проявляется на территориях, являющихся приграничными или центрами социально-экономической жизни регионов. Их население не успевает выработать относительно унифицированные формы намогильных сооружений или не в полной мере исчезают привнесенные виды, характерные для иных регионов. К примеру, внешние облики исторических некрополей Краснодарского края (Всесвятское кладбище Краснодара, старые кладбища Анапы, Усть-Лабинска, Славянска-на-Кубани), на которых сохранились намогильные сооружения с 1830-х гг., в значительной степени визуально отличаются от современных. Современные некрополи в сравнении с историческими имеют меньшее разнообразие намогильных сооружений, более унифицированы.

Попытка выстраивания формальной типологии из тысяч современных намогильных сооружений в рамках региона не будет удачна не только в силу огромного количества памятников с их локальными особенностями, но и в силу непрекращающейся трансформации их облика. Построение формальных типологий актуально для закрытых, статических или небольших систем. К ним можно отнести закрытые для погребений некрополи с исчезнувшими наземными кладбищенскими пространствами, изучаемые в ходе археологических работ. Область построения таких типологий должна быть статична и локализована. Они эффективны при разработке типологий клейм, при составлении описей различных коллекций, при исследовании надгробий отдельного кладбища и т.п. В таких случаях конструктивно-морфологический подход может выступать при построении типологии в качестве вспомогательного метода.

В исследовании применялся «гнездовый» метод, используемый Э.П. Винокуровой [5, с. 329]. В «гнезде» закрепляется тот или иной тип изделия, вокруг которого группируются родственные памятники. В нашем случае гнездом и основой типологической матрицы становится форма основного средокрестия и конструкция, расположенная у него.

При исследовании помимо сравнительного метода, при помощи которого выявлялись визуальные аналогии, применялся указанный конструктивно-морфологический подход, позволивший «расчленил» крест на отдельные элементы и выделить «смысловые» слои, содержащие определенный символизм. О наличии формирующих надгробие слоев архитектурно-художественных и мировоззренческих традиций писал Н.Н. Фризин, отмечая, что они перемешаны и сложно отделимы друг от друга [15, с. 216]. В рассматриваемых нами крестах следует выделить несущие христианский и народный символизм слои, а также технический слой.

Христианский слой несет символизм, основанный на христианском вероучении. Н.Н. Фризин второй слой именует языческим, четко указывая на дохристианскую символику. В нашем случае именование «языческий» некорректно в силу того, что этот термин применим непосредственно к работе Н.Н. Фризина. Рассматриваемые нами конструктивные и декоративные особенности крестов не привязываются к дохристианским религиозным представлениям. Указывается факт аналогий с формами, существующими в различных проявлениях народной, не церковной, культуры (зодчество, резьба по дереву, вышивка и т.п.), преимущественно XIX–XX вв. Поэтому в данной работе этот слой рассматривается в качестве «народного» символизма. Он наиболее сложен для понимания, т.к. включает в себя различные по происхождению элементы в культурном и хронологическом аспектах. Не всегда имеются точные данные о принадлежности того или иного элемента к какому-либо культу, светской культуре, его происхождению и генезису, пути включения в русскую культуру, в том числе в ее народных проявлениях. Такие элементы могли быть заимствованы или возникнуть локально различными путями (синтеза, трансформации и т.п.) в христианской среде на любом этапе исторического развития русского народа от сложения древнерусской народности и до настоящего времени, но не отвечать в полной мере догматам и канонам христианского вероучения. Христианский слой следует рассматривать как формирующийся в рамках официальной церковной политики, а народный – как формирующийся вне такой политики.

Технический слой заключается в производственных характеристиках – материале изготовления (прут, брус и т.д.), способах крепления (ковка, пазлы, сварка и т.д.), способов производства вспомогательных элементов (наварка текста на информационной табличке и т.д.), цветовой гамме. Он позволяет более четко устанавливать датировку и обстоятельства производства креста, уточнять описание внешнего облика.

Исследования, рассматривающие развитие намогильных сооружений Кубани XIX–XXI вв., в основном носят краеведческий характер, затрагивая лишь отдельные элитарные погребения [3, с. 43–46; 8].

Типология намогильных металлических крестов конца XIX – начала XXI вв. для юга России не разработана. Типологии, применяемые при изучении намогильных крестов средневековья и нового времени Русского Севера, являющихся преимущественно каменными, не в полной мере отвечают реалиям изучения современных массовых металлических намогильных крестов в южных регионах. Сказываются существенные различия исторического развития регионов, внешних обликов намогильных сооружений и наличие локальных вариаций. Типологии намогильных крестов могут быть полезны в случае поиска конструктивных

аналогий. Из-за отсутствия выработанной единой терминологии и типологии для рассматриваемых крестов применяются термины, основанные на внешнем описании конструктивных особенностей.

В различных муниципальных районах Краснодарского края выявлены местные формы крестов. Это свидетельствует о продолжительном сохранении локальных особенностей погребально-поминальных обрядностей и надмогильных сооружений переселенцев из разных российских регионов. Такое разнообразие сохранялось до 1980-х гг. В конце XX – начале XXI вв. наблюдается процесс постепенной унификации архитектурных форм, что связано с развитием мощностей похоронной индустрии по производству типовых памятников при кратном уменьшении кустарно изготавливаемых надмогильных сооружений с уникальной символикой.

Поколение, рожденное в конце XIX – начале XX вв., был последним, являвшимся носителем предшествующих, привнесенных из различных регионов, традиций. В советское время эта преемственность была нарушена. В постсоветское время наблюдается унификация погребально-поминальных традиций в соответствии с «предписаниями» Российской православной церкви. Развитие светских начал в культуре с одновременной христианизацией постсоветского общества ведет к увеличению христианского символизма при сокращении народного на надмогильных сооружениях.

Количество крестов с кругами, лучами и их комбинациями у средокрестия на кладбищах края указать невозможно. Они рассеяны по территориям кладбищ и могут отсутствовать на малых кладбищах. Большинство крестов в крупных населенных пунктах возведено в конце XIX в. – 1970-х гг., в малых населенных пунктах – в 1950–1980-х гг. Подавляющая часть установлена в 1950–1980-х гг., и конструктивно их формы имеют одни принципы построения вне зависимости от времени возведения. Поэтому в основу их рассмотрения положен не хронологический, а типовой принцип.

Кладбищенские пространства (наземная часть) конца XVIII в. – второй половины XIX в. до нас не дошли, погребально-кладбищенские пространства (подземная часть) не исследованы в своем большинстве. Сообщения старожилов о внешнем облике сельских кладбищ первой половины XX в. свидетельствуют о преобладании на них деревянных крестов, которые не сохранились по естественным причинам. Металлические кресты в сельской местности до середины XX в. ставились нечасто.

Для понимания причин наличия на территории Кубани локальных вариаций рассматриваемых форм креста следует кратко обратиться к истории ее заселения. При разделе Крымского ханства в 1783 г.

в состав России были включены правобережные территории бывшего Кубанского сераскерства. Река Кубань до 1829 г. de facto стала границей между Российской и Османской империями. Нерешенность обеспечения безопасности новой границы создавали угрозу приазовским территориям России и затрудняли закрепление в Закавказье.

В качестве решения проблемы с 1792 г. регион стал заселяться жителями других российских регионов. С этого времени и до окончания Кавказской войны западная часть региона (Черноморья) заселялась казаками и крестьянами, в основном, из малороссийских губерний. Восточная часть заселялась преимущественно донскими казаками, однодворцами, кантонистами и вышедшими в отставку военными низших чинов из центральных (великороссийских) губерний. До середины XIX в. сюда бежали крепостные. С первой половины XIX в. к числу переселенцев добавились иностранные колонисты, военнопленные и ссыльные сектанты. На протяжении XIX в. предпринимались попытки обращения в «официальное» христианство казаков-старообрядцев. Но этому не способствовали частые боестолкновения с горцами, бедность приходов, малограмотность священнослужителей и их недостаток [6, с. 76–80, 110, 115–122].

После окончания в 1860-х гг. Кавказской войны и активизации колонизации региона положение не улучшилось. Назначаемые во вновь образованные поселения священнослужители из центрально-российских губерний периодически сбегали. Приходилось возвращаться к практике назначения в приходы священников из местного населения или священнослужителей, поведение и богословская образованность которых вызывали вопросы [Там же, с. 133–135]. Это способствовало сохранению народных традиций, в том числе погребально-поминальных. Население, состоявшее преимущественно из выходцев из разных российских регионов и зарубежья, хоть и было христианским, но оставалось приверженным своим локальным формам народных традиций и обрядностей, не всегда отвечавшим догматике и канонам официального православия.

Существуют аналогии в элементах, используемых в надгробных крестах. Согласно исследованию С.В. Горохова, нательные кресты, у средокрестий которых расположен заключающий их в окружность с венчающими округлыми элементами орнамент, локализуются частично в европейской части Севера России и на Центральном Урале. Аналогичный тип креста, но с лучами вместо округлых элементов, локализуется там же, а также в регионах, расположенных на исторической Слобожанщине [7, с. 378–380]. Надгробные кресты, имеющие аналогичные первому виду указанных нательных крестов элементы, преимущественно встречаются в восточной части Краснодарского края.

Намогильные кресты с аналогичными второму типу нательных крестов элементами сконцентрированы в большей степени в западной части. Такое распределение соответствует заселению Кубани малороссийскими и великороссийскими переселенцами в конце XVIII – XIX вв.

Отличительной чертой рассматриваемых крестов является наличие круга или конструктивных элементов, расположение которых создает окружность у основного средокрестия (крест с кругом у средокрестия). Круг может быть вписан в средокрестие (внутренний круг), замещаая его, или располагаться на его внешней стороне (внешний круг), не сливаясь с ним и пересекая основные продольную и поперечную перекладины креста. На кресте может присутствовать один или оба круга и не в единичном количестве. К другой разновидности следует отнести кресты, имеющие у основного средокрестия лучи или элементы, их имитирующие (лучевой крест). Внешний круг при этом отсутствует.

Круг и лучи могут применяться совместно, что делает возможным рассматривать крест с такой комбинацией, как «круголучевой». Круг и лучи могут располагаться у верхнего и нижнего средокрестий, на стволе. У средокрестий могут располагаться криновидные элементы, волюты, разноформенные щитки и иные формы, символизирующие круг и/или лучи.

Следует выделить три разновидности креста с наличием круга и/или лучей у средокрестия по форме построения:

- 1) круговой – имеющий только круг;
- 2) лучевой – имеющий только лучи;
- 3) круголучевой – совмещающий круг и лучи.

Эти разновидности указывают на техническое оформление конструкции у средокрестия, не раскрывая все его описание и не являясь отдельной типологией. Их стоит рассматривать как один из параметров при описании внешнего облика намогильных крестов в более конкретизированных типологиях.

Визуально эти кресты имеют отличия, но их вариативная конструктивная основа (круг или круговая конструкция у средокрестия) со своей смысловой наполняющей – символом сияния как указание на источник света и его сияние – всегда одни. Поэтому такие кресты следует рассматривать как несущие символ сияния.

По мнению И.А. Шляпкина, византийский круговой крест возник в результате эволюции древнегреческих анаглифов (рельефных орнаментов). Монограмма буквы «Х», означающая Христа, вписана в круг – символ вечности [17, с. 28–31].

Согласно предположению А.А. Спицына, круг символизирует нимб либо терновый венец [14, с. 12]. Терновый венец на средокрестии имеется на некоторых изображениях Уготованного престола (этимасии).

Имеется упоминание о венце во второй главе Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсисе): «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни». Но на раннехристианских памятниках и иконах изображен пальмовый венок – триумфальный, а не терновый, мучительный.

По одной из версий, крест в круге, известный еще как «нахлебный», означает надрезанный хлеб и связывается с Таинством причащения. Он же символизирует Тело Христово [9, с. 13–14]. По другой версии, круг символизирует небесную сферу [1, с. 519–523].

При осмотре кладбищ намогильных крестов с терновым венцом обнаружено не было. Данный элемент должен был бы отмечаться в случае, если бы он регулярно применялся. На барельефах ряда горизонтальных каменных надгробий, преимущественно конца XIX – начала XX вв., на средокрестиях изображен висящий лавровый венок. На кресты после похорон и в случае поминок могут вешать траурные венки, но не терновые, а цветочные, символизирующие почтение. Отсутствие изображения тернового венца на применяемых в народе формах и декоре памятников, являющихся одними из самых консервативных архитектурных сооружений, может свидетельствовать о его позднем распространении в отечественной культуре, либо о его несопоставимости с народным пониманием мироустройства, в том числе загробного.

В православии Христос с нимбом – символом небесного света, жизни. Круг на средокрестии совпадает с положением нимба Христа в православном варианте распятия. На выносных крестах в средокрестии встречается изображение нераспятого Христа в одеяниях, а из средокрестия исходят лучи, символизирующие его сияние. В католицизме Христос умирающий, с терновым венцом – символом мучений. Возможно, это объясняет минимальное присутствие символа мучений на русских намогильных сооружениях, за исключением поздних элитарных, декор которых нередко заимствовался из Западной и Центральной Европы.

Идентичные рассматриваемым крестам намогильные, а также надглавные, как аналоги внешнего облика намогильных, наиболее часто встречаются в иных регионах России, в Беларуси, Украине, Молдове, Румынии, Литве, частично Болгарии. В меньшей степени они распространены в остальной Восточной Европе и практически не встречаются за ее пределами. Подобные кресты сохранились в унииатстве, распространенном в Румынии и на Западной Украине.

Архитектуру намогильных крестов следует рассматривать не только в связи с христианством, но и в аспекте народных воззрений. Выделяя смысловые наполняющие этих сооружений, мы видим синтез христианского и народного пластов культуры с влиянием технических особенностей производства и архитектурной моды того или иного времени.

Народные религиозные представления – не застывшие, они развивались, отражаясь в народном искусстве. Вне связи с древними культурами невозможно понять народную культуру. Анимистическое восприятие окружающего мира порождало у людей потребность покрывать охранительными знаками предметы и строения. Характерной чертой этих представлений была нераздельность реального и потустороннего миров, они были подобны и являлись продолжением друг друга. Весь мир был обиталищем предков. Символы переосмыслились под влиянием времени и происшедших событий, сохраняясь в религиозном и народном изобразительном искусстве, фольклоре и т.п. С распространением христианства народные верования не исчезали, а преобразовывались, изменяя при этом и положения христианского учения [10, с. 305–311].

Символика рассматриваемых крестов хоть и основана на христианском вероучении, но воплощение скорее носит схематичный характер. Они несут не только символ божественного света, а иногда просто солнца. Это свидетельствует о том, что церковные каноны не в полной мере совпадают с народными традициями, обрядностью и мифологией. Крест хоть и является образом распятия и читается в народе как христианская святыня, но зачастую выступает просто как маркер христианского погребения без четкого соблюдения христианского символизма.

Отличительная форма круголучевого креста выявлена на кладбище расселенного в 1967 г. хутора Кубанский в Крыловском районе. Это металлические равносторонние кресты 1960-х гг. с преобладающим солнечным символизмом. Из крупного средокрестия в форме 4-конечного прямолинейного креста в круге исходит 12 лучей, объединенными в четыре равных расширяющихся лопасти. Подобные средокрестия кресты в круге распространены в народном орнаменте – в резьбе, вышивках, символизируя солнце. Длина лучей одинаковая, за исключением удлиненных средних, что подчеркивает символизм сияния. Форма этих намогильных крестов повторяет выносные кресты.

Намогильный крест, аналогичный выносным, имеется на старом кладбище Славянска-на-Кубани. Это равносторонний крест с прямым средокрестием на возвышающем столбике. Перекладины пустотелые из параллельно расположенных прутьев. В средокрестии имеется внутренний круг, от которого внутри перекладин исходят волюты, образуя завитую свастику.

На Всесвятском кладбище Краснодара имеется равносторонний круголучевой 4-конечный крест 1946–1947 гг., стилизованный под орнамент народной вышивки. Средокрестие в виде узорчатого ромба с равносторонним прямолинейным 4-конечным крестом. Аналогичный символ сияния присутствовал на надглавном кресте церкви

Троицы Живоначальной в Гдовском районе Псковской области. Подобные ромбы имеются на народных вышивках (пример – фрагмент свадебного покрывала, XIX в., Тверская губ.), где являются ликами мифических существ [11, с. 29]. Применяются они в деревянной резьбе и декоре нательных крестов. В углах перекадин у средокрестия расположены 4 небольших криновых луча (крин – символическое изображение лилии). Общая форма из-за равносторонних пропорций близка к выносным крестам.

На старых кладбищах Анапы и Славянска-на-Кубани имеются кресты первой половины XX в., в прямом средокрестии которых имеется внутренний круг. На внешней стороне у средокрестия имеются четыре упрощенных криновых луча в виде С-образных дуг, положение которых образует ромб.

Примечательные круголучевые кресты 1950–1980-х гг. отмечены на кладбище хутора Огонек Усть-Лабинского района. Средокрестие прямое. Имеется внешний круг, из которого исходит четыре небольших луча в виде пик. Такой символ сияния характерен для нательных крестов Центрального Урала и части Русского Севера. Нижней частью ствола является возвышающийся столбик. Среди них имеется несколько отличающийся крест: вместо лучей на внешнем круге помещены четыре круга. Символику небольших кругов можно трактовать как евангелистскую: лучами светила являются Евангелия. Варианты крестов с четырьмя кругами у средокрестия, пересеченными исходящими из средокрестия лучам также, возможно, совмещают в себе евангелистскую символику и символ сияния.

В редких случаях попадаются кресты 1960–2000-х гг. с прямым средокрестием и волютами. Нижние волюты расположены от средней части поперечной перекадины к стволу, создавая форму сердца.

На старом кладбище Славянска-на-Кубани сохранились круголучевые кресты конце XIX – начала XX вв. с солнечной символикой. Средокрестие прямое. Из внешнего круга исходит по пять заостренных волнообразных лучей. Аналогичный крест был установлен в XVIII в. на куполе Воскресенского собора Смольного монастыря в С.-Петербурге.

На Всесвятском кладбище Краснодара имеется крест, средокрестие которого прямое со вписанным андреевским крестом. Из него выходит по 8 лучей, изготовленных из рифленой пластины. Подобно оформленные лучи можно увидеть на надглавных и выносных крестах, орденах. Аналогичный символ сияния имелся на надглавном кресте церкви Успения Богородицы с Пароменья первой половины XVI в. в Пскове [16, с. 81].

К крестам с символом сияния стоит отнести широкораспространенные в конце XIX – начале XX вв. высокие кованые круголучевые

ажурные кресты. Такая форма стала использоваться в надглавных крестах не позже XVIII в. Крест аналогичной формы имелся на церкви XVIII в. Николая Чудотворца в Сергиевом Посаде Московской области. Особенности подобных надгробных крестов на Кубани являются пустотелые средокрестия в форме квадрата, реже круга, в которых могут располагаться различные фигуры. На внешней стороне средокрестия расположены криновые лучи различного оформления. Оконечности перекладин куполообразные (1- и 3-купольные). По их образцу изготавливаются более упрощенные кресты вплоть до настоящего времени. Кресты такой формы отсутствуют на старом кладбище Анапы и в целом редко встречаются на территории бывшей Черноморской губернии. Основной ареол их распространения – территория бывшей Кубанской области. Их следует отнести к элитарным, т.к. они расположены в основном на могилах зажиточных людей.

На ряде кладбищ зафиксированы кресты середины XX в. с солнечным символизмом. Средокрестие прямое. Имеется дуга, пересекающая оголовье или ствол. Из средокрестия или дуги исходят лучи. Такое оформление напоминает восходящее/заходящее солнце. Имеются варианты замены дуг на волути или круги, иногда пересеченных тремя лучами. Если полный круг или круговую конструкцию можно расценивать как символ сияния в части христианского смыслового слоя креста, то полукруги скорее относятся к народному слою.

У круговых крестов конструкция у средокрестия может быть упрощена до перекрывающего его круглого, сердцевидного или 6-угольного информационного щитка. В основном они имеются на крестах 1950–1970-х гг. На крестах 1960–1970-х гг. отмечены случаи расположения во внутреннем круге фотографии умершего, в редких случаях иконки.

Наличие возвышающего столбика у надгробных крестов, аналогичный державу у выносных, а также сохранение в большинстве случаев равносторонних пропорций конструкции креста, расположенной на возвышающем столбике, как у выносных, подчеркивает возможность заимствования форм надгробных крестов с возвышающим столбиком от выносных крестов. Идея таких надгробных крестов может иметь корни в поверье, что в день Страшного суда воскресшие возьмут свои кресты и, держа их, двинутся на Суд. Схожесть внешнего облика надгробных крестов конца XIX – середины XX вв. с надглавными крестами XVII–XIX вв., применение в их конструкциях аналогичных элементов, может свидетельствовать о том, что часть форм их элементов были заимствованы у надглавных. В этом можно усмотреть проявление идей о посмертном Царстве небесном и надгробном кресте как заупокойном

храме. Наименее всего прослеживаются аналогии в конструктивных элементах между намогильными и нательными крестами.

Как отмечала Н.М. Шулакова, в народном понимании кресты выступали как единый символ православия вне зависимости от расположения – на/в храме, на теле или могиле. В отдаленных от столицы землях в XVIII и XIX вв. кресты воздвигались в древних традициях [16, с. 277, 299]. Намогильные кресты частично сохраняют эти традиции до сих пор.

Материалом изготовления в основном служили металлические заготовки, применявшиеся в тот или иной период. К примеру, из одинаковых кованых плоскватых прутков помимо крестов в конце XIX – первой четверти XX вв. изготавливались ограды, крыльца, решетки на окнах. При развитии заводского способа изготовления металлических заготовок во второй половине XX в. кованые кресты исчезают. Им на смену приходят сварные кресты из труб, арматуры, квадратных и реже круглых в профиле прутков и т.д., которые также применялись для изготовления и декорирования заборов, оконных решеток и иных объектов.

Современные кресты, частично повторяющие формы предшествующих, выполняются в мастерских в качестве реплик как обычные «узорные» кресты без особого смыслового наполнения, о чем свидетельствуют их внешние облики и наименования – «завитушка», «домик», «ажур х» и т.п. Их наличие свидетельствует о запросе на них у населения, а значит, о продолжении традиции их применения, хоть и трансформирующейся под влиянием времени.

В народной среде кресты воспринялись как внешние маркеры христианских погребений. Их смысловая составляющая частично перешла из народных представлений о смерти и отразилась в формах, стилизованных под христианские образы методами аналогии и синтеза. Крест как геометрическая фигура является основой с христианской символикой. На эту основу могут накладываться отдельные элементы, воплощающие народный символизм – как правило, солярный и растительный. Исходя из того, что эти символы, отразившиеся в народном слое символизма намогильных сооружений, ассоциируются с жизнью, стоит предположить, что они отражают веру в то, что смерть – это своеобразное продолжение жизни, не несущее негатива и мучений.

Схожесть конструкций у средокрестия с орнаментами народных вышивок и резьбы, выполняющих обережную функцию, подчеркивает предположение, что народный слой символизма намогильных крестов во многом выполнял такую же функцию. Они оберегают не только живых от мертвых, но и покой усопших, которые остаются членами семей и общества, перейдя на «тот свет».

Наличие идентичных форм крестов, использующихся в культовой архитектуре, на территории России и соседних государств, в других формах христианства, говорит о наличии относительно единого культурного поля с региональными вариациями.

На кладбищах Краснодарского края различные варианты рассматриваемых крестов встречаются практически повсеместно. На новых могилах они устанавливаются реже, что связано с унификацией и развитием «конвейерных» производств надгробных сооружений. Применяющиеся круги и лучи утрачивают художественное разнообразие и выразительность, выполняясь схематично, в основном в виде прямых прутьев и небольшого круга на средокрестии. За рассматриваемый временной период формы исследуемых крестов претерпевали незначительные изменения. Крестовые конструкции конца XIX – начала XX вв. имели развитую художественную выразительность. Конструкции XX в. характеризуются ее снижением, стремлением к упрощению и схематичности. Конструкции конца XX – первой четверти XXI в. характеризуются размытием форм, упрощением, нередко выражающемся в подмене конструктивных элементов на более простое декоративное оформление (пример – замена кругов в средокрестии небольшими металлическими раскрытыми бутонами).

Библиографический список / References

1. Айналов Д.В. Мозаика древней крещальни в Альбенге // Византийский временник. 1901. Т. 8. С. 516–525. [Ainalov D.V. Mosaic of the ancient baptismal in Albenga. *Vizantijskij vremennik*. 1901. Vol. 8. Pp. 516–525. (In Rus.)]
2. Антипина Д.О. Принципы типологизации русских православных крестов: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. [Antipina D.O. Principy tipologizacii russkikh pravoslavnyh krestov [Principles of typology of Russian Orthodox crosses]. PhD dis. St. Petersburg, 2006.]
3. Бардадым В.П. Кубанские арабески: краеведческие очерки. Краснодар, 2000. [Bardadym V.P. Kubanskie arabeski: kraevedcheskie ocherki [Kuban arabesques: Local history essays]. Krasnodar, 2000.]
4. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. [Belyaev L.A. Russkoe srednevekovoe nadgrobie: Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. [Russian Medieval tombstone: White stone slabs of Moscow and North-Eastern Rus XIII–XVII centuries]. Moscow, 1996.]
5. Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII век. М., 1999. С. 326–360. [Vinokurova E.P. Metal cast pectoral crosses of the 17th century. *Kultura srednevekovoj Moskvy XVII veka*. Moscow, 1999. Pp. 326–360. (In Rus.)]

6. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М., Пятигорск, 1992. [Gedeon, Metropolitan of Stavropol and Baku. Istoriiya hristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii [The history of Christianity in the North Caucasus before and after its annexation to Russia]. Moscow, Pyatigorsk, 1992.]
7. Горохов С.В. Ареалы распространения некоторых типов нательных крестов XVII–XIX веков по данным из Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2022. № 6. С. 373–386. [Gorokhov S.V. Distribution areas of some types of pectoral crosses of the 17th–19th centuries according to data from the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation. *Stratum Plus*. 2022. No. 6. Pp. 373–386. (In Rus.)]
8. Дьяков И.Н. Всесвятское кладбище // Кубанский сборник. 2021. Т. 4 (25). С. 436–464. [Dyakov I.N. Vsesvyatskoe cemetery. *Kubanskiy sbornik*. 2021. Vol. 4 (25). Pp. 436–464. (In Rus.)]
9. К.В.П. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М., 1997. [К.В.П. Istoriya razvitiya formy kresta. Kratkij kurs pravoslavnoj stavrografii [The history of the development of the shape of the cross. A short course in Orthodox staurography]. Moscow, 1997.]
10. Крынев Ю.В., Павлова Т.П. Двоеверие на Руси // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 304–314. [Kryanev Yu.V., Pavlova T.P. Dual faith in Rus. *Kak byla kreshchena Rus*. Moscow, 1989. Pp. 304–314. (In Rus.)]
11. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. [Maslova G.S. Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoriko-etnograficheskij istochnik [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. Moscow, 1978.]
12. Пежемский Д.В. Пути объективизации ставрографических исследований // *Ставрографический сборник*. Кн. II. Крест в православии. М., 2003. С. 333–344. [Pezhensky D.V. Ways of objectivization of stavrographic research. *Stavrograficheskij sbornik. Kniga II. Krest v pravoslavii*. Moscow, 2003. Pp. 333–344. (In Rus.)]
13. Пермиловская А.Б. Деревянные кресты Русского Севера // *Ставрографический сборник*. Кн. I. М., 2001. С. 241–250. [Permilovskaya A.B. Wooden crosses of the Russian North. *Stavrograficheskij sbornik. Kniga I*. Moscow, 2001. Pp. 241–250. (In Rus.)]
14. Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских: отдельный оттиск из 5 т. «Записок русского отделения Императорского русского археологического общества». СПб., 1903. [Spitsyn A.A. Zametka o kamennyh krestah, preimushchestvenno novgorodskih: otdelnyj ottisk iz 5 t. «Zapisok russkogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arheologicheskogo obshchestva» [A note on stone crosses, mainly those of Novgorod: A separate print from 5 volumes of the Notes of the Russian Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1903.]
15. Фризин Н.Н. Деревянные надгробия Русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // *Ставрографический сборник*. Кн. II. Крест в православии. М., 2003. С. 194–240. [Frizin N.N. Wooden gravestones of the Russian North: Some options for the development

- of the spatial structure. *Stavrograficheskiy sbornik. Kniga II. Krest v pravoslavii*, Moscow, 2003. Pp. 194–240. (In Rus.)]
16. Шейдаев Э.И., Анашкевич М.А. Русский крест. Символика православного надглавного креста. М., 2006. [Shejdaev E.I., Anashkevich M.A. Russkiy krest. Simvolika pravoslavnogo nadglavnogo kresta [Russian cross. Symbolism of the Orthodox overhead cross]. Moscow, 2006.]
  17. Шляпкин И.А. Древние русские кресты: Изыскания проф. И.А. Шляпкина. 1 – Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906. [Shlyapkin I.A. Drevnierusskie kresty: Izyskaniya prof. I.A. Shlyapkina. 1 – Kresty novgorodskie, do XV veka, nepodvizhnye i ne cerkovnoj sluzhby [Ancient Russian crosses: Researches of prof. I.A. Shlyapkin. 1 – Novgorod crosses, until the 15th century, immovable and not of church service]. St. Petersburg, 1906.]

Статья поступила в редакцию 05.05.2023, принята к публикации 13.07.2023
The article was received on 05.05.2023, accepted for publication 13.07.2023

Об авторе / About the author

Лопин Константин Борисович – главный специалист отдела археологии, непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», г. Краснодар

Konstantin B. Lopin – chief specialist at the Department of Archeology, Non-public Joint Stock Company “Heritage of Kuban”, Krasnodar

E-mail: koppektor-rus@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-81-98

УДК 325.36+94

Ю.В. Куликова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

О терминологическом отражении процессов взаимодействия этносов в Римской империи. Романизация или провинциализация?

Завоевания Рима сопровождались процессом, традиционно называемым в историографии «романизацией». Этот термин стал применяться в научных изысканиях с позиции колониальных взглядов европейских исследователей о превосходстве римской культуры. В связи с чем является актуальным рассмотрение целесообразности использования термина, если его сущность в современных исследованиях не всегда учитывает взаимовлияние культур в процессе римского завоевания, а односторонний процесс воздействия римского господства на покоренные народы скорее следует называть провинциализацией. Цель данной статьи – выявить характерные признаки и недостатки использования термина «романизация» и определить возможные перспективы изменения терминологии. Для полноты картины рассмотрены различные точки зрения отечественной и зарубежной историографии, для чего были использованы синхронный и диахронный методы, а также сравнительно-исторический с привлечением данных археологии и свидетельств античных авторов и генетический методы. Это позволило сделать ключевые выводы для дальнейших исследований в области изучения римских провинций и последствий римского господства.

© Куликова Ю.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: романизация, Римская империя, романская идентичность, провинциализация, инструменты романизации, римское гражданство, римская армия, латинский язык, римская провинциальная система, римская культура, взаимовлияние культур, отсроченные последствия романизации

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. О терминологическом отражении процессов взаимодействия этносов в Римской империи. Романизация или провинциализация? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 81–98. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-81-98

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-81-98

J.V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

On the terminological reflection of the processes of interaction of ethnic groups in the Roman Empire. Romanization or provincialization?

The conquests of Rome were accompanied by a process traditionally called “Romanization” in historiography, a term that came to be used in scientific research from the perspective of the colonial views of European researchers on the superiority of Roman culture. In this regard, it is relevant to consider the expediency of using the term, if its essence in modern studies is not always considered the mutual influence of cultures in the process of Roman conquest, and the unilateral process of the impact of Roman domination on conquered peoples should rather be called provincialization. The purpose of this article, which is part of a larger study, is to identify the characteristic features and disadvantages of using the term “romanization” and to identify possible prospects for changing terminology. For a complete picture, various points of view of local and foreign historiography were considered, for which synchronous and diachronic methods were used, as well as comparative-historical methods with the involvement of archaeological data and testimonies of ancient authors and the genetic method. It led to key

findings for further research into the study of Roman provinces and the effects of the Roman domination.

Key words: romanization, Roman Empire, Roman identity, provincialization, romanization tools, Roman citizenship, Roman Army, Latin Language, Roman provincial system, Roman culture, mutual influence of cultures, delayed effects of romanization

FOR CITATION: Kulikova J.V. On the terminological reflection of the processes of interaction of ethnic groups in the Roman Empire. Romanization or provincialization? *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 81–98. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-81-98

Внешняя политика Древнего Рима с самого начала создания государства чаще всего характеризуется как агрессивная. В историографии существуют две школы: сторонники одной настаивают на «оборонительной» стратегии Рима, другие убеждены в его «экспансионистской» внешней политике. Стремясь расширить свое государство, римляне использовали инструменты, позволяющие воздействовать на государственном уровне для формирования римской идентичности, однако в эпоху Республики навязывание римлянами своего образа жизни, по мнению некоторых исследователей [23, p. 189–203], происходило несознательно, т.к. их ближайшие соседи являлись либо союзниками, либо врагами. Позиционируя свое элитарное положение, римляне не стремились включать их в свою *civitas*, которая на тот момент не способна была выработать инструменты для объединения других этносов в единое государство. Не меньше в этом плане влиял и римский консерватизм, для мировоззрения самих римлян изменение их традиционных устоев было немыслимо. Использование такого политико-правового инструмента, как гражданство, позволяло римлянам долгое время сохранять элитарность своего положения и воздействовать на соседей и союзников. Однако в I в. до н.э. постоянные и долгие обещания вызвали войну с союзниками, продемонстрировавшую необходимость изменения политики. Этот урок лишь способствовал изменениям, но вновь только для пользы самих римлян. Римское гражданство предоставлялось частично и лишь некоторым, особо верным «друзьям римского народа». В этом отношении Юлий Цезарь имел более широкие взгляды на будущее государства, предоставляя права римского гражданства целым общинам и территориям.

Необходимость включения завоеванных территорий в систему управления требовало подходов и инструментов, основными из которых

стали латинский язык, армия, право, образование, торговля, что, впрочем, уже было испытано при построении Римско-Италийского союза.

Латинский язык, ставший языком межэтнического общения, способствовал одновременно двум аспектам влияния на мировоззрение: сознательному и бессознательному, ведь, чтобы быть римлянином, необходимо было думать на латинском языке, использовать нюансы общения, свойственные носителю языка, а это для многих «римлян» зачастую было невозможно. В качестве государственного латинский язык отражал систему управления, на нем велось делопроизводство, судебные дела, это способствовало интеграции этносов, но в меньшей степени там, где оставались в употреблении собственные нормы права.

Римское право изначально ставило существенные границы для неримлян, но в условиях формирования единого политического пространства римляне создавали необходимые правовые механизмы для манипулирования. Позиционирование римского гражданства как высшего элитарного положения являлось способом переключения интересов местной этнической знати с собственных суверенных на интересы Рима, которые внедрялись пропагандой в мировоззрение региональных элит.

Для процессов воздействия римской культуры на культуру завоеванных народов при преобладании стереотипного взгляда превосходства Римского государства как высшей цивилизации по отношению к завоеванным, а потому отсталым народам, в историографии принято использовать термин «романизация» [19, р. 88], хотя такая позиция отражает лишь изучение отдаленных последствий римского господства. На подобное «державное» предназначение римлян указывал и Вергилий¹. В отечественной историографии под романизацией понимается комплекс связанных между собой сложных процессов, затронувших самые разные сферы провинциальной жизни: экономическую, политическую, социальную, культурную, идеологическую, целью которых было создать среду с римским образом жизни [5; 16; 17].

При всей распространенности в научной историографии, термин «романизация» не имеет устоявшегося толкования, хотя в основе лежат «римские» элементы, которые, правда, исследователи понимают по-разному и, соответственно, их значимость оценивают также различно. Тем не менее, объединяет мнения понимание того, что «романизация» подразумевает процессы переустройства уклада жизни по образцу «как в Риме» [15, с. 11–13]. Стоит отметить, что сами по себе «римские» элементы видоизменились под влиянием внешних и внутренних фак-

¹ Vergilius P. Maro. Aeneid. VI, 847–53. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/verg.html> (дата обращения: 22.09.2022).

торов, оказывавших воздействие на развитие самого Римского государства, например, расширение территориальных границ, формирование новой системы управления. В процессе взаимодействия Рим сталкивался как с культурой Востока, насчитывающей не одно тысячелетие, так и со своеобразием этнических культур, подобных греческой, кельтской, которые, в свою очередь, также оказывали свое воздействие на римскую культуру. Рим стремился создать удобное пространство, прежде всего, для самих римлян, поэтому идея *Pax Romana* не отвергала полностью существования самостоятельной этнической культуры, но при этом скорее являлась идеалом, созданным италийской земельной знатью.

В последние годы все больше исследователей задумываются о необходимости отказа от термина, который сложился под влиянием взглядов европейской историографии XIX – первой половины XX в., когда к покоренным народам относились с позиции колониальных держав. Таким образом, по сути, «романизация» представляет собой односторонний подход в ущерб исследованию иных форм взаимодействия. Как отметил Д. Маттинли, мы больше привыкли рассматривать влияние Рима на народы, а не наоборот, потому что это привычка ума, т.е. определенный метод, к которому прибегают исследователи для отражения последствий завоеваний Рима, хотя каждый отдельный регион требует своего особого подхода, который позволит раскрыть глубину происшедших процессов [29, p. 5].

Тем не менее, стоит рассмотреть вариативность использования термина «романизация», тем более что отечественная историография античности изначально вырабатывала собственные подходы в исследованиях, не базируясь на колониальном мировоззрении. Необходимо учитывать и то, что за время использования термина изменились взгляды, подходы в изучении проблемы, значительно пополнились фактические данные, благодаря многочисленным археологическим находкам стали доступны новые методы исследования, поэтому для современного исследователя термин может иметь совершенно иные характеристики.

Чтобы понять сущность термина «романизация», недостаточно выявить степень влияния римского господства на сферы жизни завоеванных народов, необходимо подробно изучить происходившие процессы и их взаимосвязи. А это невозможно сделать без понимания инструментов романизации, посредством которых происходила интеграция в местное пространство. Для понимания путей романизации нужно учитывать два фактора: сознательный и бессознательный [11, с. 85], и четко понимать, какой фактор имел большее влияние. Осознанные последствия должны оцениваться с точки зрения созидательно-самостоятельного результата взаимодействия культур. Бессознательные являются оценкой

степени влияния социальных, экономических, политических тенденций развития самих народов и, если так можно сказать, готовность их культуры к взаимодействию.

Инструменты романизации в различные периоды действовали неодинаково. Первые шаги в этом направлении были сделаны Римом еще в ранний период посредством колонизации, которая, однако, не ставила целью интеграцию местного населения в пространство Римского государства, а только интеграцию колонистов в местную среду, благодаря чему происходило приобщение к римской культуре [9, т. II, с. 258–303].

Последующая политика Рима в эпоху Республики и, особенно, в эпоху Империи по расселению на покоренных территориях ветеранов и размещение военных подразделений указывает на постепенное преобладание военного фактора романизации, который подчеркивает ряд исследователей [2; 3; 8]. Ветераны становились важнейшим инструментом воздействия и контроля в регионах, служили военной опорой для защиты от внешних врагов и внутренних мятежей. Этот фактор влиял на интенсификацию развития регионов, ведь военным необходимы товары, соответственно, это стимулировало специализацию ремесла и активизацию торговли. Наибольшее взаимодействие происходило в местах размещения римских войск [2, с. 9; 3, с. 119; 7, с. 128–129]. Нужды римской армии и налаживание торговли сделали возможным существование постоянных поселений в непосредственной близости от римских укреплений и мест дислокации войск, однако ремесленные изделия имели зачастую этнический характер. Археологические данные позволяют утверждать, что торговля не прекращалась даже в самые сложные годы III в., т.к. связи многих регионов возникли еще в доримскую эпоху [7, с. 158, 174].

Армия, изначально использовавшаяся с целью поддержания контроля и порядка на завоеванных территориях, к III в. становится ведущей политической силой Империи. В борьбе между сенатом и армией ветераны представляли угрозу власти крупных землевладельцев. Изменение комплектования и статуса подразделений римской армии после реформ Септимия Севера и других императоров III в. способствовали их оседлости и большему сближению с местным населением. Однако стоит учесть, что размещенные на завоеванных территориях военные чаще всего либо сами происходили из провинций, либо имели германское происхождение, и подверглись процессу романизации в большей или меньшей степени, поэтому передавали уже видоизмененную римскую культуру, в частности, использовали *latina vulgaris* и его региональные варианты, смешанные с профессиональным понятийным аппаратом [2, с. 10–11].

Римское завоевание, как считают некоторые исследователи, имело различные последствия в покоренных регионах в виде утраты суверенитета, разрушения местных политических структур, модифицирование местных городских форм к гражданской средиземноморской модели, например, у кельтов. Это было необходимо для последующего замещения их римскими с целью встраивания в провинциальную систему Римского государства и формирования основ для контроля политического, административного, религиозного, идеологического [26, р. 269].

По мнению П. Ле Ру, сущность романизации можно определить двумя глаголами – «завоевывать» и «организовывать» [28, р. 31]. Организация провинциальной системы управления Рима стала следствием расширения государства в результате его завоевательной политики и необходимости построения взаимоотношений с покоренными народами. На подконтрольных территориях устанавливалась римская система управления, подчас было легче построить все заново, чем постепенно включать завоеванные поселения в административную систему, деструктивность чего стала ярко проявляться в отдельных регионах, особенно наиболее поздно включенных в *Rex Romana*. За время первых трех династий Ранней Империи римляне поменяли стратегию своей политики в отношении провинций, отходя от идеи единого римского мира и усиливая эксплуатацию регионов, поэтому скрывать основные цели за ширмой благ цивилизации перестали. Впрочем, изначально расширение границ Римской империи было вызвано как экономической (дополнительные ресурсы, в которых нуждалось государство, контроль за торговыми сухопутными и морскими путями), так и стратегической необходимостью (Рим вел тяжелую войну с Сасанидами, претендовавшими на территории Закавказья, Месопотамии, Сирии). Поэтому в какой-то мере можно принять утверждение В.С. Сергеева, что провинции были просто придатком Римского государства, которое использовало все ресурсы для удовлетворения собственных нужд. Лояльность провинции могла быть обеспечена только воздействием римской идентичности на всех уровнях. Воздействие происходило через высшие слои общества, аристократию, статусность которой определяла «приближенность» к римскому обществу. Но даже при этом народы сохраняли свою идентичность. Так, кельты были расселены на значительной территории, многие племена находились вне экономических и политических интересов Римского государства, поэтому, как некоторые другие народы, даже в III в. сохраняли язык и традиции.

В период Римской империи превалирующим инструментом романизации становится военный фактор. Инкорпорирование в римскую культуру происходило через армию, в которую набирали рекрутов

из покоренных народов. Так, после завоевания Дакии были организовано 11 воинских подразделений [2, с. 11], это чуть меньше, чем было в других провинциях. Однако и военный фактор имел свои минусы. В этот период римские воины в меньшей степени были способны распространять римскую культуру, потому что подразделения разных регионов имели собственные традиции и поклонялись своим богам (см., например, [8, с. 150–151; 28]).

Отношение к римской власти формировалось через идеологию, но при этом, например, для Иудеи было сделано исключение. Важнейшей чертой приобщения завоеванных территорий к римской культуре стал императорский культ [17, с. 278–279]. Однако отличительной чертой римской политики была религиозная толерантность, а римские боги зачастую становились частью синкретических культов.

Чтобы говорить о глубине процесса романизации, необходимо учитывать многие аспекты, во-первых, готовность приспособиться к римскому миру. Думается, что к III в., особенно в этот сложный период, проблема была достаточно условна, потому что даже осевшие на землях Римской империи варвары сохраняли собственную идентичность, мало того, свою значительную лепту вносило христианство.

Во-вторых, степень понимания и осознания собственного «Я» в римском мире, противопоставляя себя варварам, «чужим». Но до и после издания эдикта Каракаллы италийская знать продолжала противопоставлять себя провинциалам. «Чужими» становились не только по этническому признаку, ведь правовой статус не мог заставить забыть происхождение, но и по идеологическому в период преследования христиан. Таким образом политика римских императоров, попытавшихся устранить одну проблему, создавала в то же время другую, усугубляя социальные противоречия [14, с. 258].

В-третьих, о глубине романизации может говорить отсутствие или сохранение знаковых памятников локальных культур, таких как надписи, орнаменты, особенности строительной, гончарной или металлургической техники, что позволяет рассматривать их видоизменения под воздействием римской культуры [20; 22].

Действительно, в регионах Римской империи обнаруживается сохранение локальных культур, однако чаще уже с наслоением римских элементов. Так, на территории Британии и даже Галлии, которая являлась одной из самых романизированных провинций, в III в. сохранялось использование местного языка, а разнообразие культурных элементов носило характер взаимовлияния [17; 18; 24]. Римская власть была активным проводником политики урбанизации и муниципализации в провинциях, особенно в Галлии, т.к. только город создавал «римскую среду

обитания» и формировал мировоззрение. В период римской экспансии уничтожались и переносились все местные города с возвышенностей, строго контролировалось возведение новых путем различных договоров [16, с. 222]. Многие поселения так и остались таковыми, сохраняя местные традиции, т.к., с одной стороны, Рим перестраивал заново только наиболее значимые с экономической и стратегической точки зрения города [9, т. II, с. 271–272], с другой – стали ощущаться кризисные явления, усугубляемые активизацией Сасанидов на Востоке и германцев на западе.

Если воспринимать романизацию как целостный процесс, то она никогда и нигде не была полной, хотя и нашла свое проявление в материальном отражении – дороги, общественные постройки, и в организационно-правовых формах, и при этом сформировалась своеобразная культура, например, галло-римская, иберо-римская. Причиной такого положения было то, что римская политика во избежание мятежей и антиримских настроений вынуждена была учитывать местные особенности и зачастую адаптировать способы и формы управления к местным традициям, не выходя при этом за пределы того, что составляло государственную идентичность Римской империи [21, р. 212].

Подобно Галлии, степень романизации Испании также была достаточно высока [3, с. 118], но не одинакова во всей провинции. Наиболее весомый вклад в процесс романизации внес эдикт императора Веспасиана о даровании всей Испании латинского гражданства. Это открыло иберам возможность приобретения прав римского гражданства через занятие магистратур. Не стоит забывать, что император Траян происходил из этой провинции. Южные районы Испании оказались в наибольшей степени романизованными благодаря активной римской колонизации. Здесь для римлян создавалась необходимая в военном и экономическом плане инфраструктура, которая затрагивала как город, в котором обязательным элементом были римские школы, термы и канализация, так и сельскую местность, в которой организовывалась римская система землепользования путем создания латифундий и крупных вилл [16; 20]. Здесь концентрировалась вся культурная жизнь, были построены театры и амфитеатры. В то же время, Центральная и особенно Северная Испания оказались менее романизованными, местные племена сохраняли свои законы, обычаи и политические учреждения, что отражается в правовых документах IV–V вв. Ряд исследователей считает, что иберы для римской культуры оказались *tabula rasa*, благодаря чему произошла их быстрая ассимиляция [3]. Это можно проследить на примере латинского языка, который скорее приспособивался к языку местного населения.

На Нижнем Дунае, по утверждению ряда отечественных историков, романизация так и не получила законченную форму. В этом регионе она не была слишком глубокой в силу ряда причин и, по выражению О.В. Кудрявцева, затрагивала лишь внешнюю сторону жизни общества [10, с. 160]. Ю.К. Колосовская отмечает неравномерность влияния римской культуры в этом регионе, указывая, что там, где сельское население составляло значительную часть, романизация фактически не была возможна [4; 5]. Так, Мёзия романизировалась исключительно за счет переселения граждан, которые прибывали в качестве жителей, торговцев, военных, в то время как территория даков, захваченная Траяном, подвергалась насильственной колонизации, насильственному внедрению римских обычаев, включая религиозные [12, с. 87].

Проникая в местную среду через ветеранов и дислоцированные легионы, романизация могла в разной степени охватывать систему муниципального управления, структуру коллегий, особенно ремесленных, религиозную область благодаря различным инструментам, задействованным в каждом регионе в большей или в меньшей степени. Безусловно, активный процесс урбанизации в провинциях был важнейшим фактором романизации, т.к. город является одним из элементов административно-территориальной организации, тесно связанной с военными силами. Рим являлся моделью, которой зачастую вынужденно подражали провинциальные города. Но именно такая территориальная система могла обеспечить функционирование системы принуждения (ср.: [28]). В то же время городов на Нижнем Дунае было не так много, городской строй развивался слабо, а сельские поселения не подвергались значительному влиянию римской культуры.

Если говорить о Дакии, то этот пример отражает неготовность населения к восприятию римских элементов. По мнению И.Т. Кругликовой, яростное сопротивление региона, фактическая незаинтересованность аристократических кругов в римском гражданстве делали покорение этой территории весьма затруднительным [8, с. 3]. Если в военном плане можно было подавить отдельные выступления, то систематические мятежи, присоединение к военным союзам германцев для нападения на Рим остановить было невозможно. Для Дакии инструментами романизации стали торговцы, которые использовали территорию как связующее звено для переправки товаров на Восток и обратно [Там же, с. 5], и армия. Сложность процесса романизации в Дакии была обусловлена тем, что эта территория была наводнена переселенцами со всеми римского мира, различными по социальному и этническому статусу, как и во всех придунайских регионах. Поэтому в Дакии можно встретить как римские, греческие, кельтские и восточные культы, так и их влияние

на религию не только самих даков, но и переселенцев [5, с. 85–88]. Поступая на службу в римскую армию, становясь римскими гражданами, даки не отказывались ни от своих «варварских» имен, ни от родственных связей и обычаев [5, с. 97]. И.Т. Кругликова отмечает, что в случае с Дакией нельзя говорить об ассимиляции даков, напротив, это была попытка насильственной романизации [8], при этом регион так и не был сильно романизирован [4; 5]. В нем длительное время сохранялись местные традиции, что вынудило римлян в III в. частично оставить этот регион, сохранив контроль только над той частью, где удалось организовать римское пространство.

Если говорить о других элементах, в которых наиболее сильно проявилось влияние римской культуры, то даже в менее романизированных регионах они заметны в строительстве, причем как в использовании материалов и технологий – жженого кирпича, извести, гидроцемента, усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, так и в архитектурных элементах [2, с. 10]. Безусловно, уклад жизни, привнесенный римлянами, служба в римской армии подрывали сопротивление романизации, однако сельское, по своей сути, население северной и восточной Дакии, ее географическое положение препятствовало полному процессу романизации по мере поселения на ее территории новых, родственных дакам, племен, и даже христианство в первые три века проникло только в среду дако-римского населения [5, с. 99–100].

Сельская племенная община продолжала существовать и в Паннонии, являясь здесь также препятствием для романизации [6, с. 244]. Однако в Африке, наоборот, городской строй развивался наряду с крупным землевладением, но при этом не сыграл значительной роли. В III в. с возникновением пессимистических настроений на фоне кризиса и, как следствие, распространением христианства начинают ярко проявляться антиримские настроения, более всего, в среде низших слоев населения. По мнению Н.А. Машкина, римское господство в северных районах Африки не оставило практически никаких следов [13, с. 70].

В Греции, несмотря на кажущуюся близость, слияние римской и греческой культур шло медленно, романизация часто носила поверхностный характер, поскольку греки относились к римлянам враждебно, впрочем, для греков все не-греки являлись варварами. Взаимная неприязнь отражается в произведениях античных авторов [9, т. I, с. 36]², хотя среди римлян были искренние эллинофилы, в числе которых можно назвать императора Адриана. В процессе завоеваний римляне

² См. также: Pliny. *Natural history*: Vol. V. Books XVII–XIX. H. Rackham (ed.). L., 1938. XXIX.7.14; Juvenalis J. *Decimus. Saturae*. I.3.86–89. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/juvenal.html> (дата обращения: 18.08.2022).

столкнулись с таким сложным феноменом, как эллинизация, поэтому в этих регионах привычные методы не могли быть использованы, и романизация выразилась здесь в формальных моментах, в частности, введении гладиаторских боев, римского летоисчисления, распространении терм. В целом, взаимодействие двух культур происходило не в пользу римлян, в отличие от западных провинций. Процесс «романизации греческих гражданских институтов» проходил сложно и неравномерно в разные периоды времени и в разных областях греческого мира, поскольку здесь римские политические модели наложились на полисные традиции [25, р. 372]. Так, во многих городах Балканской Греции довольно долго сохранялась практика широких выборов булевтов и магистратов [Там же, р. 353].

Напротив, в городах Малой Азии под влиянием Рима, навязавшего местным общинам «модель римского сената» и цензовый принцип, сложился тимократический «режим нотаблей» [Там же, р. 351, 372]. Несмотря на определенное влияние римских элементов (гражданство, имена, широкое распространение римских терм, латинского языка), греки продолжали пользоваться своим правом, своими именами и почитать эллинистические культы, сформировав у римлян понятие образованности, немислимое без знания греческого языка, не говоря уже о греческой философии, которую успешно развивали римские императоры, подобно Адриану и Марку Аврелию [14, с. 254]. Греки, по мнению ряда исследователей, в полной мере сохранили свою идентичность, чему в немалой степени способствовали религиозные культы [30; 33]. Влияние римского господства в этом регионе интегрировалось в той мере, в какой это соответствовало интересам отдельных слоев населения. Греческий язык использовался на официальном уровне: на нем были посвящения и чеканились монеты римских императоров [9, т. II, с. 338, 348, 354]. Как отметил Гораций, «плененная Греция победителей диких пленила» (*Graecia captaferum victorem cepit*)³. Эллинизм оказал значительное влияние на всю римскую культуру. Грег Вульф объясняет этот феномен тем, что в идентичности греков духовное начало (культурный императив) – сознание общего происхождения и язык – преобладало над материальным, тогда как у римлян дело обстояло наоборот [33]. И если римляне так никогда и не примирились с «эллинизмом», то греки не перестали быть греками; они сохранили свою идентичность, потому что римляне позволили им это [30; 33]. Стоит отметить, что именно аристократия Малой Азии, став опорой римской власти, не подчинилась Пальмирскому

³ Horatius Q. Flaccus. *Epistularum Lib. II.1.156*. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/horace/epist2.shtml> (дата обращения: 20.03.2022).

царству и при первой возможности способствовала осуществлению плана императора Аврелиана по возвращению восточных провинций.

О полной романизации ни в одном из завоеванных Римом регионов речи идти не может. В провинциях по-прежнему оставались многие самобытные элементы, такие как язык, внутренняя организация областей, топонимы, некоторые общественные структуры, особенное влияние местной знати, которая в середине III в. поддержала сепаратистские настроения, в частности, в Галлии. С целью окончательно разрушить местные традиции изменялись границы провинций, а в IV в. многие территории были заняты новым населением – германцами.

Безусловно, римское завоевание оказывало значительное влияние на региональную идентичность. Под воздействием римской цивилизации вполне закономерно общества с более низким уровнем развития вступали в более активную, почти стремительную, стадию трансформации. При этом новая социальная структура лишь обостряла противоречия, которые порой переходили в острую стадию конфронтации, а единого пространства так и не было создано. В регионах законодательно поддерживались местные традиции, сохраняя этническое разнообразие Империи.

Именно сохранение двойных схем и подходов препятствовало процессу романизации и, наоборот, способствовало региональной идентичности, тем более что сельское население оставалось преобладающей, но менее романизированной частью населения Империи [9, т. II, с. 354]. Поэтому, как только ослабела власть Рима в провинциях, где романизация не сумела, ввиду определенных факторов, пустить глубокие корни, начался процесс дероманизации [32], причем в некоторых регионах, например, в Африке, более активно [31].

Значительное влияние на дероманизацию оказывали как новые народы, появившиеся на территории Римской империи, так и общий упадок образованности. В III в. знание латинского языка в восточных провинциях было, видимо, на весьма низком уровне. Так, Септимий Север говорил на латыни с весьма заметным акцентом, а его сестра, прибывшая в Рим, совсем ее не знала⁴. Царица Пальмиры Зенобия стремилась дать знание латинского языка своим сыновьям, готовя их к будущему господству над римлянами⁵.

Оценка значения романизации у исследователей различна. П.В. Колесникова считает, что романизация – это нивелирующая деятельность Древнего Рима, тем самым подчеркивая значимость социально-политического и административно-правового аспектов [3], Ю.К. Колосовская –

⁴ *Scriptores Historiae Augustae*. P. Magie (ed.). L., 1954. X.15.7.

⁵ *Ibid.* XXIV.30.

что это степень духовного влияния римлян, которая зависела от социальной структуры [5]. Отечественные ученые считают, что именно через социальные слои одновременно с происходившими в этой структуре изменениями, в основном, и проникало римское влияние. Зарубежные исследователи чаще рассматривают насаждение римских традиций вместе с политической структурой, подчас признавая, что в отдельных регионах проникновение римских элементов могло происходить как сверху, так и снизу, через армию, торговцев и поселенцев [24]. Практически нет исследователей, которые, принимая термин «романизация», учитывают все материальные и духовные факторы влияния в комплексе, однако в целом романизация воспринимается как процесс, преобразующий пространство. Причина этого кроется в том, что инструменты и степень романизация в разных регионах была различной, но нигде полной. Стоит признать справедливым мнение О.В. Кудрявцева, что термин «романизация» подразумевает более широкие аспекты («распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм, свойственных коренным областям римского мира, на территорию романизирующихся провинций» [10, с. 160]), в то время как зачастую исследователи учитывают только культурное влияние.

К идее комплексного анализа материальных аспектов культуры зарубежные исследователи пришли относительно недавно, указывая на возможность замены термина «романизация» на более близкий к сущности происходивших процессов. Насильственный захват территории, навязывание собственных институтов и сопротивление римской власти при незначительной трансформации местных форм могло восприниматься как колонизация, если бы было возможно оценить деструктивный фактор римского вторжения, особенно деструктивную роль армии как инструмента. Н.А. Машкин замечает: ненависть к Риму никогда не исчезала не только из-за самого факта завоевания, но и из-за действий римской администрации [13, с. 82–83]. Дж. Чеккони указывает, что с учетом заметности прогрессивного воздействия римского господства и прослеживающейся трансформации местных институтов, к этим процессам следует применить термин «провинциализация» [19, р. 82], ведь римляне оставляли подчас автономию некоторым местным учреждениям, по-прежнему действовали местные правовые нормы, магистратуры, не прерывались торговые связи. Необходимость для Рима получить ресурсы для удовлетворения собственных нужд, скорее, указывает на экономическую колонизацию, а не романизацию. Кроме того, говорить о романизации, когда «быть римлянином» является вопросом закона, а не культуры и степени ее усвоения, весьма сложно.

Важно учитывать, что римская культура сама подвергалась внешнему воздействию [1, с. 33–34]. В условиях активизации варварских вторжений политика римских императоров была направлена на расселение германцев на свободных землях, именно они составляли часть армии, занимали высшие командные посты, что свидетельствует о процессе варваризации, который становится особенно заметным в IV в. Тем не менее, если считать латинский язык одним из инструментов романизации, его распространение активизировало процессы образования диалектов, но именно язык, наряду с римским правом, оставался долгое время основным инструментом романизации, заложив отсроченный эффект этого процесса.

Интересно, что сами инструменты романизации с течением времени видоизменились. Армия стала более полиэтнической и менее мобильной. Идеология усилилась за счет распространения императорского культа, ставшего основой лояльности и потому имевшей преюдициальное значение. Торговля уже не играла значительной роли в процессе романизации, наоборот, сложные геополитические условия порой заставляли переселяться.

Романизация оказалась в некоторых регионах лишь наслоением, внешним лоском, тем самым созданным для удобства римлян пространством [20], которое при ослаблении власти и кризисе в Римской империи было отброшено полностью или частично, оставив лишь наиболее жизнестойкие элементы. Исследователи справедливо отмечают, что романизация была своего рода ответом на вызов, способом выживания в условиях римского завоевания, попыткой адаптировать локальную культуру в условиях провинциализации [18, р. 513; 27, р. 109].

Рассматривая проблему романизации, стоит учитывать разнообразие возможных аспектов и взглядов, включая хронологические этапы истории Древнего Рима, а также возможные исследовательские направления, в частности, стратегию романизации, формы романизации в геополитических и этнокультурных аспектах, и осознанное и неосознанное сопротивление романизации.

В связи с вышесказанным, термин «романизация», учитывая его проблематичность, стоит использовать либо как лексическо-историографическое понятие, либо только в кавычках [27], т.к. при его использовании не учитывается, что «романизация» не может являться односторонним процессом. Как справедливо отметил А.Б. Ранович, это взаимопроникновение культур [14, с. 259], и именно с такой точки зрения следует его рассматривать, либо использовать для характеристики отдельных аспектов иные термины: аккультурация, ассимиляция, интеграция.

Отсроченный эффект романизации стал проявляться не ранее III в., причем как в регионах урбанизированных, таких, как Галлия, так и в сельских районах провинций, в которых, по мнению ряда исследователей, Рим оказал особое влияние на процессы формирования наций и собственных этнических языков, заложил ядро правовой культуры и государственности. После ухода римлян, например, из Дакии, регион стал развиваться своим путем [8, с. 162], то же касается и Британии, для которой романизация стала ответом на римское владычество и подготовкой для англо-саксонского вторжения [24]. Самая романизованная из провинций Галлия к V в. только *de jure* продолжала оставаться в составе Западной Римской империи, *de facto* римская власть утратила над ней всякое господство. Поэтому ответ на вопрос, а существовала ли романизация в понимании полного замещения и трансформации местных институтов и форм во всех сферах жизни, будет отрицательным. Как отметил С.В. Шкунаев, римская культура в западных провинциях не могла иметь прочного основания [9, т. II, с. 275], т.к. огромные массы покоренного населения жили в совершенно ином духовном климате и «римскость» оказалась им чужда.

Библиографический список / References

1. Бьюри Дж.Б. Варвары и Рим: крушение империи / Пер. с англ. Л.И. Игоревского. М., 2000. [Bury J.B. *Varvary i Rim: krusheniye imperii* [The invasion of Europe by the Barbarians]. Moscow, 2000.]
2. Евтушенко А.А. Роль армии в романизации провинции Дакия (II–III вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. [Yevtushenko A.A. *Rol armii v romanizatsii provintsii Dakiya (II–III vv.)* [The role of the army in the Romanization of the province of Dacia (II–III centuries)]. PhD theses. Moscow, 1996.]
3. Колесникова П.В. История романизации Испании II в. до н.э. – IV в. н.э.: административно-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. [Kolesnikova P.V. *Istoriya romanizatsii Ispanii II v. do n.e. – IV v. n.e.: administrativno-pravovoy aspekt* [The history of the Romanization of Spain in the II century BC – IV century AD: Administrative and legal aspect]. PhD theses. Voronezh, 2007.]
4. Колосовская Ю.В. Завоевание Паннонии Римом // Вестник древней истории. 1961. № 1. С. 60–83. [Kolosovskaya Yu.V. *Conquest of Pannonia by Rome. Vestnik drevney istorii*. 1961. No. 1. Pp. 60–83. (In Rus)]
5. Колосовская Ю.К. О романизации Дакии // Вестник древней истории. 1957. № 1. С. 81–101. [Kolosovskaya Yu.K. *On the Romanization of Dacia. Vestnik drevney istorii*. 1957. No. 1. Pp. 81–101. (In Rus)]
6. Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. [Kolosovskaya Yu.K. *Pannoniya v I–III vv.* [Pannonia in the I–III centuries]. Moscow, 1973.]
7. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М., 2000. [Kolosovskaya Yu.K. *Rim i mir plemen na Dunaye I–IV vv. n.e.* [Rome and the world of tribes on the Danube I–IV centuries AD]. Moscow, 2000.]

8. Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации / Под ред. В.Н. Дьякова. М., 1955. [Kruglikova I.T. Dakiya v epokhu rimskoy okkupatsii [Dacia in the era of Roman occupation]. V.N. Dyakov (ed.). Moscow, 1955.]
9. Культура Древнего Рима: В 2 ч. / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. [Kultura Drevnego Rima [Culture of Ancient Rome]. In 2 parts. E.S. Golubtsova (ed.). Moscow, 1985.]
10. Кудрявцев О.В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. [Kudryavtsev O.V. Issledovaniya po istorii balkano-dunayskikh oblastey v period Rimskoy imperii i statii po obshchim problemam drevney istorii [Studies on the history of the Balkan-Danubian regions during the period of the Roman Empire and articles on general problems of ancient history]. Moscow, 1957.]
11. Лотман Ю.И. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. [Lotman Yu.I. Stati po tipologii kultury [Articles on the typology of culture]. Tartu, 1970.]
12. Мартемьянов А.П. Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры. Харьков, 2012. [Martemyanov A.P. Obshchinnyye otnosheniya v selakh Nizhney Mezii i Frakii v pervykh vekakh nashey ery [Community relations in the villages of Lower Moesia and Thrace in the first centuries of our era]. Kharkov, 2012.]
13. Машкин Н.А. Из истории африканских городов II–III вв. // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 70–83. [Mashkin N.A. From the history of African cities II–III centuries. *Vestnik drevney istorii*. 1951. No. 2. Pp. 70–83. (In Rus)]
14. Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. [Ranovich A.B. Vostochnyye provintsii Rimskoy imperii v I–III vv. [Eastern provinces of the Roman Empire in the I–III centuries]. Moscow, 1949.]
15. Серебrenникова Е.Ф. Романия и романский мир: аксиологические аспекты семиотрии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 11–13. [Serebrennikova Ye.F. Romania and the Romance world: Axiological aspects of semiometry. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2010. No. 2. Pp. 11–13. (In Rus)]
16. Циркин Ю.Б. Романизация как путь перехода к классовому обществу в римских провинциях (на примере Испании) // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР: Тезисы докладов. М., 1987. С. 152–154. [Tsirkin Yu.B. Romanization as a way of transition to a class society in the Roman Provinces (on the example of Spain). *Desyataya avtorsko-chitatelskaya konferentsiya «Vestnika drevney istorii» AN SSSR*. Moscow, 1987. Pp. 152–154. (In Rus)]
17. Широкова Н.С. К вопросу о романизации Британии: римский Марс и его британские эквиваленты // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. № 14. С. 313–336. [Shirokova N.S. On the issue of the Romanization of Britain: Roman Mars and its British equivalents. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnoyo mira*. 2014. No. 14. Pp. 313–336. (In Rus)]
18. Bassir A. Revell L. Roman Imperialism and Local Identities. Cambridge, University Press, 2009. *L'antiquité Classique*. 2012. Vol. 81. Pp. 511–513.
19. Cecconi G.-A. Romanizzazione, diversità culturale, politicamente corretto. *Mélanges de l'école française de Rome*. 2006. T. 118/1. P. 81–94.

20. Feugère M. et al. Signes de la romanisation. *Revue archéologique de Narbonnaise*. 1998. T. 31. P. 299–353.
21. France J. État romain et romanisation : à propos de la municipalisation des Gaules et des Germanies. *L'antiquité classique*. 2001. T. 70. P. 205–221.
22. Freeman P.W.M. “Romanisation” and Roman material culture. *Journal of Roman Archaeology*. 1993. No. 6. Pp. 438–445.
23. Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: Economy, society and culture. Londra, 1987.
24. Haverfield Fr., Cumont F. The Roman occupation of Britain. 3th ed. Oxford, 1915. *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 1924. N° 3-2. P. 360–362.
25. Heller A. La cité grecque d'époque impériale : vers une société d'ordres? *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2009. T. 64/2. P. 341–373.
26. Hubert H. The greatness and decline of the Celts. L., 1987.
27. Keay S.J., Terrenato N. Italy and the West: Comparative issues in Romanization. L., 2001.
28. Le Roux P. L'armée romaine et l'organisation des provinces ibériques d'Auguste à l'invasion de 409. Paris, 1982.
29. Mattingly D. Being Roman: Expressing identity in a provincial setting. *Journal of Roman Archaeology*. 2004. No. 17. Pp. 5–25.
30. Muñoz Gr.E. et al. Greek religion as a Feature of Greek Identity. *Ruling the Greek World. Approaches to the Roman Empire in the East*. Paw B. Bd. 52. Stuttgart, 2015. Pp. 27–42.
31. Thébert Y. Romanisation et déromanisation en Afrique : histoire décolonisée ou histoire inversée ? *Annales*. 1978. T. 33. N° 1. P. 64–82.
32. Wood M., Queiroga F.M.V.R. Current Research on the Romanization of the Western Provinces. Oxford, 1992.
33. Woolf G.D. Becoming Roman, Staying Greek: Culture, Identity and the civilizing process in the Roman East. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 2 Ser. Vol. 40. 1994. Pp. 116–143.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023, принята к публикации 24.04.2023
The article was received on 14.02.2023, accepted for publication 24.04.2023

Сведения об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: yuv.kulikova@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-99-112

УДК 327.8+339.5+94

М. Нахаии

Российский государственный гуманитарный университет,
125047 г. Москва, Российская Федерация

Русско-иранская таможенная декларация 1901 г. как фактор «мирного завоевания Персии»

Статья посвящена изучению таможенной декларации 1901 г. как одного из главных инструментов внешней политики Российской империи в реализации политики мирного завоевания Персии. В первой половине XIX в., после победы в русско-иранских войнах, Россия впервые нарушила таможенную независимость Персии. Заключив Гюлистанский (1813), а затем Туркманчайский (1828) мирные договоры, Россия вынудила Персию принять предложенные ей таможенные условия, в т.ч. 5-процентную пошлину на ввоз российских товаров. В начале XX в., с усилением англо-русского противостояния за влияние на Ближнем Востоке, возросла необходимость укрепления позиций России в Персии. После провозглашения политики «мирного завоевания Персии» С.Ю. Витте в конце XIX в. экономическое господство в данном регионе мира приобрело большое значение для России. В этих условиях подписание таможенной декларации с Персией должно было привести к усилению политической зависимости от России и, в результате, ослабить позиции Англии в этой стране. Таким образом, наряду с другими концессиями, полученными Россией, таможенная декларация, подписанная в 1901 г., должна была обеспечить политику «мирного

© Нахаии М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

завоевания Персии». Россия разработала новую таможенную декларацию таким образом, чтобы вытеснить соперников и проложить путь к экономическому и политическому господству в Иране.

Ключевые слова: российско-персидские отношения в начале XX в., Персия в начале XX в., С.Ю. Витте, Гюлистанский договор, Туркманчайский договор, «мирное завоевание Персии», российско-персидская таможенная декларация 1901 г.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Нахаи М. Русско-иранская таможенная декларация 1901 г. как фактор «мирного завоевания Персии» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 99–112. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-99-112

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-99-112

M. Nakhaei

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125047, Russian Federation

Russian-Iranian customs declaration of 1901 as a factor in the “peaceful conquest of Persia”

The article is devoted to the study of the customs declaration of 1901 as one of the main instruments of foreign policy of the Russian Empire in the implementation of the policy of peaceful conquest of Persia. In the first half of the XIX century, after the victory in the Russian-Iranian wars, Russia for the first time violated the customs independence of Persia. Having concluded the Gulistan (1813) and then the Turkmenchay (1828) peace treaties, Russia forced Persia to accept the customs conditions proposed to it, including 5% duty on the import of Russian goods. At the beginning of the XX century, with the intensification of the Anglo-Russian confrontation for influence in the Middle East, the need to strengthen Russia's position in Persia increased. After proclaiming Sergey Witte's policy of “peaceful conquest of Persia” at the end of the XIX century, economic dominance in this region of the world acquired great importance for Russia. Under these conditions, the signing

of a customs declaration with Persia should have led to increased political dependence on Russia and, as a result, weakened England's position in this country. Thus, along with other concessions received by Russia, the customs declaration signed in 1901 was supposed to provide for a policy of "peaceful conquest of Persia." Russia had designed the new customs declaration to oust rivals and pave the way for economic and political dominance in Iran.

Key words: Russian-Persian relations at the beginning of XX century, Persia at the beginning of XX century, Sergey Witte, Treaty of Gulistan, Treaty of Turkmenchay, "peaceful conquest" of Persia, Russian-Persian customs declaration of 1901

FOR CITATION: Nakhaei M. Russian-Iranian customs declaration of 1901 as a factor in the "peaceful conquest of Persia". *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 99–112. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-99-112

Географическая близость России и Персии, ослабление Персии после поражения в русско-иранских войнах, а также необходимость для России противостоять английскому влиянию в Персии привели к тому, что с XIX в. Россия постепенно стала самой влиятельной иностранной державой в Персии. Промышленный рост России и ее потребность в сырье и внешних рынках стали еще одним фактором увеличения присутствия в Персии. Об этом В.И. Ленин пишет: «в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии...»¹. С этого времени Россия активно участвовала в экономических, политических и военных делах Персии.

После окончания русско-иранских войн начинается новый этап в отношениях двух стран. Н. Карпов отмечает, что Туркманчайский договор (1828) являлся базой для русско-персидских отношений вплоть до Октябрьской революции 1917 г. [8, с. 161]. Договор был полностью в пользу России, в частности, ее экономических интересов. Туркманчайский договор и предоставление России права капитуляции, а также установление очень низкого тарифа (таможенные пошлины на ввозимые и вывозимые российские товары были установлены в размере 5%) дали исключительную возможность российским товарам выйти на иранский рынок [18, p. 226].

¹ Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. М., 1969. С. 277.

В последующие годы многократные концессии усилили позиции России в Персии еще больше. В 1879 г. Россия добилась концессии на постройку телеграфной линии на севере Ирана между городами Астарабад и Кишляр [9, с. 127]. В 1876 г. С.М. Лианозов получил у персидского правительства концессию на право ловли рыбы в Каспийском море [24, р. 293]. Еще одним важным преимуществом России стало открытие в 1891 г. «Учетно-ссудного банка Персии». Б.В. Ананьич сообщает, что в 1890 г. братья Л.С. и Я.С. Поляковы приобрели концессию сроком на 75 лет на устройство в Иране банка с правами заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров, организовывать аукционы [1, с. 15]. Кроме вышеуказанных концессий, проникновению и закреплению русского влияния в военно-политической сфере Ирана и при шахском дворе в значительной мере способствовал командный состав персидской Казачьей Бригады, которая была основана по образу русского казачьего войска во главе с русскими офицерами [3, с. 13].

В 1890-х гг. произошли новые изменения во внешней политике России в отношении Востока, в т.ч. и Персии. В это время, с одной стороны, наблюдается более серьезное внимание России к восточным странам, некий поворот на Восток [13, с. 71], с другой стороны, прежнюю политику в отношении Персии, которая была ориентирована на политическое и военное господство, сменила политика усиления экономического влияния. Хотя российская буржуазия получала многочисленные концессии от иранского правительства еще до 1890-х гг., но ее действия были разрозненными, и у российского правительства не было определенного экономического плана по захвату персидского рынка. Как отметил О.А. Никонов, «только к последней четверти XIX в. российские власти осознали необходимость выработки четкой экономической программы, которая бы сочетала предпринимательскую инициативу и трезвый государственный расчет» [12, с. 36].

О необходимости изменения политики России в отношении восточных стран К.В. Иванов, консул России в Бесре, пишет: «Необходимо, чтобы дело изучения рассматриваемых стран Ближнего Востока было ведено систематически и поставлено на такую высоту, чтобы оно могло дать нам не только знание всех условий жизни Ближнего Востока, но и умение пользоваться таковыми... Россия в своей деятельности на Востоке до сих пор как бы пренебрегала теми средствами, которые доставляют сами условия жизни на Востоке, и основывала свои действия лишь на военной силе и том престиже, который создавали ей ее завоевания... Такой способ действий выгоден лишь настолько, насколько показывает населению Востока, что Россия достаточно сильна, чтобы

не нуждаться ни в чем содействии, но он возможен до тех пор, пока наш престиж стоит высоко, и стоит последнему пасть, как с ним рухнут и все наши предприятия, так как той поддержки, которую они могли бы иметь в местных условиях, у них не будет» [цит. по: 10, с. 61].

В этом же контексте С.Ю. Витте провозгласил политику мирного (капиталистического) завоевания Персии. Если до 1880-х гг. капитализм в России был недостаточно силен, то к началу XX в. промышленный рост в российской экономике достигает больших успехов, что дает ей возможность реализовать политику капиталистического завоевания. По мнению Витте, достигнув высокого уровня промышленного развития, Россия могла занять прочные позиции на рынках Среднего, Ближнего и Дальнего Востока [14, с. 53]. Он писал: «Ведь владычество метрополии над колониями укрепляется ныне более всего силою не оружия, а торговли»². По мнению Витте, промышленный рост мог стать залогом политического влияния. В докладной записке Николаю II в 1900 г. Витте пишет: «Англия, Германия и Соединенные Штаты, прежде чем стать влиятельными державами в международной политике, напряженными усилиями и всесторонней системой мероприятий насаждали и развивали у себя промышленность. Напротив того, Китай, Индия, Турция, Персия, Южная Америка в такой же мере политически немощны, в какой экономически зависимы от иноземной промышленности... Россия нуждается в том, чтобы национальное политическое и культурное здание имело под собой надлежащую экономическую почву, чтобы империя Вашего Величества была великой не только политической и земледельческой, но и промышленной державой»³.

Таким образом, русское правительство постепенно направляло разнородную деятельность российской буржуазии в экономике Персии в свою пользу. В этих условиях Персия приобрела для России большое экономическое значение.

О росте значения персидского рынка для России свидетельствует направленная царю секретная записка военного министра А.Н. Куропаткина «О наших задачах в Персии» (1897 г.). В ней он писал: «Мы неизбежно обязаны помнить, что, если Персия ныне не имеет для нас важное политическое и экономическое значение, то для детей и внуков наших такое значение возрастет в огромной степени. Ныне мы культурно все еще недостаточно сильны, чтобы даже с могущественной поддержкой

² Докладная записка Витте Николаю II: «О положении нашей промышленности. Февраль 1900 г.». URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/vitte/v1900.ssi> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Там же.

правительства вполне справиться с рынками Азербайджана, Тегерана и даже Хорасана» [цит. по: 9, с. 124].

Кроме вышеуказанных концессий, еще одним фактором, который помог России укрепить позиции в Персии в конце XIX – начале XX вв., являлись займы, которые Россия предоставляла шахскому правительству. Именно получение займов от России стало предпосылкой к подписанию таможенной декларации между двумя странами в 1901 г. В 1898 г. Персия получила заем в 150 тыс. руб. под гарантию доходов от северных таможен и рыбных промыслов на Каспийском море [9, с. 143]. Через два года, в 1900 г., иранскому правительству «Учетно-ссудным банком» был предоставлен заем в размере 22,5 млн руб. сроком на 75 лет. По утверждению Фируза Казем-заде, заем 1900 г. был величайшим достижением Витте, который получил контроль над финансами Персии и, в значительной степени, над ее правительством [7, с. 316]. Условия предоставления займа Персии обеспечили условный контроль России над персидскими таможнями. По 4-й статье соглашения заем гарантировался доходами всех таможен, кроме таможен Фарса и портов Персидского залива, а по 6-й статье, если ежегодные выплаты Персии станут менее 1 156 288 руб., Россия в лице «Учетно-ссудного банка» получит право ввести эффективный контроль над деятельностью таможен [Там же, с. 264].

В конце 1890-х гг. в России узнали о желании Персии пересмотреть таможенные условия Туркманчайского договора с целью повышения пошлин на импортируемые товары в Персию. Однако по Туркманчайскому договору изменение таможенных условий зависело от политики России. А.А. Зоненштраль-Пискорский отмечает: «Русское правительство с интересом отнеслось к предложению Персии, одним из главных мотивов, руководящих при этом российским правительством, являлась возможность при этом удобном случае специфицировать импортные таможенные ставки Персии, чтобы они отразились на ввоз товаров, происходящих из других стран, но не из России» [5, с. 177–178]. Это то, чего Россия добьется в последующее годы после подписания таможенной декларации. Кроме того, обещание персидского правительства, что пошлинное применение к товарам российских купцов будет таким же, как и к иранским, стимулировало Россию пойти на переговоры по этому пути. Таможенная декларация между двумя странами была подписана в 1901 г. и в 1903 г. вступила в силу.

Новая таможенная декларация и включенные в нее условия заменили те таможенные условия, которые были изложены в Туркманчайском мирном договоре. Основные содержания таможенной декларации 1901 г. заключались в следующих пунктах:

- определился размер тарифов на российские товары, были отменены тарифы, установленные в Туркманчайском соглашении;
- увеличились тарифы на товары, экспортируемые из Персии в Россию, но, напротив, тариф на российские импортные товары в Персию был резко снижен до 1,5%;
- персидское правительство обязалась упразднить сборы, взимаемые на содержание дорог, не допускать установления других дорожных сборов и также построить таможенную инфраструктуру на границах;
- оплата ввозных пошлин в Россию производилась в российской валюте, т.е. в рублях;
- персидское правительство было обязано соблюдать все пункты декларации на всех границах государства⁴.

В секретном приложении к таможенной декларации Персия обязалась не заключать без согласия России каких-либо международных договоров, противоречащих постановлениям декларации 1901 г. [5, с. 183]. Это во многом обеспечивало политические интересы России по ослаблению позиций третьей державы в Персии, какой бы она не была.

После заключения таможенной декларации 1901 г. торговля России с Персией начала расти. Если в 1895 г. на Россию приходилось 15% персидского импорта, то в 1905 г. эта цифра оценивалась в 55% [16, р. 11]. За короткий период более половины внешней торговли Персии перешло к России. В следующие годы место России на персидском рынке настолько возросло, что, по утверждению В.П. Воицинина, «Персия и поныне является единственным международным рынком, где произведения русской промышленности занимают первое место, и... по отношению ко всей нашей внешней торговле – на вывоз в Персию приходится до 53% хлопчатобумажных тканей и до 90% сахара-рафинада»⁵.

По таможенной декларации, на основные товары российского экспорта пошлины либо были совершенно сняты, либо снижены. На три основных товара (сахар, хлопчатобумажные, нефтяные продукты) новые пошлины были установлены в размере 1,5–3,7%, в то время как по Туркманчайскому договору эти товары облагались в 5% [4, с. 36]. Россия выиграла и по списку товаров, экспортируемых Персией, т.к. добилась освобождения от вывозных пошлин именно тех товаров, в получении которых она больше всего была заинтересована: хлопок, шерсть и т.д. [5, с. 184–185]. Привилегии, предусмотренные в таможенной декларации

⁴ Декларация об изменении статьи 3 дополнительного к Туркманчайскому договору 1828 г. Акта, заключенного между Россией и Персией 27 октября 1901 г. // Сборник торговых договоров, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1912. С. 432–478.

⁵ Воицинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Пг., 1917. С. 9.

для российских товаров, привели к увеличению объема российских товаров на персидском рынке по сравнению с западными товарами [24, р. 396–400]. Неслучайно министр иностранных дел В.М. Ламздорф в 1904 г. так сформулировал задачи России в Персии: «не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя... наша задача – политически сделать Персию послушным и полезным, то есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически – сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов...»⁶.

Одним из последствий заключения русско-иранской таможенной декларации 1901 г. был приток в Персию дешевых российских товаров, с которыми вновь созданные отечественные производства не могли конкурировать. Это способствовало усилению экономической зависимости Персии от России и вытеснению конкурентов России с персидского рынка. Как уже было сказано, декларация была заключена таким образом, что таможенный тариф на промышленные товары Персии, вывозимые в Россию, увеличивался, а таможенные пошлины на ввозимые из России товары, особенно товары народного потребления, были чрезвычайно снижены. Цели российского правительства в данном случае очевидны: не допустить развития промышленности в Иране и поставить иранскую экономику в сильную зависимость от России. В этом контексте вопрос экспорта некачественного персидского хлопка-сырца в Россию, на который приходилось 22% всего импорта из Ирана в начале XX в., является весьма показательным примером⁷.

О последствиях таможенной декларации для Персии неоднократно упоминали иранские общественные и политические деятели. В своих воспоминаниях иранский дипломат Абдулла Мостофи пишет: «Декларация сделала иностранные товары широко распространенными в стране, что привело к банкротству отечественных заводов и предприятий» [22, р. 50]. Историк Ахмад Кесрави так оценивает последствия таможенной декларации для Ирана: «Это соглашение и его тарифы полностью наносят ущерб Ирану. В результате этого соглашения профессии, в которых иранцы обладают навыками, такие, как изготовление инструментов, производство текстиля, будут уничтожены, а торговле и сельскому хозяйству будет нанесен ущерб» [21, р. 43]. Назим-алислам

⁶ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. 1932. Т. 4 (53). С. 33–46.

⁷ Остапенко С.С. Персидский рынок и его значение для России. Киев, 1913. С. 76.

Кермани считает, что таможенная декларация принесла большие потери для торговли, поскольку ослабила торговлю Ирана и оставила ее полностью в руках России [20, р. 102]. Анализируя экономический кризис в Иране в начале XX в., журнал «Аянде» предлагал заключить новое таможенное соглашение с Россией или предотвратить ввоз ненужных товаров из России в Иран, которые часто обходятся дорого⁸.

Накануне иранской революции 1905 г. Россия занимала первое место во внешней торговле Персии, и ее интересы значительно превосходили интересы других стран. Размеры товарооборота между Персией и европейскими странами накануне революции характеризуются следующими данными: с Россией – 391 835 340 кран⁹, Англией – 148 417 254, Францией – 32 561 356, Германией – 7 167 284 [4, с. 13].

Чтобы уменьшить конкуренцию других держав на персидском рынке, Россия запретила транзит товаров через свою территорию в Персию [6, с. 74]. Об успехах России на персидском рынке после заключения таможенной декларации говорится в записках французского консула в Иране. Сравнивая таможенные привилегии российских товаров с товарами западных стран в 1903 г., он пишет: «При кратком рассмотрении новых тарифов можно сделать вывод, что российским товарам уделено особое внимание. Пошлины на российские товары не превышают 5% от их стоимости. 4,5% на сахар, 3,5% на нефтяные масла, 4,5% на текстиль и на кожаную обувь 5%. Между тем тариф на наши товары значительно выше: тариф на шелковые ткани составляет 8–9%, вино и коньяк почти 25%, чистошерстяные ткани – 12% и смешанные шерстяные ткани – 7%» [цит. по: 15, р. 108–109].

Иранский историк Ибрахим Тимури считает, что одной из политических целей России при заключении таможенной декларации было повышение тарифа на английские и индийские товары, чтобы они не могли конкурировать с российскими. По этой причине Россия изначально держала условия декларации в секрете, чтобы предотвратить протесты со стороны Англии [26, р. 405]. Данные о ввозе сахара из иностранных стран в Персию доказывают успехи России по сравнению со своими конкурентами. С 1901 по 1911 гг. объем поставок сахара из России в Персию увеличился с 50,3 до 94,9 млн кран, при этом на долю Англии приходилось значительно меньше. Объем экспорта сахара из Британской Индии в Персию за этот период увеличился лишь с 2,3 до 4,2 млн кран¹⁰.

⁸ The solution to the crisis – a contract with Russia. *Ayande Magazine*. Tehran, 1927. № 4. P. 344. (In Persian)

⁹ Иранская денежная единица. 1 кран в тот период был равен примерно 20 коп.

¹⁰ Асенков С.П. Сахар и его экспорт из России. СПб., 1914. С. 13.

Анализируя русское проникновение в экономику Персии в начале XX в., журнал «Аянде» пишет: «Крупные города Ирана, такие, как Мешхед, Тебриз и Тегеран, наполнены российскими товарами. В торговом отношении англичане были вынуждены уступить России повсюду на северных рынках Ирана, на центральных рынках и даже на юге, где они имели абсолютную монополию»¹¹. В 1911 г. газета «Звезда» пишет: «Дела российской буржуазии в Персии великолепны. В персидском товарообмене она занимает первое место и 60% всей внешней торговли Персидского царства в руках московских мануфактуристов, киевских сахарозаводчиков и кавказских нефтепромышленников» [цит. по: 10, с. 62].

В первые годы после заключения таможенной декларации позиции России в Персии стали настолько сильны, что она несколько раз отрицательно отвечала на предложение своего давнего соперника Англии о разделе сфер влияния в Персии. Ламздорф ответил, что переговоры с Англией по разделу сфер влияния в Персии ударят по интересам России [29, р. 47]. Он считал, что разделение сфер влияния в Персии «не принесло бы нам никакой пользы», потому что Россия прочнее укрепилась на севере Персии, чем англичане на юге страны. «Поэтому разделом Персии Россия поставила бы себе преграду к дальнейшему для нас движению за пределы северных провинций Персии» [цит. по: 1, с. 172]. В августе 1905 г. Ламздорф докладывал очередному Особому совещанию о том, что персидский шах решил отказаться от политики метаний между английским и русским влиянием и бесповоротно принять сторону России [11, с. 174]. Лишь германский фактор убедил Россию пойти на компромисс и раздел сфер влияния в Персии с Англией в 1907 г.

Спустя несколько лет, перед Первой мировой войной, Персия ввозила из России около 80% сахара, почти 100% нефтепродуктов, 95% стеклянных изделий, 90% железа, 97% резиновых изделий, 90% строительного леса, почти 60% металлических изделий и т.д.¹² В эти годы Россия ввезла 96% персидского хлопка, 86% плодов и фруктов, 99% риса. Доля персидского экспорта в Россию в 1912–1913 гг. составляла 66,2%, в Англию – 12,5%, т.е. доля России во внешнеторговом обороте Персии составляла более 55%. Более 80% русского вывоза в Персию составляли фабричные изделия. В Персию шло до 50% всего вывоза хлопчатобумажных тканей из России, 33% сахара и т.д. [6, с. 74]. Эти данные говорят об успешности России в деле сокращения доли Англии во внешней торговле Персии. Если ввоз России в Персию в 1904 г. составлял

¹¹ History of Russian policy in Iran. *Ayande Magazine*. Tehran, 1927. № 10. P. 72. (In Persian)

¹² Остапенко С.С. Персидский рынок и его значение для России. Киев, 1913. С. 15.

30 596 тыс. руб., то эта сумма в 1914 г. увеличилась в два раза и достигла 64 060 тыс. руб., при этом доля ввоза Англии в Персию в этот же период увеличилась лишь с 21 545 до 32 032 тыс. руб. По утверждению Г.И. Тер-Гукасова, увеличение русского ввоза производилось не только за счет расширения персидского рынка, но и за счет уменьшения английского ввоза¹³.

С помощью таможенной декларации и других концессий, ранее полученных от Персии, Россия укрепила свои позиции в Иране по сравнению со своими европейскими конкурентами. Морган Шустер, американский финансовый консультант в Иране, отмечает, что тарифы и таможенные пошлины, установленные между Ираном и правительствами европейских стран, невозможно было изменить без разрешения России [25, р. 347].

Односторонняя зависимость от России привела к тому, что политический суверенитет Персии отчасти перешел под контроль России. Ограничив персидский контроль над таможенными декларациями 1901 г. в некоторой степени поставила под сомнение политический суверенитет страны [23, р. 255]. Как отмечает Марвин Энтнер, торговля с Ираном не имела для России первостепенного значения. По его утверждению, с 1890 по 1913 гг. экспорт России в Иран составлял от 2,1 до 8,3% всего экспорта России, а Иран занимал лишь десятое место среди торговых партнеров России [17, р. 101]. Для сравнения, когда в 1911 г. торговля России с Германией составляла 988,3 млн руб. (первое место), с Англией 493,1 млн руб. (второе место), то с Персией эта сумма составляла всего 80 млн руб.¹⁴ Между тем, внешняя торговля Ирана стала полностью зависеть от России и более половины иранского экспорта направлялось в Россию. Сам Витте считал, что экономическое значение торговли с азиатскими странами находится в очень тесной связи с политическим влиянием России в этих странах [2, с. 15].

Недаром иранский историк Реза Сафиния пишет, что таможенная декларация 1901 г. имела негативные политические, экономические и финансовые последствия для Ирана. Данная декларация в политической сфере была хуже, чем Гюлистанский и Туркманчайский договоры, и настолько противоречила интересам Ирана, что страна находилась в положении хуже, чем под покровительством [28, р. 404]. Это подтверждает и иранский историк Мохаммад Али Катузян, который считает, что торговая экспансия России в Иране привела к тому, что накануне

¹³ Тер-Гукасов Г. Экономические интересы России в Персии. Пг., 1915. С. 16–17.

¹⁴ Шавров Н.Н. Внешняя торговля Персии и участие в ней России // Русский экспорт. СПб., 1913. С. 42.

Первой мировой войны экономика Ирана фактически стала частью экономики России [19, р. 186–187].

И.А. Генин считает, что русско-персидская таможенная декларация была большим дипломатическим успехом России. Валентин Чурвиль, корреспондент отдела внешней политики газеты Times, пишет, что таможенная декларация являлась успехом политики Российской империи и Россия смогла покорить Персию своей дипломатией [26, р. 407]. Великобритания – основная соперница России на персидском рынке – вынуждена была примириться с создавшимся положением, приняв ставк тарифа 1901 г. [4, с. 34].

Таким образом, можно сделать вывод, что с 1890-х гг. Россия значительно укрепила свои позиции в Иране, применяя политику мирного завоевания. России, во многом благодаря таможенной декларации 1901 г., удалось захватить иранский рынок, поставить экономику Ирана в зависимость от себя и, как следствие, поставить под свой контроль иранскую политику. Данная декларация оказала значительное влияние на успехи России в противостоянии своему давнему сопернику Англии в борьбе за влияние в Иране.

Библиографический список / References

1. Ананьич Б.В. Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 года. Л., 1961. [Ananich B.V. Angliya i Rossiya v Persii nakanune soglasheniya 1907 goda [England and Russia in Persia on the eve of the 1907 agreement]. Leningrad, 1961.]
2. Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975. [Ananich B.V. Rossiskoye samoderzhavie i vivot kapitalov, 1895–1914 gg.: (po materialam Uchetno-ssudnogo banka Persii) [Russian autocracy and the export of capital, 1895–1914: (According to the materials of the discount and Loan Bank of Persia)]. Leningrad, 1975.]
3. Вакс Л. Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке (1905–1914 гг.): Персия, Турция, Китай. М., 1931. [Vaks L. Ocherki istori natsionalno-burzhuznykh revolutsiy na vostokey [Essays on the history of national-bourgeois revolutions in the East (1905–1914): Persia, Turkey, China]. Moscow, 1931.]
4. Генин И.А. Таможенная политика Персии // Таможенная политика стран Востока. Л., 1933. С. 33–46. [Genin I.A. Customs policy of Persia. *Tamozhennaya politika stran Vostoka*. Leningrad, 1933. Pp. 33–46. (In Rus.)]
5. Зонненштрал-Пискорский А.А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931. [Zonenshtral-Piskorski A.A. Mezhdunarodniye torgoviy dogovory Persii [International trade treaties of Persia]. Moscow, 1931.]
6. Иванов К.Е. Внешнеэкономические связи Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономика и управление. СПб., 2015. С. 70–76.

- [Ivanov K.E. Foreign economic relations Russian Empire in the late XIX – early XX century. *Ekonomika i upravlenie*. St. Petersburg, 2015. Pp. 70–76. (In Rus.)]
7. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии: Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004. [Kazem-Zadeh F. Borba za vliyaniye v Persii [Struggle for influence in Persia: Diplomatic confrontation between Russia and England]. Moscow, 2004.]
  8. Карпов Н. Экономика современной Персии. Тифлис, 1928. [Karpov N. *Ekonomika sovremenney Persii* [Economy of modern Persia]. Tiflis, 1928.]
  9. Кулагина Л.М. Очерки новой истории Ирана XIX – начал XX вв. М., 1978. [Kulagina L.M. *Ocherki novey istorii Irana XIX – nachala XX veka* [Essays on the new history of Iran in the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 1978.]
  10. Ларинова А.Ю. Англо-русское соперничество в Персии в отечественной публицистике 1900–1940-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 2. С. 60–67. [Larinova A.U. English-Russian rivalry in Persia in Russian journalism of the 1900s–1940s. *RUDN Journal of International Relationships*. 2012. No. 2. Pp. 60–67. (In Rus.)]
  11. Лошаков А.Ю. Граф В.Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. [Loshakov A.Yu. Graf V.N. Lamsdorf – gosudarstvenniy deytel i diplomat [Count Lamsdorf – the statesman and diplomat]. PhD dis. Moscow, 2016.]
  12. Никонов О.А. Политика Российской империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М., 2015. [Nikonov O.A. *Politika Rossiskey imperi na Srednem Vostoke vo vtoroy polovine XIX veka* [Policy of the Russian Empire in the Middle East in the second half of the 19th century]. Moscow, 2015.]
  13. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. [Schimmelpenninck van der Oye D. *Navstrechu voskhadyashimu solntsu: kak imperское mifotvorchestvo privelo Rossiu k voyne s Yiponiei* [Towards the Rising Sun: How imperial myth-making led Russia to war with Japan]. Moscow, 2009.]
  14. Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004. [Shishov A.V. *Vitte. Finanseviy geniy poslednikh romanovikh* [Sergei Witte. Financial genius of the last Romanovs]. Moscow, 2004.]
  15. Afshar M. *Yiasate Orupa dar Iran* [European policy in Iran]. Tehran, 1979.
  16. Ahmadi Ikhtiyar M., Dehghan Nejad M. An analysis of the customs contract between Iran and Russia during the Qajar period. *History in the Mirror of Research*. 2009. No. 21. Pp. 7–26. (In Persian)
  17. Entner M. *Ravabete Bazarganiye Iran va Rusiye, 1828–1914* [Russian-Persian Commercial Relations, 1828–1914]. Tehran, 1990.
  18. Hushangmahdavi A. *Tarikhe Ravabete Khareji* [History of Iran's foreign relations]. Tehran, 1972.
  19. Katuzyan M. *Eghtesade Siyasi Iran* [Political economy of Iran]. Tehran, 2015.
  20. Kermani N. *Tarikhe Bidariye Iraniyan* [The history of the awakening of Iranians]. Tehran, 1979.
  21. Kesravi A. *Tarikhe Inghelabe Mashrute* [History of the constitutional revolution]. Tehran, 1984.

22. Mostofi A. Tarikhe Ijtemai va Edari Doreye Qajar [Social and administrative history of Iran during the Qajar era]. Vol. 2. Tehran, 2014.
23. Ramazani A. Moahedate Tarikhiye Iran [Historical treaties of Iran]. Tehran, 2008.
24. Sheybani M.I. Montakhab Altavarikh [Selected Chronicles]. Tehran, 1987.
25. Shuster M. Ikhtenagh dar Iran [The Strangling of Persia]. Tehran, 1965.
26. Teymuri I. Tarikhe Emtiyazat dar Iran [History of concessions in Iran]. Tehran, 1953.
27. Zoghi I. Tarikhe ravabete kharejiye Iran va ghodrathaye bozorg (1900–1925) [The history of political relations between Iran and the great powers (1900–1925)]. Teham, 1989.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023, принята к публикации 24.07.2023

The article was received on 27.04.2023, accepted for publication 24.07.2023

Сведения об авторе / About the author

Нахани Мохаммад – аспирант кафедры современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Mohammad Nakhaei – postgraduate student, Department of Modern East and Africa of the Faculty of Oriental Studies and Social and Communication Sciences of the Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: Mohammad.nakhaei1992@gmail.com

Е.О. Савченко

Смоленский государственный университет,
214000 г. Смоленск, Российская Федерация

Специфика американо-египетских отношений после событий «арабской весны»

Цель статьи – рассмотреть роль Египта в системе внешнеполитических приоритетов США на ближневосточном направлении после событий «арабской весны» и определить ее специфику на фоне наблюдаемого с 2021 г. роста глобальной геополитической напряженности, а также сохранения тенденции к изменению военно-политического присутствия Вашингтона в регионе Ближнего Востока. Общая характеристика текущего положения дел в двухсторонних отношениях, разбор в динамике различного рода статистических данных, в т.ч. и выделяемой Белым домом финансовой помощи (как государствам региона в целом, так и Египту в частности) демонстрирует роль Египта в разрезе как текущего, так и перспективного военно-политического присутствия США на Ближнем Востоке. В качестве вывода отмечается, что у США, в целом, нет объективных причин для активизации двухсторонних отношений и наращивания помощи Египту, несмотря на потенциал возникновения кризиса в этой стране из-за сохранения негативных тенденций в экономике. Также следует указать, что наблюдаемое в реальном выражении снижение помощи Египту со стороны США и фактическое сокращение уровня двухсторонних отношений вряд ли приведет к существенным негативным последствиям для внешней политики США в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика США, Ближний Восток, Египет, Джо Байден, Дональд Трамп

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Савченко Е.О. Специфика американо-египетских отношений после событий «арабской весны» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 113–131. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-113-131

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-113-131

E.O. Savchenko

Smolensk State University,
Smolensk, 214000, Russian Federation

The specifics of US-Egyptian relations after the Arab Spring

The paper is aimed at examining the role of Egypt in the system of US foreign policy priorities in the Middle East after the Arab Spring and at determining its specifics against the backdrop of the growth of global geopolitical tension observed since 2021, as well as the continuing trend towards a change in Washington's military and political presence in the Middle East. A general description of the current state of affairs in bilateral relations, an analysis of the dynamics of various kinds of statistical data, including the financial assistance allocated by the White House (both to the states of the region as a whole and to Egypt in particular) demonstrates the role of Egypt in the context of both current and prospective US military and political presence in the Middle East. In conclusion, it is noted that the US, in general, has no objective reasons to intensify bilateral relations and increase assistance to Egypt, despite the potential for a crisis in this country due to the persistence of negative trends in the economy. It should also be pointed out that the decrease in US aid to Egypt observed in real terms and the actual reduction in the level of bilateral relations is unlikely to lead to significant negative consequences for US foreign policy in the region.

Key words: the US foreign policy, Middle East, Egypt, Joe Biden, Donald Trump

FOR CITATION: Savchenko E.O. The specifics of US-Egyptian relations after the Arab Spring. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 113–131. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-113-131

На протяжении длительного времени Египет считался и продолжает считаться важным союзником США на Ближнем Востоке и значимым для интересов США в сфере национальной безопасности. При этом можно говорить о росте его потенциала в свете обострения палестино-израильского конфликта [1; 3–5]¹. Это обуславливается географическим положением: Каир контролирует Суэцкий канал, который является важной логистической артерией как с точки зрения мировой торговли, так и глобальной проекции силы США, а также фактором Кэмп-Дэвидских соглашений, которые привели к завершению войны между Израилем и Египтом. Согласно данным Службы исследований Конгресса США (CRS), на начало 2022 г. через Суэцкий канал транспортировалось 7% мировой нефти².

В.И. Бартенев добавляет, что роль Египта также объясняется его участием в борьбе против группировки «Исламское государство» (террористическая организация, запрещенная в России), в частности, за счет предоставления воздушного пространства для ВВС США [1], однако в последние годы значимость этого фактора упала, т.к. активность США против «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная в России) снизилась. Бывший эксперт Института Брукинга Тамара Уиттс в 2020 г. отмечала, что значение Каира для США также вызвано его влиянием в Северной Африке, странах Африканского Союза, выполнением логистических функций для Министерства обороны США (в т.ч. в Ираке и Афганистане)³. Однако в свете ухода США из Афганистана значение данного фактора также упало.

Некоторые американские исследователи (например, Дж. Шарп из CRS) признают, что фактическая роль Египта в системе внешнеполитических приоритетов США снизилась⁴. Такой же позиции в целом

¹ См. также Шумилин А.И. США – Египет: между прагматизмом и идеализмом. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/ssha-egipet-mezhdu-pragmatizmom-i-idealizmom> (дата обращения: 04.04.2023); Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 04.04.2023).

² Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 04.04.2023).

³ Testimony of Tamara Cofman Wittes Senior Fellow, Center for Middle East Policy The Brookings Institution before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on the Middle East, North Africa, and International Terrorism. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/Wittes_Testimony_HFAC_9.9.20.pdf (date of access: 04.04.2023).

⁴ Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 04.04.2023).

придерживаются и Бен Фишман из Вашингтонского института ближневосточной политики⁵, Миретт Мабрук из Института Ближнего Востока⁶, Стивен Кук из Совета по международным отношениям⁷, эксперты RAND Corporation⁸, а также Т. Уиттс⁹. Они объясняют это более актуальными внешнеполитическими приоритетами США – акцентом на противостоянии с КНР и РФ. Фактором, кардинально меняющим ситуацию, является нападение ХАМАС на Израиль в октябре 2023 г. Оно меняет не только региональный, но и глобальный геополитический ландшафт, а также означает долгосрочные последствия для внешней политики США в принципе.

Событием, обусловившим снижение роли Каира для США, стала «арабская весна», т.к. она вызвала политическую нестабильность в Египте (и в регионе в целом) и привела к кризису в двухсторонних отношениях [2; 5], что объясняет выбор хронологических рамок работы. Данный кризис, как показала динамика американской дипломатической активности (в частности, визитов госсекретаря США Дж. Керри), был, в целом, преодолен в первой половине 2015 г. То есть можно говорить о состоявшейся относительной нормализации двухсторонних отношений, хотя разногласия между сторонами сохраняются из-за политики президента А.Ф. ас-Сиси и его стремления к диверсификации внешнеполитического курса, влекущей активное развитие связей с РФ, КНР и Саудовской Аравией¹⁰.

В период правления президента Х. Мубарака Египет рассматривался администрациями США вне зависимости от их партийно-политической ориентации как лояльный и важный союзник в регионе, при этом в последние годы его правления акцент делался на военном сотрудничестве (он сохраняется и сейчас).

⁵ Fishman B. Reexamining U.S. Aid to the Middle East. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/media/6239?disposition=attachment> (date of access: 04.04.2023).

⁶ The Biden administration and the Middle East: Reflecting on the first 100 days. URL: <https://www.mei.edu/publications/biden-administration-and-middle-east-reflecting-first-100-days> (date of access: 04.04.2023).

⁷ Cook S. Who is Hot and Who is Not in the Middle East. URL: <https://www.cfr.org/article/who-hot-and-who-not-middle-east> (date of access: 04.04.2023).

⁸ Culbertson S., Shatz H.J., Stewart S. Renewing U.S. Security Policy in the Middle East. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA900/RRA904-1/RAND_RRA904-1.pdf (date of access: 04.04.2023).

⁹ Testimony of Tamara Cofman Wittes Senior Fellow, Center for Middle East Policy The Brookings Institution before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on the Middle East, North Africa, and International Terrorism. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/Wittes_Testimony_HFAC_9.9.20.pdf (date of access: 04.04.2023).

¹⁰ Culbertson S., Shatz H.J., Stewart S. Renewing U.S. Security Policy in the Middle East. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA900/RRA904-1/RAND_RRA904-1.pdf (date of access: 04.04.2023).

Практически вся предоставляемая Вашингтоном помощь Египту носит военный характер и проходит через Программу оказания финансовой военной помощи зарубежным государствам (Foreign Military Financing, FMF). Масштаб военного сотрудничества является существенным: объем обязательств США составляет порядка 1,3 млрд дол. в год.

Демонстрируя значимость Каира, в январе 2022 г. администрация США одобрила продажу ему вооружений на 2,5 млрд дол.¹¹ Также в Египте проводятся военные учения США (Bright Star), которые до «арабской весны» были самыми крупными в регионе, однако сейчас их масштаб сокращен, что вкупе с другими индикаторами указывает на снижение приоритета страны в системе внешней политики США.

До «арабской весны» Каир активно использовался как региональная площадка (в частности, для палестино-израильских переговоров при посредничестве США). Но в первой половине 2010-х гг. этот статус был частично утрачен, его восстановление началось во второй половине 2010-х гг., а обострение палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. указывает на потенциал его дальнейшего укрепления.

Так, 12 октября 2017 г. руководители ФАТХ и ХАМАС подписали в Каире соглашение о перемирии. Также во второй половине 2010-х гг. Египет стремился играть роль посредника в Ливии, Судане, Сирии («Каир-1», «Каир-2», «Каир-3»). Несмотря на имеющиеся между странами разногласия, администрация Дж. Байдена также прилагала усилия по укреплению указанного статуса: так, 19 марта 2023 г. представители Палестины и Израиля провели встречу в Шарм-эль-Шейхе. В рамках урегулирования наблюдаемого в октябре 2023 г. обострения палестино-израильского конфликта Каир также может быть использован в качестве переговорной площадки и посредника.

И все же, несмотря на тесные отношения, Белый дом не предпринял активных шагов по поддержке властей Египта в период «арабской весны». Более того, риторику и действия США в то время можно охарактеризовать как направленные против руководства страны (на что, в частности, указывают А.И. Шумилин [5] и А.А. Сушенцов [2]), которое Белый дом до этого называл своим союзником. Они стали одним из факторов снижения веса Египта на региональной и мировой арене.

В это время внешняя политика США в адрес Каира носила реактивный характер: А.И. Шумилин пишет, что «администрация Обамы была вынуждена корректировать свою политику в отношении Египта с тем, чтобы сохранить эту страну в качестве своего важнейшего парт-

¹¹ US approves \$2.5bn arms sale to Egypt, despite rights concerns. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/26/us-approves-2-5bn-arms-sale-egypt-despite-rights-concerns> (date of access: 04.04.2023).

нера в регионе» [5]. Однако эта корректировка все же не смогла защитить от наступившего в двухсторонних отношениях кризиса, который в целом был преодолен в первой половине 2015 г. А.И. Шумилин пишет, что в тот период администрация США оказалась перед дилеммой: либо поддержать «своего» авторитарного правителя, либо права человека и демократические ценности, и, в конечном итоге, возобладали последние [Там же]. Белый дом поддержал пришедшее к власти в результате парламентских выборов в конце 2011 г. движение «Братья-мусульмане» (запрещенная в России террористическая организация). Его представитель Мухаммед Мурси в июне 2012 г. был избран президентом.

Однако это, а также новый политический курс вызвали негативную реакцию военных и привели к государственному перевороту в июле 2013 г. К власти пришел Абдул-Фаттах Халил ас-Сиси, позднее, в мае 2014 г., избранный президентом. Смена режима была отрицательно воспринята в США. Изначально речь о замораживании помощи не шла, однако репрессии против сторонников бывшего главы государства М. Мурси вынудили Белый дом пойти на это [1].

В качестве рычагов давления использовались такие меры, как отмена военных учений Bright Star в сентябре 2013 г., остановка поставок истребителей F-16 и вертолетов AH-64 «Апач», приостановка военной помощи и т.п. В 2014 финансовом году Египту со стороны США было зарезервировано всего порядка 180 млн дол. помощи, что существенно ниже показателя предыдущего отчетного периода (1,57 млрд дол.) и исторических значений¹². Все это привело к ухудшению двухсторонних отношений.

Но в то же время США прилагали усилия по их нормализации, что, в частности, показывает высокая частота визитов госсекретаря Дж. Керри в тот период. В.И. Бартенев отмечает, что последний, вместе с министрами обороны США Ч. Хэйглом и Э. Картером, выступал за возобновление помощи Каиру: именно их позиция в итоге возобладала, однако противоречия между сторонами сохранились [Там же].

С 2015 финансового года помощь Египту была восстановлена практически до прежнего уровня, что стало следствием нормализации отношений, а с 2017 финансового года имела место тенденция к ее увеличению со стабилизацией на уровне 1,4 млрд дол., который сохраняется и по состоянию на 2023 финансовый год (табл. 1).

Такое повышение следует связать с политикой администрации Д. Трампа, стремившейся усилить присутствие США на Ближнем Востоке

¹² Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 04.04.2023).

Таблица 1

**Динамика помощи США ключевым странам-союзникам
на Ближнем Востоке (млн дол. США в текущих ценах)**

Страна	Финансовый год							
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Египет	1259,80	1412,5	1413,67	1419,30	1430,50	1430,15	1430,30	1430,00
Израиль	3116,00	3175,00	3100,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00
Иордания	1231,70	1319,83	1525,01	1524,99	1525,00	1650,00	1650,00	1450,00

Примечание. Данные по Египту включают только следующие программы: ESF, FMF, IMET, NADR. Фактический размер помощи со стороны США может быть выше. Источник: U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request. Р. 9. Источник данных за 2016 финансовый год: Foreignassistance.gov. Источник данных по Египту за 2017 финансовый год: Consolidated Appropriations Act, 2017. Источник данных за 2023 финансовый год: Consolidated Appropriations Act, 2023.

и в его ключевых странах, включая Египет. В.И. Бартечев указывает, что, несмотря на давление Конгресса США на администрацию в начале 2017 г., активно обсуждавшегося сокращения помощи Египту не произошло (в отличие от других стран). Он связывает это, прежде всего, с лоббистской активностью ряда членов Конгресса, в т.ч. К. Грейнджер, которые представляли интересы военно-промышленного комплекса [1].

Данные показывают, что в лидерах получения помощи в рассматриваемый период находился Израиль, помощь которому в 2023 финансовом году выросла по сравнению с 2016 г. почти на 6%¹³. Второе место со значительным отрывом занимает Иордания (кроме 2016 финансового года, когда второе место было у Египта), что говорит об изменении приоритетов США.

Что касается Египта, то уровень в 1,4 млрд дол. оставался неизменным в период 2017–2023 финансовых годов. Учитывая инфляцию и отсутствие индексации, это говорит о том, что, в отличие от Иордании и Израиля, объем помощи Египту в реальном выражении сократился (особенно по сравнению с 1990-ми гг., когда он был равен 3,5–4 млрд дол.), что можно рассматривать как один из признаков, указывающих на снижение роли страны в системе внешнеполитических приоритетов США.

Краткое рассмотрение дипломатического измерения двухсторонних отношений также свидетельствует об уменьшении роли Египта для США. Так, динамика двухсторонних визитов на уровне президентов (и госсекретарей) показывает достаточно слабый уровень контактов (табл. 2), особенно по сравнению с другими странами – союзниками США.

В период «арабской весны» из-за кризиса в двухсторонних отношениях между главами государств не было зафиксировано встреч как в рамках двухстороннего, так и многосторонних форматов. Однако и после окончания кризиса в первой половине 2015 г. таких визитов и встреч также не наблюдалось – до 2017 г. (т.е. при уже при Д. Трампе). Э. Трэгер из Вашингтонского института ближневосточной политики объясняет их отсутствие тем, что администрация Б. Обамы считала президента Египта автократом, нарушающим права человека¹⁴.

Прояснение ситуации внутри США по итогам президентских выборов 2016 г. и позитивные комментарии Д. Трампа в отношении Египта после инаугурации создали предпосылки для укрепления двухсторонних

¹³ Sharp J., Humud C., Collins S.U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46344> (date of access: 04.04.2023).

¹⁴ Trager E. Egypt's Awkward Reset with Washington. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egypts-awkward-reset-washington> (date of access: 04.04.2023).

отношений и положительный фон для визита А.Ф. ас-Сиси в США. Он состоялся в апреле 2017 г., спустя всего примерно 2,5 месяца после вступления Д. Трампа в должность. Египетский лидер стал одним из первых руководителей государств, встретившихся с новым президентом США.

Таблица 2

Официальные контакты между президентами США и Египта (с 2011 г.)

Президент	Характер визита/встречи	Даты
Абдель Фаттах ас-Сиси	Встреча с президентом США на полях Генеральной ассамблеи ООН	25.09.2014
Абдель Фаттах ас-Сиси	Официальный рабочий	3.04.2017
Дональд Трамп	Визит в Саудовскую Аравию (встреча на полях с президентом Египта)	20–22.05.2017
Абдель Фаттах ас-Сиси	Официальный рабочий	8–10.04.2019
Джо Байден	Саммит в Джедде (КСА)	16.07.2022
Джо Байден	Климатический саммит Cop27	11.11.2022
Абдель Фаттах ас-Сиси	Саммит лидеров США и Африки	13–15.12.2022

В Белом доме объяснили данный визит желанием перезагрузки отношений с Египтом, которые, как заявлялось, при Б. Обаме ухудшились¹⁵. Кроме того, визиту способствовали и личные отношения между лидерами двух стран. Хотя Э. Трэгер считает, что его результаты оказались более чем скромными (президент Египта вернулся без новых контрактов), именно после прихода Д. Трампа к власти произошло увеличение выделяемой Египту финансовой помощи до 1,4 млрд дол. в год¹⁶.

Второй визит А.Ф. ас-Сиси в США и его встреча с Д. Трампом состоялись в апреле 2019 г. (в отличие от первого, он более активно освещался СМИ). Упор был сделан на обсуждение военного и антитеррористического сотрудничества, при этом в СМИ объясняли данный визит

¹⁵ Sevastopulo D., Saleh H. Trump signals new approach to Egypt in Sisi meeting. URL: <https://www.ft.com/content/d0f7bdc2-188d-11e7-a53d-df09f373be87> (date of access: 04.04.2023).

¹⁶ Trager E. Egypt's Awkward Reset with Washington. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egypts-awkward-reset-washington> (date of access: 04.04.2023).

желанием администрации Д. Трампа завершить палестино-израильский конфликт¹⁷.

В «Таймс» посчитали, что Египет, скорее всего, рассматривался как посредник, с помощью которого палестинцам могла бы быть предложена некая компенсация или решены некие проблемы¹⁸. Еще одним аспектом визита является то, что он состоялся накануне референдума 22–24 апреля 2019 г., на котором, помимо прочего, предполагалось утверждение поправок, предусматривающих возможность переизбрания президента больше, чем на 2 срока, и продление его полномочий с 4 до 6 лет. То есть одной из причин поездки президента Египта в США могло стать его стремление обеспечить внешнюю легитимность данного референдума и признание его результатов.

Однако данный визит не привел к снижению разногласий между сторонами, что объясняется стремлением А.Ф. ас-Сиси к усилению своей власти и принимаемым для этого мерам, которые, в частности, выражались в преследовании оппозиции и неправительственных структур. Более того, в том же месяце власти Египта отказались войти в Ближневосточный стратегический альянс (т.н. «арабское НАТО»), который Д. Трамп хотел создать для противодействия Ирану и Сирии.

После «арабской весны» было всего два официальных визита президента Египта в США и ни одного визита президента США в Египет, а их результаты можно назвать достаточно скромными. Что касается Дж. Байдена, то он встречался с А.Ф. ас-Сиси только в рамках многосторонних мероприятий, что говорит о понижении приоритета Египта для США.

Отсутствие двухсторонних встреч между президентами Египта и США связано с рядом факторов, включая пандемию коронавируса, а позднее – и усиление геополитической напряженности, следствием которого стала специальная военная операция (СВО) Российской Федерации на Украине. Еще одним фактором стали идеологические установки демократической администрации, которые декларируют задачу соблюдения прав человека в качестве одного из внешнеполитических приоритетов (т.е. сотрудничество с авторитарным правителем признается

¹⁷ Президент Египта прибыл в США с официальным визитом. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6309987> (дата обращения: 20.04.2023); Charter D., Spencer R. Sisi set for warm welcome in US but friendship depends on results. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/sisi-set-for-warm-welcome-in-us-but-friendship-depends-on-results-kfbvc503x> (date of access: 04.04.2023).

¹⁸ Charter D., Spencer R. Sisi set for warm welcome in US but friendship depends on results. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/sisi-set-for-warm-welcome-in-us-but-friendship-depends-on-results-kfbvc503x> (date of access: 04.04.2023).

нежелательным, что пока не привело к официальному сокращению оказываемой Египту помощи).

Что касается визита Дж. Байдена в Джедду в июле 2022 г., то его задачей, прежде всего, было нормализовать отношения с Саудовской Аравией и добиться от нее уступок на рынке нефти, а также продемонстрировать, что США продолжают играть значимую роль на Ближнем Востоке. Учитывая это, имевшую место встречу Дж. Байдена и А.Ф. ас-Сиси в Джедде можно назвать второстепенной, хотя и символической (т.е. демонстрирующей уровень двухсторонних отношений). По ее итогам США подтвердили свою приверженность обязательствам в отношении Каира и обеспечения региональной безопасности, однако каких-либо конкретных шагов со стороны Вашингтона не последовало.

С этой же целью (демонстрации роли США) в конце 2022 г. в Вашингтоне был проведен саммит лидеров стран Африки, куда был приглашен ряд авторитарных лидеров, включая и президента Египта, что вызвало критику американских экспертов, хотя двухсторонней встречи не было¹⁹.

Динамика визитов госсекретарей США в Египет после «арабской весны» и по настоящее время говорит о существенном снижении дипломатической активности. Если Дж. Керри в 2013–2016 гг. совершил в Египет 10 визитов (что объясняется стремлением урегулировать кризис), то остальные – только по одному (не считая посещения Э. Блинкеном саммита Сор27). При этом результаты их визитов после 2016 г. вряд ли можно назвать значимыми (а эксперт Б. Фишман и вовсе выступил с критикой визита М. Помпео²⁰).

Представляя краткую характеристику курса администрации Джо Байдена в отношении Египта, видно, что она в целом следовала линии предшественников, не делая резких шагов, хотя риторика в адрес властей Египта по ряду аспектов ужесточилась. После декларации о важности двухсторонних отношений шла более активная критика политики президента А.Ф. ас-Сиси, включая и его преследования оппозиции, а также

¹⁹ Gramer R., Nodjimbadem K. Biden's Africa Summit Has Democracy on the Agenda, But Not the Invite List. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/17/u-s-africa-leaders-summit-biden-undercuts-human-rights-democracy-agenda-egypt-zimbabwe-south-sudan> (date of access: 04.04.2023); Rubin M. The Strategic Confusion of Biden's African Leaders Summit. URL: <https://www.aei.org/op-eds/the-strategic-confusion-of-bidens-african-leaders-summit> (date of access: 04.04.2023).

²⁰ Fishman B., Stroul D. Pompeo's Cairo Speech More 'Back to the Future' Than Break With Past. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/pompeos-cairo-speech-more-back-future-break-past> (date of access: 04.04.2023); Pompeo meets Egypt's Sisi amid concern over US Middle East policy. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2019/01/10/Pompeo-meets-Egypt-s-Sisi-amid-concern-over-US-Middle-East-policy> (date of access: 04.04.2023).

несоблюдение прав человека (хотя официального снижения объемов помощи не произошло, однако ее выделение стало более обусловленным).

Это подтвердил визит госсекретаря США Э. Блинкена в Египет в конце января 2023 г. (по сути, его первый визит в эту страну за 2 года, не считая саммита Cop27), который был вызван ростом напряженности в регионе, в т.ч. и ухудшением экономической ситуации в Египте, усилением палестино-израильских противоречий и т.д. Э. Блинкен отметил, что Белый дом продолжит оказывать давление на Каир по вопросу соблюдения прав человека, не дав какой-либо конкретики касательно предоставления экономической помощи и инвестиций.

Б. Фишман обратил внимание на экономическое измерение данного визита, отметив, что трудности в национальной экономике должны были побудить президента А.Ф. ас-Сиси изменить свою позицию в отношении соблюдения прав человека и внешнеполитического курса, а Вашингтон – увеличить предоставление Каиру экономической помощи (например, в обмен на сокращение связей с КНР, РФ и на соблюдение прав человека)²¹.

Однако по состоянию на вторую половину 2023 г., несмотря на ухудшение ситуации в египетской экономике, такого изменения позиции Каира не произошло (а рекомендации американских экспертов касательно увеличения помощи остались невостребованными²²). На настоящий момент не фиксируется соответствующих предпосылок (как не наблюдается и стремления США увеличить Египту помощь и инвестиции, несмотря на объективную необходимость). Таким образом, вероятность существенного повышения Белым домом помощи Каиру как в краткой, так и долгосрочной перспективе следует оценить как низкую.

При Дж. Байдене выделение помощи Каиру со стороны США стало обставляться рядом условий на систематической основе. Хотя соответствующая поправка была принята еще в 2012 г., Конгресс активировал ее только в 2021 г., а до этого манипулирование выделением помощи было прерогативой администрации: у госсекретаря США было право разблокировать соответствующие средства по соображениям национальной безопасности, которое реализовывалось в отношении Египта неоднократно [1]. То есть речь идет, по сути, о двойном снижении

²¹ Fishman B. Reexamining U.S. Aid to the Middle East. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/media/6239?disposition=attachment> (date of access: 04.04.2023).

²² Fishman B. Egypt's Economic Freefall Provides an Opening for U.S. Assistance – and Leverage. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egypts-economic-freefall-provides-opening-us-assistance-and-leverage> (date of access: 04.04.2023); Testimony of Tamara Cofman Wittes Senior Fellow, Center for Middle East Policy The Brookings Institution before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on the Middle East, North Africa, and International Terrorism. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/Wittes_Testimony_HFAC_9.9.20.pdf (date of access: 04.04.2023).

помощи Египту – в силу выдвигаемых условий (в частности, в вопросе соблюдения прав человека) и в силу отсутствия индексации (следует указать, что выполнение Каиром таких условий представляется маловероятным, поскольку, по мнению последнего, эта несет в себе больше издержек, чем выгод).

При администрации Дж. Байдена уровень двухсторонних дипломатических контактов снизился еще больше, прежде всего, по линии Госдепартамента. Так, с начала 2021 г. по середину 2023 г. состоялось всего лишь два визита госсекретаря США в Египет (один – в многостороннем формате), а сам Каир был фактически исключен из ближневосточных турне. В связи с обострением палестино-израильского конфликта ситуация не изменилась: в рамках ближневосточного турне в начале ноября 2023 г. Э. Блинкен посетил, в частности, Амман, Багдад, но не Каир.

Между тем, попытки Египта демонстрировать многовекторную внешнюю политику носят системный и долгосрочный характер, и, учитывая текущую динамику событий в регионе и низкую эффективность усилий США по купированию наблюдаемой в конфликте между Израилем и ХАМАС эскалации, следует ожидать активизации усилий Каира по диверсификации внешней политики, что вызывает опасения экспертного сообщества США. Так, проамериканские эксперты по Египту М. Махер и М. Фарид ранее выражали озабоченность в отношении роста влияния КНР в Египте, отметив, что это представляет серьезную угрозу для национальной безопасности последнего и для его отношений с США²³. Но, несмотря на это, со стороны американской администрации не фиксируется каких-либо шагов и мер на данном направлении.

Переходя к рассмотрению положения Египта в 2022–2023 гг., следует отметить, что после начала СВО ситуация внутри страны обострилась (прежде всего, с точки зрения продовольственной и энергетической безопасности). Это привело к тому, что ведущие страны региона, включая Саудовскую Аравию (но не США), пообещали выделить значительную помощь (частично небезвозмездную)²⁴. Так, в конце марта 2022 г. Королевство Саудовская Аравия разместило на депозите в Центральном банке Египта 5 млрд дол. для поддержки экономики последнего²⁵.

²³ Maher M., Farid M. The Growth of Chinese Influence in Egypt: Signs and Consequences. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/growth-chinese-influence-egypt-signs-and-consequences> (date of access: 04.04.2023).

²⁴ Saleh H. Saudi Arabia sends \$5bn to help Egypt's economy. *Financial Times*. 30.03.2022; Al-Atrush S. Saudi wealth fund targets \$24bn investment in Arab states. *Financial Times*. 26.10.2022.

²⁵ Kyngje J., Wheatley J. China emerges as IMF competitor with emergency loans to at-risk nations. *Financial Times*. 11.09.2022; England C. Egypt and the IMF: will Sisi take the economy out of the military's hands? *Financial Times*. 31.10.2022.

Позднее власти Египта пошли на переговоры с Международным валютным фондом, что указывает на то, что принятых в первой половине 2022 г. мер оказалось недостаточно. США вновь не продемонстрировали заинтересованности в оказании помощи Египту (в отличие от, например, Иордании, с которой в сентябре 2022 г. был заключен 10-летний меморандум, предусматривающий значительное увеличение объемов обязательств в сфере помощи).

В конце октября 2022 г. МВФ заявил, что достиг соглашения с властями Египта по выделению антикризисного пакета в 3 млрд дол. в обмен на ряд условий, включая плавающий курс национальной валюты: на этой новости 27 октября 2022 г. египетский фунт рухнул к доллару США еще на 14,5% (первая в 2022 г. девальвация произошла в марте, составив 15%)²⁶. В 2023 г. падение его курса продолжилось.

Тем не менее, после данного заявления МВФ (и по состоянию на вторую половину 2023 г.) не было зафиксировано сколько-нибудь существенного улучшения экономической ситуации в Египте, а негативные тенденции сохранялись, что усиливает риски для американо-египетских отношений.

Текущая политическая и экономическая ситуация в Египте продолжает оставаться напряженной с тенденцией к ухудшению как в краткой, так и в более долгосрочной перспективе. Это объясняется как неэффективностью действующей экономической модели (что, помимо прочего, выражается в росте долгового бремени), так и резким увеличением мировых (и внутренних) цен на сырье и продовольствие. Согласно приводимым в конце октября 2022 г. *Financial Times* оценкам, размер задолженности Египта международным институтам составлял 52 млрд дол.²⁷ Еще одним фактором выступает обострение палестино-израильского конфликта.

Как пишет Дж. Шарп, исторически администрации США обосновывали увеличение помощи Египту необходимостью инвестирования в региональную стабильность²⁸. Однако события «арабской весны» и 2022–2023 гг. показали, что тогда, когда Египет больше всего нуждался в помощи, она со стороны США оказана не была (более того, фактически размер помощи был снижен), что ставит под вопрос указанное выше обоснование.

²⁶ England C. Egypt and the IMF: Will Sisi take the economy out of the military's hands? *Financial Times*. 31.10.2022.

²⁷ Ibid.

²⁸ Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 04.04.2023).

Переходя к рассмотрению помощи США Египту, следует повторить, что она носит преимущественно военный характер. Весь объем военной помощи США Египту, который является основным союзником Вашингтона вне НАТО с 1989 г., направляется на финансирование закупок систем вооружений и услуг у компаний военно-промышленного комплекса США по программе FMF. Важность Египта обуславливается тем, что он является одним из крупнейших импортеров вооружений в мире, занимая в 2017–2021 гг. третье место.

Египет также является вторым крупнейшим в мире получателем средств по программе FMF (порядка 1,3 млрд дол. в год), уступая только Израилю. Каир также участвует в Программе обучения и подготовки военнослужащих зарубежных стран (IMET), в организуемых США военных учениях (Bright Star) и инициативах (Combined Maritime Forces при Объединенном центральном командовании Вооруженных сил США). Что касается участия Египта в международных коалициях, организуемых США против терроризма, то в сентябре 2014 г. власти страны согласились присоединиться к коалиции против «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная в России), но роль Каира в ней носила в большей степени символический характер [1].

В Египте не размещены военные базы США (что также можно рассматривать как еще один косвенный индикатор состояния двухсторонних отношений). Однако с 1982 г. подразделения Вооруженных сил США принимают участие в миротворческих операциях на Синайском полуострове в рамках МФО-миссий (т.е. миссий с привлечением многонациональных сил и наблюдателей)²⁹.

Оценивая участие Египта в программе FMF, следует обратить внимание на ухудшение условий ее предоставления. Так, в бюджете США на 2023 финансовый год выделение части средств по программе FMF (в размере 225 млн дол.) обуславливается выполнением властями страны ряда шагов, включая «укрепление верховенства права, демократических институтов и прав человека»³⁰. При этом с 2021 финансового года такие условия (на определенную сумму; в 2023 финансовом году, согласно разделу бюджета США на 2023 финансовый год № 7041 (а) (3) (С) – на 95 млн дол.) не требуют от Конгресса санкции исполнительной власти США (госсекретаря) со ссылкой на соображения национальной безопасности (которая требовалась с 2012 финансового года)³¹.

²⁹ Sharp J. Egypt: Background and U.S. Relations. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33003.pdf> (date of access: 04.04.2023).

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

Что касается продаж вооружений и военной техники, то Соединенные Штаты активно стремятся продавать военную технику Египту. В рамках FMF США продавали ему истребители F-16, танки M1A1 «Абрамс», вертолеты AH-64 «Апач» и др. А в марте 2022 г. Сенат США поддержал продажу Каиру военно-транспортных самолетов C-130 на 2,2 млрд дол.

В отличие от Иордании, между США и Египтом не создана объединенная военная комиссия, но последний является участником Средиземноморского диалога НАТО (NATO Mediterranean Dialogue), а также Стратегического диалога с США, который был возобновлен в 2021 г. после многолетнего перерыва (впрочем, практические последствия данного шага следует назвать в большей степени символическими).

Экономический аспект двухсторонних отношений имеет второстепенное значение: общий объем двусторонней торговли в 2021 г. (порядка 9,3 млрд дол.) остался примерно на уровне 2010 г. (до 2016 г., в целом, наблюдалась отрицательная динамика, а с 2016 г. – восстановление). Таким образом, динамика двухсторонней торговли за период 2010–2021 гг. отражала динамику политических отношений между странами (с небольшим лагом). Следует добавить, что в период 2017–2022 гг. Китай обогнал США и стал вторым крупнейшим торговым партнером Египта³².

США также являются третьим крупнейшим иностранным инвестором в экономику Египта, уступая Великобритании и Бельгии, а значительная часть прямых иностранных инвестиций США сосредоточена в нефтегазовом секторе [5]. При этом инвестиции США в Египет сокращаются: в период 2017–2022 гг. снижение составило 31%³³. Согласно данным Министерства торговли США, по состоянию на конец 2020 г. Египет был только пятым получателем прямых инвестиций США в регионе после Израиля, ОАЭ, Катара и Саудовской Аравии³⁴.

Что касается экономической помощи Египту, то она также носит второстепенный характер: США оказывают ее в рамках Фонда экономической поддержки (Economic Support Fund). Объем резервируемых в рамках бюджета США средств составляет не менее 125 млн дол. на полный финансовый год (из них примерно 40 млн дол. должно быть направлено на программы в сфере высшего образования).

³² Maher M., Farid M. The Growth of Chinese Influence in Egypt: Signs and Consequences. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/growth-chinese-influence-egypt-signs-and-consequences> (date of access: 04.04.2023).

³³ Kynge J., Wheatley J. China emerges as IMF competitor with emergency loans to at-risk nations. *Financial Times*. 11.09.2022.

³⁴ Egypt – U.S. Business Relations. URL: <https://www.amcham.org.eg/information-resources/trade-resources/egypt-us-relations/us-investment-in-egypt> (date of access: 04.04.2023).

Итак, до событий «арабской весны» значение Египта для внешней политики США на Ближнем Востоке было достаточно высоким, а упор был сделан на сотрудничество в сфере безопасности. Однако имевшая место нестабильность и политические кризисы привели к его снижению. Только к марту 2015 г. США удалось более-менее нормализовать отношения с новыми властями страны (что способствовало частичному восстановлению позиций Египта в рамках ближневосточной политики США).

Как показывает динамика финансирования программ помощи США Египту, его объемы были восстановлены до докризисных значений только в 2018 финансовом году, и с тех пор показатель остается на одном уровне (т.е. имеет место его сокращение в реальном выражении, что косвенным образом указывает на снижение приоритета Египта в системе внешней политики США).

При Дж. Байдене двустороннее сотрудничество в военной сфере и в сфере безопасности в рамках программы FMF стало еще более обусловленным, а с 2017 г. уровень экономического и инвестиционного сотрудничества, который и до этого времени не был приоритетом, снизился: США утратили позиции, допустив в Египте усиление влияния Китая в данных сферах. Исходя из статистических данных, Белый дом не готов вкладывать средства в Египет и не стремится наращивать активность в экономическо-инвестиционной сфере, где Каир переориентировался на КНР.

Что касается политического измерения, то динамика официальных двухсторонних дипломатических контактов также показывает, что тот уровень между странами, который существовал до 2010 г., достигнут так и не был. Вероятность его дальнейшего восстановления следует оценить как низкую, что стало следствием снижения значимости Ближнего Востока для внешней политики США в силу усиления китайского направления.

Дополнительным фактором, играющим против США, является обострение палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. Последствия этого являются как кратко-, так и долгосрочными и ведут к дальнейшему ослаблению позиций Белого дома в регионе, что означает необходимость адаптации американской стратегии. Так, к краткосрочным последствиям следует отнести отказ Египта согласиться на предложения Израиля по сектору Газа, поскольку Каир понимает негативные для него последствия принятия таких предложений, что перевешивает предлагаемые финансовые стимулы (которые могли бы улучшить положение в экономике).

Наблюдаемая тенденция к снижению роли Египта для США как в сфере безопасности, так и в экономическо-инвестиционной сфере сохранится. В силу авторитарного характера египетского политического режима потенциал разногласий между сторонами останется на высоком уровне, однако ни одна из них не настроена на ухудшение отношений, стремясь сохранить сотрудничество на представляющих интерес направлениях.

Однако внешние обстоятельства (война Израиля против ХАМАС) обуславливают потенциал такого ухудшения, что в более долгосрочной перспективе будет способствовать дальнейшему выходу Египта из орбиты США и может повлечь за собой выход из различных американских программ, включая FMF, заменой которых могут выступить аналогичные инициативы внешнеполитических оппонентов США (прежде всего, КНР). Такие обстоятельства могут стать для Египта катализатором более активной диверсификации внешнеполитического курса.

Вряд ли у Египта есть потенциал повторного вхождения в число региональных приоритетов США, несмотря на сохранение последними значительных обязательств в сфере помощи (которые в долгосрочной перспективе могут быть пересмотрены). Египет хотя и остается союзником США в регионе, но союзнические отношения приобретают все более формальный и обусловленный характер и имеют второстепенное значение, не предполагая активного развития, при этом обострение палестино-израильского конфликта в конце 2023 г. играет против позиций США как в Египте, так и в регионе.

Библиографический список / References

1. Бартенев В.И. Американская помощь Египту после начала «арабской весны»: внутренние и внешние детерминанты // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 8. С. 54–74. [Bartenev V.I. The US assistance to Egypt after the start of the “Arab Spring”: Internal and external determinants. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kultura*. 2019. No. 8. Pp. 54–74. (In Rus.)]
2. Сушенцов А.А. США и волнения на арабском Востоке // Международные процессы. 2011. № 1. С. 106–110. [Sushentsov A.A. USA and unrest in the Arab East. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 2011. No. 1. Pp. 106–110. (In Rus.)]
3. Шумилин А.И. «Арабская весна» и стратегия США на Ближнем Востоке // Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009–2012 гг.). М., 2012. С. 185–202. [Shumilin A.I. “Arab Spring” and US strategy in the Middle East. *Vneshnyaya politika administratsii B. Obamy (2009–2012 gg.)*. Moscow, 2012. Pp. 185–202. (In Rus.)]

4. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны». М., 2015. [Shumilin A.I. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste «arabskoy vesny» [US policy in the Middle East in the context of the Arab Spring]. Moscow, 2015.]
5. Шумилин А.И. США – Египет: В поисках новой модели партнерства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 1. С. 37–54. [Shumilin A.I. USA – Egypt: In search of a new model of partnership. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*. 2013. No. 1. Pp. 37–54. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 10.06.2023, принята к публикации 22.08.2023

The article was received on 10.06.2023, accepted for publication 22.08.2023

Сведения об авторе / About the author

Савченко Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета истории и права, Смоленский государственный университет

Evgeny O. Savchenko – PhD in Political Sciences; Associate Professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of History and Law, Smolensk State University

E-mail: savchenko_eugene@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

УДК 329

Ф.М. Фомичев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Суть и границы немецких «новых правых»: к истории и историографии одного понятия

В данной статье впервые в отечественной гуманитарной науке затрагивается вопрос определения содержания и границ политического движения «новых правых» в ФРГ в целом и главного современного интеллектуального центра Institut für Staatspolitik в частности. Автор рассматривает основные направления немецкоязычной историографии и на основе трудов ее ключевых представителей формирует общую картину актуальных научных дискуссий. Отдельное внимание уделяется вопросу соотношения «новых правых» с такими более понятными и распространенными политическими категориями, как правый радикализм, правый экстремизм и консерватизм. Вводя в отечественное научное пространство уникальные первоисточники, автор ставит под вопрос объективность устоявшихся историографических схем. Данная статья призвана внести первичную терминологическую ясность в до того неизвестную российскому академическому сообществу тематику и послужить фундаментом для последующего цикла публикаций по этой теме.

© Фомичев Ф.М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: немецкие «новые правые», Institut für Staatspolitik, консерватизм в ФРГ, правый радикализм в ФРГ, Армин Молер, Герд-Клаус Кальтенбруннер

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фомичев Ф.М. Суть и границы немецких «новых правых»: к истории и историографии одного понятия // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 132–149. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

F.M. Fomichev

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

Sense and boundaries of the German “New Right”: History and historiography of one concept

This article raises for the first time in Russian humanity studies the question of defining the sense and boundaries of the “New Right” political movement in the Federal Republic of Germany in general and of their major contemporary intellectual centre – “Institut für Staatspolitik” in particular. The author reviews the key trends in the German-language historiography and, on the basis of works written by its leading representatives, forms an overall picture of the current scholarly debates. Special attention is paid to the issue of correlation of the “New Right” with such political categories as right-wing radicalism, right-wing extremism and conservatism. By introducing some unique primary sources into the Russian scholarly space, the author questions the objectivity of the established historiographical schemes. This article aims to provide primary terminological clarity on a subject heretofore unknown to the Russian academic community and to serve as the basis for further publications on this topic.

Key words: German “New Right”, Institut für Staatspolitik, conservatism in the Federal Republic of Germany, right-wing radicalism in the Federal Republic of Germany, Armin Mohler, Gerd-Klaus Kaltenbrunner

FOR CITATION: Fomichev F.M. Sense and boundaries of the German “New Right”: History and historiography of one concept. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 132–149. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

В немецкой историографии на протяжении нескольких десятилетий существует по сей день актуальная дискуссия о том, как именно и в отношении кого справедливо использовать термин «новые правые»: где находятся его границы, как «новые правые» соотносятся с тем, что традиционно именуется правым радикализмом и экстремизмом, в конце концов, насколько гомогенно содержание этого собирательного понятия, ведь в немецкой историографии обычно термин «новые правые» употребляется в единственном числе (нем. *die Neue Rechte*). Полемика осложняется еще и тем, что авторы зачастую по-разному определяют ее непосредственный предмет, ввиду этого возникает потребность постоянного содержательного и контекстуального уточнения, поскольку под понятием «новые правые» могут подразумеваться разные люди, организации и идеи, которые исследователю следовало бы разделять и различать. Помимо этого, данное понятие нередко используется в политически ангажированных полемиках, которые изначально имеют чисто прикладные задачи. Остроты добавляет еще и тот факт, что в последние месяцы или даже годы четко фиксируется влияние определенных кругов правых интеллектуалов на положение дел в немецкой политике. Вместе с тем, именно на дискурсивном уровне, если и не предрешается исход политических баталий, то во многом обеспечивается весомая фора.

Как пишет один из наиболее значимых представителей современных немецких «новых правых» и ключевая фигура в организации их крупнейшего интеллектуального центра Institut für Staatspolitik (IfS) Карлхайнц Вайссманн, именно язык является средством управления и власти: «Кто господствует над определением понятий, тот господствует и над людьми. Поэтому спор о словах никогда не является просто лишь спором о словах – речь о том, кто будет обладать влиянием, наделяя слова значением»¹ [25, S. 7]. Вайссманн заключает, что контроль над языком является центральным фактором политической борьбы,

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

и иллюстрирует свой вывод цитатой Г. Шельски: «Суверен – это тот, кто определяет содержание понятий (положение вещей)» (нем. *Souverän ist, werden Sachverhalt definiert*) [25, S. 8], которую можно рассматривать в качестве полемической отсылки к знаменитому определению суверена К. Шмитта как того, кто принимает решение о чрезвычайном положении [5, с. 8].

Современная историография «новых правых» в ФРГ может быть подразделена на два основных направления. В качестве примера конституционно-демократического можно назвать таких «классиков», как А. Пфаль-Траугбер [19–23], Х. Келлерсхон [14; 15] и Р. Штёсс [27]². Эти авторы не могут не быть признаны политически ангажированными (первый тесно взаимодействует со Службой по защите конституции, второй и третий являются членами Социал-демократической партии Германии (СДПГ)), из чего проистекает нередкая односторонность повествования в их трудах, осознанное или же неосознанное выпячивание одних фактов на передний план и нивелирование или полное замалчивание других, излишне упрощающая схематичность. Примечательно, что в российском историографическом или же околонучном сегменте, испытывающем сочувствующий интерес к немецким «новым правым», чаще всего просто ретранслируется позиция Пфаль-Траугбера (буквально на основе его небольшой обзорной статьи [20]), которая, повторимся, мало чем отличается от официального нарратива немецких масс-медиа [4]³. В позитивном смысле выделяется, пусть и затрагивающая историю «новых правых» лишь до момента воссоединения Германии, работа К. Шенекэса, изданная в 1990 г. в общем сборнике, посвященном «новым правым» и правому экстремизму в Европе [13], а также относительно недавнее исследование К.-П. Хуфера, в котором при ограниченной полемике с устоявшимися историографическими оценками рассматривается развитие и современное состояние движения [12].

Самым известным представителем леволиберального крыла современной немецкой историографии, который обладает, вместе с тем, высочайшим уровнем медийной популярности, является историк и публицист Ф. Вайсс. Его работы [28; 29], выдержанные в стиле изложения, граничащем с научно-популярным, избегают проблемной постановки

² См. также: Stöss R. Die “Neue Rechte” in der Bundesrepublik. URL: <https://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/229981/die-neue-rechte-in-der-bundesrepublik> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

³ Тема «новых правых» (как французских, так и немецких, между которыми не делается практически никакой разницы) активно использовалась весьма неоднозначным философско-политологическим кружком А.Г. Дугина, в котором, выдавая желаемое за действительное и не углубляясь в тему, ироничным образом пересказывались клише современной немецкой либерально-демократической историографии.

вопросов, академической полемики и неудобных для своего стройного нарратива документов, а также отличаются большими по объему заимствованиями из работ других авторов, их компиляцией и значительным упрощением. В подобном же духе написано исследование политического журналиста Т. Пфайффера [24]. Отметим, что оба автора также активно предоставляют результаты своих трудов в Центральное управление по политическому воспитанию (нем. *Bundeszentrale für politische Bildung*) и в Службу по защите конституции.

Пфаль-Траугбер в целом ряде своих работ на протяжении трех десятилетий уделяет немалое место именно вопросам терминологии. Сначала немецкий политолог предлагает конкретизировать понятие экстремизма, противопоставляя его демократии и предпочитая, тем самым, негативное определение позитивному. Экстремизм любого толка есть, по его мнению, собирательный термин для обозначения идеологически очень разных взглядов и устремлений, объединенных неприятием базовых условий демократического конституционного государства, к которым относятся разделение властей, правовое государство, народный суверенитет, права человека и плюрализм [21, S. 17; 22, S. 18]. Из характерных для любого вида экстремизма позитивных черт автор выделяет следующие: претензию на абсолютность (однако возникает вопрос, не является ли это характерной чертой любой светской или квазирелигиозной политической идеологии, иначе говоря, как это именуется, например, Э. Джентиле [2], «политической религии?»), утопизм или же категорический отказ от утопии (что же остается вне подобной дихотомии, и не лишено ли вообще смысла указание такой черты?), догматизм, категоричность в определении друга/врага, склонность к теориям заговора, фанатизм, антиплюралистическое понимание политики и общества, склонность к авторитаризму. Вместе с тем, исследователь подчеркивает первостепенную значимость для правого экстремизма этнической идентичности и убежденности в человеческой неравноценности (нем. *menschliche Ungleichwertigkeit*), что противопоставляется им современной демократии и открытому обществу. Помимо этих двух уникальных для себя черт правый экстремизм характеризуется общими для любого экстремизма склонностями к политическому авторитаризму и тяге к максимально возможной гомогенизации общества [21, S. 18–23, 30–31].

Хуффер выражает умеренный скепсис по отношению к содержательному использованию термина «экстремизм» и особенно критикует уравнивание левого и правого лишь по наличию радикального неприятия современного либерально-демократического общества. По его мнению, левый экстремизм имеет своей целью «научно обоснованное»

освобождение человека от всякого рода привязанностей и зависимостей и опирается в этом устремлении на «объективный научный и социальный прогресс», т.е. укоренен в перманентном эмансипаторном порыве. Правый же экстремизм исходит из принципиально иных установок. Он оперирует иррациональными категориями бóльших или меньших этнических общностей, заключает Хуфер [12, S. 11–12]. Тем самым он наделяет неэтическую категорию этическими свойствами, настаивает на обусловленности Богом, судьбой или природой определенного вида общности, а также, что не менее важно, декларирует необходимость делегирования определения развития и его осуществления более или менее узкой элитарной группе или вовсе фигуре вождистского типа, а не совокупности автономных политических индивидуумов.

Пфаль-Траугбер выделяет четыре типа правого экстремизма: партийный (т.е. представленный в виде партийных структур), культурный (интеллектуальные центры, медиа, издательства), ориентированный на активистскую деятельность (неонацисты и идентаристы), субкультурный (наци-скинхеды) и террористический (боевые ячейки) [21, S. 4]. Следуя представленной выше типологии, современные немецкие «новые правые» в лице группы публицистов и политических активистов, сплотившихся вокруг IfS, при котором организовано издательство Antaios и журнал Sezession, должны быть отнесены к культурному типу.

Шёнекэс, описывая еще первое поколение «новых правых», справедливо отмечал неразборчивое многообразие в использовании этого термина. Во-первых, выражение «новые правые» изначально служило самоназванием разнообразных интеллектуальных кружков и активистских движений рубежа 1960–1970-х гг. и было синонимично «молодым правым» (к ним можно отнести, например, такие группы, как Junge sozialistische Rechte, National revolutionäre Rechte, National revolutionäre, Solidaristen и т.д.). В 1970–1980-е гг. в западногерманской историографии «новыми правыми» чаще всего обозначались только группы, идейно принадлежащие к национал-революционному движению с сильным влиянием радикального антикапитализма и рядом характерных для альтернативных левых черт. Антифашистские авторы и масс-медиа того времени использовали этот термин применительно к тем же, кого называли неофашистами, стирая, тем самым, любые грани между ними. Нередко это наименование применялось и к организованным в партийные структуры представителям т.н. «нового национализма» – Национал-демократической партии Германии (НДПГ) или «Республиканцам» (Die Republikaner) [13, S. 236–238].

Крайне важному с научной точки зрения, пусть и не столь выгодно-му с политической, отделению разных течений «новых правых» друг

от друга и их типологизации отводилось вторичное значение, в результате чего получалась картина абсолютно гомогенной политико-интеллектуальной среды. Вопреки утверждениям антифашистской и официальной литературы, никакой реальной связи между «новыми правыми» консервативного (круг Молера–Кальтенбруннера, как первое, и IfS, как его второе поколение) и ныне же фактически несуществующего национал-революционного толка никогда не было [10, S. 16–17].

Пфаль-Траугбер, описывая «новых правых» первой волны и эпоху поколенческого транзита в 1990-е г., перечисляет четыре наличествующих определения того, кого можно при разных оптиках именовать «новыми правыми». Во-первых, указанный термин применим в отношении партийных организаций по типу «Республиканцев». Согласно второй дефиниции, «новыми правыми» являются правоэкстремистские группы, противопоставляющие этатизму «старых правых» концепты национальной революции и «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом. Третья группа, чье отличие от второй, по нашему мнению, не столь очевидно, состоит из представителей не относящегося к национал-социализму правого экстремизма, под которым подразумеваются ориентирующиеся на представителей «консервативной революции», крыло братьев Штрассер, фёлькиш-организации Веймарской республики. Четвертая позиция подводит к обозначению как «новых правых», по мнению исследователя, институционализированную партию национал-революционного толка – НДПГ [22, S. 154–156].

Кроме того, Пфаль-Траугбер пишет, что помещение современных ему «новых правых» между демократическим консерватизмом и правым экстремизмом неверно: исследователь настаивает на четком отнесении «новых правых» именно к последнему. При этом политолог оговаривается, что не все представители «новых правых» являются экстремистами. Так, под это стигматизирующее определение не попадает, например, национал-либеральное крыло Р. Цительмана, близкое на тот момент к позициям Свободной демократической партии (СвДП), потому что оно «в целом не ссылается на традицию консервативной революции» [Ibid, S. 20–23]. Разница между «демократическими правыми» и правыми экстремистами, у которых, впрочем, вполне могут быть общие идеалы, ценности и цели, состоит якобы в том, какой ответ дается на вопрос, допустимо ли принести в жертву ради достижения политических целей демократию и права человека, плюрализм и верховенство закона – отметим, что убежденность в верности этой формулы сохраняется у исследователя и по сей день. В работе последних лет Пфаль-Траугбер пишет, что отношение к фундаментальной для либерального общества концепции прав человека является главным маркером для определения того

или иного мнения как экстремистского – это касается как правых, так и левых [21, S. 23–31].

В этом же русле рассуждает О. Кистенмахер, отмечая также неоднозначность объединения людей и организаций под единым названием только лишь ввиду их личных или институциональных связей. Описывая современных «новых правых» (под ними Кистенмахером, как и нами, понимается в первую очередь IfS и связанные с ним люди, издательства, медиа и организации), исследователь отмечает, с одной стороны, возможность внутренних различий во взглядах для внешне монолитных объединений, а с другой – существование отдельных людей и групп, которым свойственны схожие с «новыми правыми» воззрения, но которые, однако, по той или иной причине никак институционально с ними не связаны [16, S. 9–10]. Это верное замечание справедливо еще и в том отношении, что подобный внутренний плюрализм мнений невозможно исключить при сетевой структуре организации. В том числе и по этой причине заключение Штёсса, согласно которому «новые правые» не представляют собой некое организованное и монолитное движение, но едины в «идеологически-программном» смысле, стоит принимать с большим количеством оговорок. Крайне сомнительным с научной точки зрения кажется его определение «новых правых» как теоретиков любых «крайне правых, независимо от того, являются ли они правыми экстремистами или правыми консерваторами (а также, но реже, национал-либералами)», которых объединяет неприятие либеральной демократии⁴. В подобных высказываниях прослеживается стремление приложить к «новым правым» как 1960–1980-х гг., так и к современным, хорошо исследованный и объясненный ландшафт «консервативной революции».

Вместе с тем, Пфаль-Траугбер признает наличие обоснованной, пусть и критикуемой им позиции, отделяющей «новых правых» от правого экстремизма и помещающей их между ним и консерватизмом. В. Гассенхартер предложил термин «шарнир» (между неоконсерватизмом 1980-х гг. и правым экстремизмом), т.к. «новые правые», хотя и не имеют непосредственных постоянных связей ни с экстремистами, ни с этиблированными консервативными силами, время от времени проявляют заинтересованность в контактах с обеими сторонами, обеспечивая, тем самым, постоянную возможность потенциального взаимодействия. Схожим образом определял «новых правых» целый ряд исследователей: С. Мантино, М. Веннер, П. Кесслер и др., именуя это

⁴ Stöss R. Die “Neue Rechte” in der Bundesrepublik. URL: <https://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/229981/die-neue-rechte-in-der-bundesrepublik> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

интеллектуальное течение «серой зоной между национал-консерватизмом и правым экстремизмом» [22, S. 156–160]. Впрочем, обусловленность частого использования такого неопределенного термина может быть заключена и в том, что характеризовать каким-то одним термином целый ряд интеллектуалов, активистов и политиков представляется едва ли возможным в силу расплывчатости критериев и внутренней пестроты этого условно единого движения [11, S. 64].

В полемике с подобной позицией Пфаль-Траугбер предлагает свой достаточно сложно переводимый на русский язык термин для обозначения последнего феномена – *Brückenspektrum* (*Brücke* – ‘мост’, *Spektrum* – ‘спектр’). Под этой стратегией подразумевается осознанный процесс размывания демаркационных линий между демократическим консерватизмом и правым экстремизмом. Этот термин, по мнению политолога, предназначен для обозначения тех областей, в которых есть признаки какого-либо сотрудничества между представителями обоих лагерей [22, S. 160–161]. Таким образом, если метафоры «серой зоны» и «шарнира» подчеркивают некую идеологически промежуточную позицию между консерватизмом и правым экстремизмом, то образ моста, используемый Пфаль-Траугбером, призван указать на наличие непосредственного сотрудничества между представителями «новых правых» с обоими берегами правого политического спектра.

Во избежание одностороннего взгляда на проблему, дадим также слово самим современным «новым правым», что очень редко можно встретить в немецкой историографии, и обратимся к небольшой брошюре, выпущенной IfS еще в 2008 г., «Новые правые – суть и границы одного понятия». Там в полемике с устоявшимся историографическим представлением предлагается свое понимание причин возникновения, процесса развития и идейного содержания исследуемого нами течения политической мысли. Как отмечают авторы брошюры, явная незаинтересованность в дифференциации, прослеживаемая в большинстве академических работ, является не столько свидетельством отсутствия исследовательской проницательности, сколько наличием осознанной и политически обусловленной агитационной задачи [10, S. 5]. Эрик Ленерт (научный руководитель IfS) подчеркивает, что наименование «новые правые» является сегодня стигматизирующим и активно используется политическими оппонентами и Службой по защите конституции с целью их публичной дискредитации⁵.

⁵ Die Vielfalt rechten Denkens – Erik Lehnert im Gespräch mit Philipp Fomitschow (in drei Teilen). URL: <https://sezession.de/67809/die-ganze-vielfalt-rechten-denkens> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

Итак, всего в брошюре выделяется четыре типа интерпретации немецкой историографией феномена «новых правых» [10, S. 30–31]. Первой приводится т.н. «теория идентичности» (нем. *Identitätstheorie*), согласно которой никаких «новых правых» как отдельного феномена вовсе не существует, а то, что принято так именовать, является лишь переформулировкой занимаемых «старыми» или просто «правыми» экстремистских позиций. Следствием такой интерпретации становится полное стирание любых отличительных черт всего, что вообще можно назвать «правым» – «от скинхедов до буржуазного фельетона». Подобная позиция свойственна, прежде всего, представителям т.н. «антифа»-литературы. Вторая интерпретация – «теория агента» (нем. *Agententheorie*) – не имеет, по мнению составителей документа, принципиальных отличий от первой. В качестве примера представителей этого взгляда называются подходы Гассенхартера и Пфаль-Траугбера, которые исходят из мысли о существовании некоего тайного плана правой интеллигенции, стремящейся использовать для достижения своих целей всю широту правого спектра от уличного экстремизма до этаблированного парламентского консерватизма.

Следующим подходом, который признается настолько же несостоятельным, как и первые два, называется «теория преемственности» (нем. *Kontinuitätstheorie*), редуцирующая «новых правых» либо до реактуализации политического дискурса «консервативной революции»⁶, либо же до инкарнации французских «новых правых» (фр. *Nouvelle Droite*) на немецкий манер, с которыми у них в действительности различий в разы больше, чем сходств. Четвертая историографическая версия – «теория плюрализма» (нем. *Pluralitätstheorie*) – считается наиболее соответствующей действительности, пусть и не лишенной изъянов. Она так или иначе основывается на границах понятия, установленных еще на рубеже 1980–1990-х гг. исследователями У. Бакесом и Э. Йессе [9], которые определяют «новых правых» как интеллектуальные круги, модернизирующие фундаментальные установки «старых» [10, S. 31]. Взгляд Бакеса–Йессе признается в сути своей удачным, т.к. позволяет описывать историю развития правой политической мысли как процесс постоянного обновления старых позиций новыми с сохранением установок, признаваемых принципиальными. Это, в свою очередь, является серьезным контраргументом нередко встречавшемуся в 1990-е гг.

⁶ Антилиберальное интеллектуальное движение Веймарской республики, традиционно именуемое «консервативной революцией», декларировало радикальный разрыв со старым консерватизмом и «старыми правыми». Ввиду этого «теория преемственности» имеет принципиальное отличие от «теории идентичности», т.к. последняя не противопоставляет старой консервативной традиции и «консервативную революцию».

мнению, согласно которому правых в строгом смысле слова не существует, а есть лишь множество более или менее независимых условно и ситуативно правых политических течений [9].

Отдельного внимания не без язвительной критики удостоивается определение «новых правых» чиновниками из Службы по защите конституции, которое зачастую берут за терминологическую основу академические исследователи. Это определение по своему содержанию имеет большие сходства с «теорией идентичности» и «теорией агентов» и состоит из пяти якобы характерных для «новых правых» черт: претензия на интеллектуальность, обращение к антидемократическим теоретикам эпохи Веймарской республики (т.е. к «консервативной революции»), попытка влияния на общественный дискурс и переопределения содержания понятий (борьба за т.н. «культурную гегемонию» в духе теории итальянского коммунистического теоретика А. Грамши), стремление размывания границ между правоэкстремистскими и право-демократическими политическими силами, а также неформальная структура, выраженная в дискуссионных клубах и публицистических центрах [10, S. 32].

Авторы брошюры справедливо отмечают, что три из пяти пунктов – претензия на интеллектуальность, попытка влияния на общественный дискурс и неформальная структура – вовсе не являются сколько-нибудь отличительной чертой «новых правых», а характерны для представителей любой активной политической тенденции. Отметим, что борьба за дискурс законными и ненасильственными методами со стороны разных политических сил и является, собственно говоря, фундаментом публичной политики в современном демократическом обществе. В брошюре также оспаривается и столь расхожий и уже укоренившийся тезис о политической мысли «консервативной революции» как ориентире: «Не существует никакой преемственности между “консервативной революцией” и “новыми правыми” <...>. Если определенная рецепция была и есть, то она является лишь выборочной» [Ibid, S. 33]. Проблема взаимодействия и соотношения «новых правых» и «консервативной революции» является обширной темой и заслуживает самостоятельного подробного исследования, однако даже первичный анализ теоретических текстов и работ по истории политической мысли подтверждает выдвинутый выше тезис.

Помимо этого, в тексте отмечается, со ссылкой на одну из ранних статей К. Вайссманна [30], что политическая деятельность любой организации может приобретать как открыто-наступательный характер, так и характер «политической мимикрии», ввиду чего упреки в попытках «размывания границ» подобным образом также несостоятельны [10, S. 33–34].

Суммируя все сказанное в главе, посвященной непосредственно историографически принятым дефинициям «новых правых», отмечается, что данный термин умышленно используется в искаженном виде для доказательства якобы антиконституционного характера этих организаций и осуществления по отношению к ним цензуры, посредством чего создается унифицированный образ грозного врага, без которого не может существовать ни одна политическая общность и которого необходимо всеми средствами побороть или хотя бы изолировать от реального политического влияния [10, S. 36].

Отметим здесь в какой-то мере шмиттовскую логику рассуждения. Наличие врага – политического другого, являющего собой экзистенциальную опасность для конкретной «мы»-общности, представители интересов которой находятся у власти, – необходимо для существования текущего общественно-политического порядка и легитимации разнообразных (в т.ч. и насильственных) мер по его охранению. «Новые правые» не стремятся к отказу от этой дихотомии, которую в целом признают естественной для социальной природы человека, но требуют ее публичного признания и предлагают своим сторонникам определять как «врага» альтернативные внутренние и внешние группы.

Не меньший интерес представляет вопрос о том, в каком соотношении находятся термины «консерватизм» и «новые правые» в немецкой историографии и как на этот вопрос отвечают сами современные «новые правые». Историографически доминирует позиция разграничения этих двух политических течений. Как было показано выше, основные дискуссии ведутся вокруг того, как именно обозначить это разделение и в какой мере «новые правые» отличны от консервативного дискурса. Вместе с тем, тот же Пфаль-Траугбер в небольшом отступлении, посвященном консерватизму, который он трактует в мангеймовском духе [1, с. 7–12], пишет, что «новых правых», как и «консервативную революцию», в целом можно понимать как «экстремистские консервативные течения», которые в сегодняшнем контексте и понятиях, однако, должны быть определены как правоэкстремистские. В заключительной части той же работы исследователь заявляет, что «новые правые», как и «консервативная революция», принадлежат к «большой теории консерватизма», которая может, как и социализм, приобретать либо демократическую, либо экстремистскую ориентацию. Для двух вышеназванных течений было бы справедливо, по мнению политолога, последнее утверждение [22, S. 19–20, 232]. Хуфер в своем исследовании, напротив, склонен ситуативно сближать «новых правых» и консерватизм. Основные линии мировоззренческого родства ведут к теоретическому обновлению консерватизма Г.-К. Кальтенбруннером в 1970-е гг.,

а современное положение вещей позволяет определить «новых правых» как промежуточное звено между традиционным консерватизмом и «агрессивным правожстремизмом» с плавающими границами [12, S. 12–15, 130].

Редкая отсылка к трудам Кальтенбруннера в рассуждениях о соотношении «новых правых» и консерватизма имеет, по нашему мнению, ключевое значение. Австро-немецкий теоретик категорически настаивал во всех своих работах именно на термине «консерватизм» и не использовал понятие «новые правые» [3; 14]. Даже А. Молер, который, как считается, наоборот, предпочитал использовать второе наименование, дабы как-то более зримо отграничиться от либерально-буржуазного консерватизма своего времени, до определенного времени обращался к термину «консерватизм», понимая его в схожем с Кальтенбруннером ключе [18, S. 70–71]. Современные «новые правые» также относят Молера к этой политической традиции, делая акцент на его «особом положении» среди консерваторов (нем. *Sonderstellung unter den Konservativen*) [26, S. 149].

В теоретической брошюре «Ключевые понятия», выпущенной IfS, указывается на множественность возможных значений термина «консерватизм» [25, S. 88–89]. Распространенное утверждение о консерватизме как о реакции на Французскую революцию признается вовсе не бесспорным. Помимо него выделяются еще пять возможных интерпретаций. Во-первых, консерватизм как определенная психо-антропологическая расположенность человека, укрепляющаяся по мере взросления (трактовка, опять же, в духе одного из маннгеймовских определений [1, с. 9]). Другой взгляд признает консервативным то, что защищает порядок как таковой – вне зависимости от его содержания, однако тогда носителем консервативного мировоззрения могут «неожиданно стать и коммунисты» [25, S. 88]. Близким к последнему является консерватизм представителей правящего класса или группы, которые из личных властных соображений заинтересованы в сохранении status quo. Четвертым типом консервативной позиции называется конкретное и исторически обусловленное проявление консерватизма в рамках христианско-европейской традиции. Оно заключено в защите старого христианского сообщества (*Verteidigung der alten societas christiana*) перед вызовами времени и угрозами эрозии устоявшихся форм. Эта позиция претерпела ряд исторических метаморфоз, «пока с упадком поддерживающих его групп – прежде всего дворянства – от него не остались лишь ничего не значащие остатки» [25, S. 89].

Последняя и наиболее близкая авторам брошюры интерпретация консерватизма понимает его как течение Модерна, прошедшее наряду

со всеми остальными различные стадии развития и оторвавшееся со временем от изначально сильной привязки к корпоративным и религиозным основам, разработав на смену им новую консервативную парадигму (тут вслед за Кальтенбруннером [14, с. 44–47⁷] современные «новые правые» в качестве ее основы называют философскую антропологию). Подобная интерпретация, пусть и допускает определенную идейную преемственность (например, отклонение эгалитаризма и различного рода социальных утопий, признание важности институтов и исторической укорененности бытия человека), однако отличается в методе и содержании своей аргументации. Суть ее заключается в преодолении опыта гражданских религий XIX–XX вв. и в обращении к более традиционному, соотносенному при этом с современными реалиями: «[“Новые правые”], не впечатленные историческими изменениями, придерживаются мнения, что не позднее великого “разочарования в ожиданиях”⁸ в конце XIX столетия с обещаниями Просвещения, а, вместе с ними и с обещаниями социализма и либерализма, должно быть покончено, и они должны уступить место для другого – одинаково древнего и современного – более реалистичного взгляда на вещи» [25, S. 89].

Таким образом, современные немецкие «новые правые» все-таки склонны отождествлять себя с определенным типом консерватизма, а вовсе не избегают этого понятия и, тем более, не противопоставляют себя ему. В другом документе крыло «новых правых» вокруг IfS прямо называется сложно переводимым на русский язык термином *volkskonservative*, явно отсылающим к консервативному самоопределению [10, S. 30]. Эрик Ленерт в ходе нашей беседы отдельно объяснил свой взгляд на соотношение понятий «консерватизм» и «новые правые». По его мнению, проблема консерватизма как понятия в послевоенные годы была сформулирована еще Эрнстом Юнгером в его знаменитом эссе «Ривароль»⁹, где немецкий философ продемонстрировал амбивалентность использования термина «консерватизм», т.к., с одной стороны, его проблематичность проистекает из крайней неопределенности

⁷ По русскому изданию.

⁸ *Erwartungsenttäuschung* – термин немецкого философа и историка Г. Люббе.

⁹ «Выражение “консерватор” не принадлежит к числу удачных словообразований. Оно соотносит человеческие характеры со временем и ограничивает волю человека стремлением удержать отживающие формы и состояния. Но тот, кто еще хочет что-либо сохранить, сегодня заведомо слабейший. А потому мы поступим правильно, если попытаемся вырвать это слово из рамок традиции. Речь идет скорее о стремлении найти или вернуть то, что всегда лежало и будет лежать в основе всякого жизнеспособного порядка. Но такая основа есть нечто, лежащее вне времени, к чему нельзя прийти, ни отступая назад, ни продвигаясь вперед. Все общественные движения лишь вьются вокруг нее. Меняются только их названия и используемые средства» [7, с. 145–146].

границ, а с другой – от него невозможно отказаться за неимением какого-либо лучшего обозначения: «перед этой проблемой все так же стоим и мы, когда задаемся вопросом [соотношения] “консервативного” и “новых правых”»¹⁰. Термин «новые правые» служит еще и для того, чтобы подчеркнуть отсутствие какой-либо преемственности со «старыми»: «сегодня трон и алтарь больше не могут иметь никакого [политического] значения»¹¹. В целях конкретизации Ленерт предпочитает при использовании этого понятия в отношении современных немецких «новых правых» употреблять словосочетания «право-» или «национал-консервативный»¹².

Столкнувшись с этими терминологическими трудностями, Молер в условиях публичной активности предпочел обратиться к другому самообозначению, т.к. именуемые консервативными политические партии ФРГ в 1950–1960-е гг. были основой либерально-капиталистической демократии, которая его категорически не устраивала. Помимо желания отгородиться от эстаблированного консерватизма, швейцарский публицист использовал термин «новые правые» с целью отмежевания и даже противопоставления национал-социализму, который в свое время также риторически противопоставлял себя «старым правым». На отдаление от термина «консерватизм» в случае Молера повлияло и его критическое отношение к христианству¹³, и тогдашняя политическая конъюнктура – после падения с политического Олимпа своего кумира Ш. де Голля, Молер перенес внимание на «Национальный фронт» Ж.-М. Ле Пена, предлагая более националистический вариант дальнейшего развития движения [29, S. 62–63]. В начале 1970-х гг. прекратились и попытки взаимодействия с лидером Христианско-социального союза (ХСС) Ф.-Й. Штраусом, на которого Молер возлагал ранее большие надежды. «Новые правые» перешли к активной критике политики ХДС/ХСС, когда партии приняли либерально-демократический вариант консерватизма и заблокировали все потенциальные варианты его трансформации [6, с. 201]. Именно тогда Молер окончательно предпочел термин «правые»: «Слово “консервативный” для меня слишком рыхло и размыто, когда я представляю себе правого, это значит, что у меня ничего не ассоциируется с либерализмом, и я считаю его настоящим врагом» [цит. по: 6, с. 202]. В интервью 1989 г. он также заявил:

¹⁰ Die Vielfalt rechten Denkens – Erik Lehnert im Gespräch mit Filipp Fomitschow (in drei Teilen). URL: <https://sezession.de/67809/die-ganze-vielfalt-rechten-denkens> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

«Мне не нравится слово “консервативный”. Мне куда ближе “правый”. <...> Все хотят что-то законсервировать. Правые же не могут вообще ничего консервировать. Потому что все, что сейчас есть, не особенно радует. Речь идет о создании, воссоздании условий, которые стоит сохранить, как сказал А. Мёллер ван ден Брук. А то, что есть сейчас, действительно не стоит сохранения» [17, S. 84–85].

Отметим при этом, что главный теоретик немецких «новых правых» – Кальтенбруннер, который также занял весьма критичную позицию по отношению к современному ему этаблированному консерватизму, все-таки предпочел остаться при старом понятии, интенсифицировав работу с его определением и содержанием, возможностями адаптации для политического использования и создав своим трудом обновленный консервативный канон. Вместе с тем он отмечал, что его проект «реконструкции консерватизма» может расцениваться как одна из форм «новых правых». Заданный Г.-К. Кальтенбруннером импульс переосмысления консерватизма и тот формат, в котором оно проводилось, определили рамки для современных «новых правых» из интеллектуального центра IfS и направление всех последующих интенций, а также создали теоретическую основу одного из видов современного немецкого консерватизма.

Библиографический список / References

1. Григоров Е.В. Консерватизм в социально-философской интерпретации К. Мангейма: истоки проблем дефиниции // *Философия права*. 2016. № 1 (74). С. 7–12. [Grigorov E.V. Conservatism in socio-philosophical interpretation of K. Mannheim: The origins of definitional problems. *Filosofiya prava*. 2016. No. 1 (74). Pp. 7–12. (In Rus.)]
2. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / Пер. с ит. Ф. Станжевского. СПб., 2021. [Gentile E. *Politicheskie religii. Mezhdudemokratiej i totalitarizmom* [Le religioni della politica]. Transl. from Italian by F. Stanjevsky. St. Petersburg, 2021.]
3. Ким Ф.С. «Просвещенный консерватизм» Г.-К. Кальтенбруннера. М., 2010. [Kim F.S. «*Prosveshennyj konservatizm*» G.-K. Kaltenbrunnera [“Enlightened conservatism” by G.-K. Kaltenbrunner]. Moscow, 2010.]
4. Пфаль-Траугбер А. Новые правые во Франции и Германии / Пер. А. Игнатьева // Четвертая Политическая Теория: Материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире. Вып. 2 / Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-сост. Н. Сперанская, А. Сидоренко. М., 2011. С. 202–216. [Pfahl-Traughber A. *Neue Rechte in Frankreich und Deutschland*. Transl. into Russian by A. Ignatiev. *Chetvertaya Politicheskaya Teoriya: Materialy seminarov i konferencij po politologii i politike v sovremennom mire*. A.G. Dugin (ed.). Moscow, 2011. Pp. 202–216. (In Rus.)]

5. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. [Schmitt C. Pomyatie politicheskogo [Der Begriff des Politische]. Transl. from German ed. by A.F. Filippov. St. Petersburg, 2016.]
6. Штебер М. «1968» как год консерваторов, или Разделение мнений. Либеральный консерватизм и «новые правые» // Исторические исследования. 2016. № 5. С. 194–207. [Steber M. “1968” as the year of conservatives, or The divide of opinion. Liberal conservatism and the “New Right”. *History Studies*. 2016. No. 5. Pp. 194–207. (In Rus.)]
7. Юнгер Э. Ривароль / Пер. с нем. Д. Кузицына. СПб., 2000. [Jünger E. Rivarol. Transl. from German by D. Kuzicyn. St. Petersburg, 2000.]
8. Backes U., Jesse E. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik. Berlin, 1993.
9. Breuer S. Ideologische Familien der deutschen Rechten. *Kursbuch*. 1998. No. 134. S. 66–78.
10. Die “Neue Rechte”. Sinn und Grenze eines Begriffs. Hrsg. von Institut für Staatspolitik. Zweite Auflage, Schnellroda, 2008.
11. Finkbeiner F. Nationale Hoffnung und konservative Enttäuschung. Göttingen, 2020.
12. Hufer K.-P. Neue Rechte, altes Denken: Ideologie, Kernbegriffe und Vordenker. Basel, 2018.
13. Jaschke H.-G., Schönekas K. Neue Rechte Rechte und Rechtsextremismus in Europa. Bundesrepublik, Frankreich, Großbritannien. Opladen, 1990.
14. Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Porträts. Berlin, 1975. // Кальтенбруннер Г.-К. Трудный консерватизм. Определения, теории, портреты / Пер. с нем. А.М. Иванова. М., 2020.
15. Kellershohn H. Das Institut für Staatspolitik und das jungkonservative Hegemonieprojekt. Strategien der extremen Rechten. Hrsg. von S. Braun, A. Geisler, M. Gerster. URL: https://studlib.de/460/politik/institut_staatspolitik_jungkonservative_hegemonieprojekt#540 (Zugriffsdatum: 20.06.2023).
16. Kistenmacher O. Ausgesprochen unausgesprochen. Latenter Antisemitismus und Erinnerungsabwehr innerhalb der Neuen Rechten. Hrsg. F. Kaufmann, L. Sierts. Hamburg, 2021.
17. Mohler A. Das Gespräch. Über Linke, Rechte und Langweiler. Dresden, 2001.
18. Mohler A. Was heißt schon “reaktionär”? *Was ist reaktionär? Zur Dialektik von Fortschritt und Rückschritt. INITIATIVE № 14*. Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. Freiburg im Breisgau, 1976. S. 68–72.
19. Pfahl-Traughber A. Der Extremismus der Neuen Rechten. Eine Analyse zu Diskursthemen und Positionen. Wiesbaden, 2019.
20. Pfahl-Traughber A. Die “Neue Rechte” in Frankreich und Deutschland: Zur Entwicklung einer rechtsextremistischen Intellektuellenszene. URL: <https://web.archive.org/web/20091211072619/http://www.polwiss.fu-berlin.de/fsi/bernie/rtraughber.htm> (Zugriffsdatum: 20.06.2023).
21. Pfahl-Traughber A. Die AfD und der Rechtsextremismus. Eine Analyse aus politikwissenschaftlicher Perspektive. Wiesbaden, 2019.
22. Pfahl-Traughber A. Konservative Revolution und Neue Rechte. Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. Opladen, 1998.

23. Pfahl-Traughber A. Rechtsextremismus in Deutschland. Eine kritische Bestandsaufnahme. Wiesbaden, 2019.
24. Pfeiffer T. Die Neue Rechte in Deutschland. Wiesbaden, 2004.
25. Staatspolitisches Handbuch № 1: Leitbegriffe. Hrsg. E. Lehnert, K. Weißmann. Zweite Auflage. Schnellroda, 2018.
26. Staatspolitisches Handbuch № 3: Vordenker. Hrsg. E. Lehnert, K. Weißmann. Zweite Auflage. Schnellroda, 2017.
27. Stöss R. Rechtsextremismus im vereinten Deutschland. Berlin, 2000.
28. Weiß V. Deutschlands Neue Rechte: Angriff der Eliten – von Spengler bis Sarrazin. Paderborn, 2011.
29. Weiß V. Die autoritäre Revolte. Die Neue Rechte und der Untergang des Abendlandes. Stuttgart, 2018.
30. Weißmann K. Neokonservatismus in der Bundesrepublik? *Criticón*. 1986. № 96. S. 176–179.

Статья поступила в редакцию 24.06.2023, принята к публикации 06.08.2023
The article was received on 24.06.2023, accepted for publication 06.08.2023

Об авторе / About the author

Фомичев Филипп Михайлович – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, г. Москва

Filipp M. Fomichev – PhD Student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russian Federation

E-mail: philip.fomichev@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-150-165

УДК 303.09+32.019.5

А.Б. Ананченко

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
117418 г. Москва, Российская Федерация

Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема

В статье рассмотрены результаты исследования образа будущего как конкретно-исторической, теоретической (прогнозирование) и политико-прикладной научной проблемы. Объект исследования представляет собой духовные элементы, отражающие различные способы представления предполагаемого в обществе направления исторического движения. Главными методами исследования стали историко-аналитические методы, которые рассматривают исторические материальные и идеальные объекты как сложные системы. Результатом исследования стало выделение особенностей строения конкретно-исторического, теоретического и политико-прикладного образов будущего современной России. Выводы исследования позволяют сознательно формулировать и формировать образ будущего России на основе целей, мировоззрения и концепции истории субъектом цивилизационного и государственного развития российского общества.

© Ананченко А.Б., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: образ будущего России, историческое место России, образ будущего как конкретно-историческая проблема, образ будущего как теоретическая проблема, образ будущего как политико-прикладная проблема, образ будущего как научная проблема

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы 123091200059-2 «Образы будущего России: историческая проекция» Экспертного института социальных исследований при поддержке Министерства науки и высшего образования в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ананченко А.Б. Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 150–165. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-150-165

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-150-165

A.B. Ananchenko

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Moscow, 117418, Russian Federation

The image of the future as a specifically historical, theoretical and political-applied problem

The article considers the results of the study of the image of the future as a specifically historical, theoretical (forecasting) and political-applied scientific problem. The object of the study is spiritual elements reflecting various ways of representing the direction of the historical movement assumed in society. The main research methods are historical and analytical methods that consider historical material and ideal objects as complex systems. The result of the study was the identification of the features

of the structure of specifically historical, theoretical and political-applied images of the future of modern Russia. The conclusions of the study allow us to consciously formulate and form an image of the future of Russia based on the goals, worldview and concept of history by the subject of civilizational and state development of Russian society.

Key words: the image of the future of Russia, image of the future as a specifically historical problem, image of the future as a theoretical problem, image of the future as a political-applied problem, image of the future as a scientific problem

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the topic 123091200059-2 "Images of the future of Russia: Historical projection" by Expert Institute of Social Research with the support of the Ministry of Science and Higher Education at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

FOR CITATION: Ananchenko A.B. The image of the future as a specifically historical, theoretical and political-applied problem. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 150–165. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-150-165

В постсоветское время обсуждалось и постепенно изменялось отношение к ряду духовных феноменов общества, которые ассоциировались исключительно с советской формой идеологического представления истории и прогнозирования социальной жизни. Но постепенно возникло «подозрение» и понимание, что они нужны любому, или почти любому обществу, и могут иметь другую ценностно-смысловую ориентацию и выражение. Такое осознание было важным для российского общества, но не изменило и не заменило проблему отсутствия других развитых духовных форм социального осмысления в новой России.

В частности, к таким важным и необходимым духовным формам относится т.н. образ будущего. Уже как минимум пару десятилетий в экспертном, медийном и политическом российском сообществе настойчиво звучат призывы создать новый современный образ будущего нашей страны. Но все предложения и суждения почему-то не становятся этим самым образом будущего.

Безрезультатность попыток конструирования образа будущего позволила Максиму Кантору сформулировать тезис о принципиальной духовной аксиологической бессубъектности современности, который разделяется частью нашей интеллектуальной элиты: «Гуманистическая традиция оказалась связана с тоталитарным мышлением и требуется

ее девальвировать, а на смену ее не пришло ничего другого. А знак сам по себе не выдержал никакого испытания временем и стал игрушкой в руках государства. *Нет образа времени* (курсив мой. – А.А.), нет лица, гуманистическое искусство сдулось»¹.

В чем же проблема формирования, создания и публичного представления образа будущего? Является ли это проблемой сознательного духовного творчества и отсутствия методов концепций, целей, смыслов и ценностей такого образа, или это проблема стихийного развития общественного сознания? Можно и по-другому сформулировать этот вопрос: кто и почему может, или должен, формировать этот самый образ будущего России?

Образ будущего – это многоуровневая и разносубъектная система представлений и образов в обществе о направлении развития, его содержании, миссии и главных ценностях (целях развития) конкретно-исторического общества, его векторе развития. Образ будущего существует как стратегическая цель развития общества и как набор настроений социальных групп, отражающих набор потребностей настоящего, современности. Можно утверждать, что образ будущего существует как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема понимания и анализа исторических событий и процессов, социальных технологий управления и моделирования будущего.

Объект исследования – духовные элементы, отражающие различные способы и наборы представлений, предполагаемого в обществе, желаемого или возможного направления его исторического движения.

Главными *методами исследования* стали историко-аналитические методы, рассматривающие конкретно-исторические материальные и идеальные объекты как сложные развивающиеся системы. Системно-аналитический подход заключается в понимании общества как социального организма, сложной многоуровневой системы, состоящей из различных сфер общественной жизни, представляющих собой сложные соподчиненные системы, включая предмет нашего исследования – исторические проекции самосознания общества, его образы будущего.

Результатом исследования стало выделение особенностей строения конкретно-исторического, теоретического и политико-прикладного образов будущего современной России.

Образ будущего всегда играл важную роль в историческом самоопределении человеческих сообществ, начиная от первичных самых простых форм социальности в первобытном обществе, постепенно

¹ Максим Кантор о современном языке и современности. AIFAAR 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZwPbVVurpo> (дата обращения: 27.01.2023).

усложняясь, вместе с развитием исторических форм социальных систем, которые их порождали и нуждались в своем исторически-пространственном самоопределении.

Исторические формы образа будущего в древности, как правило, фиксировали идеальный образ существующего конкретно-исторического общества, его мечту об идеальном существовании. Можно вспомнить, например, образ будущего как «идеальной» земли-страны на историческом примере древнего Китая эпохи императора Цинь Шихуанди в III в. до н.э., когда ему рассказали о далекой стране, где растут шелковые деревья и текут волшебные реки, а испивший из них не будет знать ни страдания, ни смерти². Такие мифические образы часто становились в древности в различных обществах и государствах образом будущего, которое находится в пространственной недоступности для настоящего, но к нему всегда существует и может быть найден путь достижения.

Кстати, этот китайский древний образ очень похож на те обыденные народные картины мифологического будущего, которые формировала и транслировала в общество КПСС в период развернутого строительства коммунизма в 1950–1960-х гг.

Но образ будущего, как правило, не существует отдельно от всей другой истории, связан и с памятью о прошлом, каким и почему оно было имен таким. Упоминавшийся китайский император Цинь Шихуанди поэтому приказал уничтожить все летописи, а оставить только одну – летопись своего родного княжества, что сразу решило проблемы исторической правды и властной легитимности [6]. Это очень важно для понимания состава содержания исторического самосознания общества, его целостности и взаимосвязи всех его элементов – памяти о прошлом, оценки миссии настоящего и образа будущего этого общества.

В нашу эпоху образы будущего, степень и содержание их прорисовки являются одним из важнейших элементов суверенитета страны, сохранения ею своей исторической субъектности.

Вспомним хотя бы то, что известно нам из актуальных перечней современных новостей, а именно китайский образ будущего, который содержит как направление, его конкретно-исторический образ, так и технологию, и даже аксиологию такого образа: «Один пояс – один путь». В Китае считают, что создали новую модель человеческой

---

² Проскурин С. «Даже мертвый опасен». Какую загадку оставил первый император Китая: Ученые ищут новые способы изучить гробницу Цинь Шихуанди. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20230924/kitay-1898089686.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 08.10.2023).

цивилизации, новый образ будущего, который включает в себя создание «сообщества единой судьбы человечества» путем мирного развития³.

Китайский пример формулировки образа будущего показывает способности существования образов будущего в современных развитых странах. В них происходит переход от социально-экономических, стадийных и ценностных образов будущего к экономико-географическим или инфраструктурно-геополитическим моделям и направлениям развития своих обществ и цивилизаций.

Россия тоже постепенно формирует свои новые подходы к образу будущего. Но некоторые его черты, элементы и направления формирования иногда могут нам быть подсказаны даже извне. Вспомним, как в этом, 2023 г., Папа Римский Франциск во время телемоста с российской католической молодежью произнес следующие слова о значении, миссии и образе России: «Никогда не забывайте о наследии. Вы наследники великой России: великой России святых, правителей, большой России Петра I, Екатерины II, той империи – великой, просвещенной, [страны] большой культуры и большой человечности. Никогда не отказывайтесь от этого наследия, вы наследники великой Матушки России, идите вперед с этим. И спасибо вам. Спасибо за ваш способ быть, за ваш способ быть россиянами»⁴.

В этом обращении Франциск выделил как важнейшие элементы российской цивилизации, так и особенности культуры, нравственности России, которые имеют мировое значение не только в прошлом, но и в будущем мира.

Необходимость диалога и определения образа будущего современной России понимают как в обществе, так и в государстве. Вспомним, что Президент России В.В. Путин на Валдайском форуме в 2023 г. специально подчеркнул важность образа будущего в эпоху качественных изменений социальных систем: «Я с интересом, уважаемые друзья, прочитал доклад, подготовленный Валдайским клубом к нынешнему заседанию. В нем говорится, что сегодня все стремятся понять, представить образ будущего (выделено мной. – А.А.). Это совершенно естественно и объяснимо, особенно для интеллектуальной среды. В эпоху кардинальных перемен, когда рухнет весь привычный уклад, очень важно

³ Сотни цветов мировой цивилизации – Китай предлагает не навязывать другим свою систему ценностей, а развиваться на основе концепции единой судьбы человечества // Новости Посольства КНР в РФ. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/sghd/202304/t20230428_11068656.htm (дата обращения: 03.07.2023).

⁴ Ватикан подверг цензуре слова Папы Римского Франциска о России. Папа Римский призвал российских молодых католиков не забывать о наследии своей великой страны. ИА REX. URL: https://iarex.ru/news/108423.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.09.2023).

осознать, куда мы идем, к чему хотим прийти. И, безусловно, будущее создается сегодня, не только на наших глазах – нашими руками»⁵.

Одним из необходимых и важных элементов современного стратегического образа будущего является определенная модель миропорядка, которая формулирует направление и содержание мировой системы социальных субъектов разного уровня. Миропорядок – это один из элементов образа будущего или одна из форм его существования. От модели миропорядка зависит, в конечном итоге, и национальный образ будущего, его содержание, направление развития общества.

Особое значение имеет образ будущего в период социальных трансформаций как мирового сообщества, мирового порядка, так и в период таких качественных изменений в отдельном обществе, как, например, в современной России. Поэтому закономерно, что в 2023 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» была выбрана стратегическая тема для современного мира – «Справедливая многополярность: как обеспечить безопасность и развитие для всех»⁶. Это очень важная констатация базовых оснований социальной жизни, в т.ч. мировой социальной жизни – миропорядка. Такие стратегические основания должны опираться не только на устройство финансово-экономических систем, но и на развитую и приемлемую гуманистическую традицию ценностей – на «справедливую многополярность». Именно такие ценности оказываются долговременной стратегической основой для организации совместной жизни человечества, основанием мирного порядка совместной жизни и «общей судьбы», как говорят в Китае.

Содержание такого нового, предлагаемого Россией, справедливого миропорядка обозначил руководитель Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин: «Следует выработать альтернативные принципы мироустройства, основанные на взаимном уважении и суверенитете, подлинном равноправии всех участников международных отношений»⁷.

Можно констатировать, что образы будущего включают не только элементы внутривнутриполитической, внутриэкономической жизнедеятельности общества, самых важных ценностей и уровень бытовых потребностей

⁵ Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 07.10.2023).

⁶ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 05.10.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 07.10.2023).

⁷ Нарышкин назвал условие для перехода к новому миропорядку. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20230910/miroporyadok-1895263514.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 19.09.2023).

людей, социальных групп, но и представления о желательном внешнем мироустройстве, которое сейчас называется той или иной формой миропорядка и создает условия для осуществления нестратегических образов будущего. На сегодняшний день предъявленные в мире различающиеся проекты, модели миропорядка в большей степени ориентируются на цели и ценности субъектов мировой политики и, в меньшей степени, на теоретическое понимание исторического места нашей эпохи.

Наряду со стратегическими образами будущего, которые формируют такие социальные субъекты, как государство, международные корпорации, исследовательские и политические центры, существуют образы будущего как господствующие в социальных группах настроения, главные ценности, определяющие поведение и поддержку целей общественного развития в этот период, политико-прикладные образы будущего современной России. Как правило, это не стратегический образ будущего, а отражение настроений нашего времени.

У жителей Российской Федерации существуют сегодня различные представления о будущем, в зависимости от социальных и гендерных групп, к которым они относятся⁸. Такие результаты были получены в целом ряде социологических исследований [1], включая исследования ВЦИОМ.

Первый образ будущего россиян, полученный в результате новейшего исследования ВЦИОМ, наименовали по результатам ответов как «Комфортная (столичная) Россия». Этот образ представляется респондентам как совокупность качеств идеализированного Запада, где господствуют комфорт, изобилие и красота, а также мир и спокойствие, часто ассоциирующиеся со столицей России – Москвой.

По мнению руководителя ВЦИОМ Валерия Федорова, «столичная Россия» в этих условиях «уходит в себя». Социолог называет это «адаптационным процессом». Численность «столичной России» оценивается им примерно в 20 млн чел.: «Сейчас часть из них уехали, а основная часть – это мелкие буржуа, столичный средний класс – московский, петербургский, екатеринбургский... Они стараются делать вид, что ничего не изменилось, не особо интересуются происходящим в зоне боевых действий, если только это не касается напрямую их собственной безопасности»⁹. «Ушедшие в себя» – пассивная форма адаптации

⁸ Галимова Н., Сироткин К. Глава ВЦИОМа рассказал о четырех образах будущего у россиян. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/651721c49a7947ff1dd4d161> (дата обращения: 01.10.2023).

⁹ Галимова Н., Сироткин К. Глава ВЦИОМа Валерий Федоров заявил о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf2d73e> (дата обращения: 03.10.2023).

в форме отключения от понимания и реагирования – это продолжение существования в прошлом, пролонгируя его в будущее – «все будет хорошо!» А будет ли? И что означает «хорошо» и кому будет хорошо?

Но комфортный мир как образ будущего России и ее устремлений не согласуется, или плохо согласуется, с основными образами нашего исторического прошлого, образом суверенитета России в будущем, сохранением ею роли исторического субъекта. Важно понять, что образ будущего является не просто желанием или фантазией, а тесно связан с образами прошлого и настоящего. Именно в этом он обретает черты подлинности и реализуемости.

Второй образ будущего в массовом российском сознании, полученный ВЦИОМ, представляется как высокотехнологичное общество с полетами на Марс, киборгами, беспилотными автомобилями и курьерами. Такой образ – «техно-гаджет-будущее» – привлекает, прежде всего, молодежь.

Третий образ будущего россияна, полученный исследованием ВЦИОМ, – «Великая Россия». Такая Россия – это страна, способная отстаивать и продвигать свои национальные интересы в мировой геополитике, определяющим образом влияющая на мировые процессы.

Четвертый образ будущего россияна – это «справедливая Россия». В этом образе будущего Россия представляет собой страну, где царствуют равенство и справедливость, осуществлено приближение к обществу социальной справедливости.

Стихийно формирующиеся образы будущего, настроения общества – это отражение групповых ценностей-желаний-потребностей настоящего.

В. Федоров считает, что можно объединить все эти образы и настроения граждан России в образ будущего «СССР 2.0» – общество, которое объединит технический прогресс, низкое неравенство и сильное правительство, ориентированное на ценности социальной справедливости¹⁰.

Объединяющими характеристиками предполагаемого образа будущего российского общества, как показывают социологические и аксиологические исследования, является симбиоз советского и либерального проектов, традиций и инноваций, ценностей свободы и порядка, идей социальной справедливости и правового равенства.

Такой уровень рассмотрения и формирования образа будущего не как стратегического проекта общества, а как отражение его современных настроений и потребностей, обыденный и стихийный уровень

¹⁰ Минакова Н. Названы четыре образа будущего россияна. ИА Тульская пресса. URL: https://tulapressa.ru/2023/09/nazvany-chetyre-obraza-budushhego-rossiyan/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.10.2023).

общественных настроений позволяет анализировать, понимать, учитывать и воздействовать на текущие настроения в обществе, формировать политико-прикладные образы будущего современной России, но является недостаточным для стратегического уровня управления, принятия решений на длительный срок определения целей и задач исторического развития.

В качестве примера значения образа будущего, духовных и идеологических элементов для социального управления, можно привести в пример, как и почему занимались этим в Донецкой Народной Республике (ДНР), как трудно, но важно было ответить на эти вопросы своего исторического и осмысленного существования. Необходимость ясного духовного самоопределения людей вызвала и практические ответы на эти вопросы. Сопредседатель Изборского клуба Новороссии Федор Папаяни так оценивает попытку содержательного ответа на эти вопросы: «Для того, чтобы ответить на вопрос, что такое идеология ДНР, надо ответить на вопрос, что такое идеология вообще. Как это ни парадоксально прозвучит, но даже среди патриотов на 10 человек будет 10 мнений о том, что такое идеология. Представление о самом понятии не устоялось. Если считать идеологию тем, чем считаю я, то это базовая идея общества. Идея о том, что мы такие разные собрались и как же нам вместе жить. А что такое “жить вместе”? Это значит понять, какая форма устройства должна быть в вашем государстве, какая форма правления и каков нравственный идеал. В нравственный идеал входят идеи нравственной ориентации плюс образ будущего (здесь и далее курсив мой. – А.А.), которое мы строим, то есть *что мы делаем, ради чего живем, каковы наши цели*. Вот что такое идеология в двух словах»¹¹.

Можно сказать, что образ будущего – это правда настоящего, его аксиология. И это проблема единства аксиологии и возможности общего будущего для всех, для всего общества, да и самой возможности будущего. Жан Бодрийяр считал, что субъективность, мифичность – это необходимый и обязательный элемент строения современного общества, который входит в его «объективное» определение [2]. По сути, такой подход справедливо задает необходимость образа будущего, фиксирует его как необходимый миф существования объективно-го в социальной жизни.

Образ будущего – набор настроений, желаний и потребностей, еще раз подчеркну, это не стратегия развития общества, а только господствующие сегодня конкретно-исторические настроения обыденного

¹¹ Бондарь В. Федор Папаяни: «Идеологического сопровождения СВО нет!». БИЗНЕС Online. URL: <https://dzen.ru/a/ZI6fOJunUWRGhj4c> (дата обращения: 19.10.2023).

сознания. Стратегический же образ будущего должен ориентироваться не на настроения, а на исторические национальные цели, ценности и интересы, а также на определенное понимание исторического процесса, его концепцию или теорию.

Образы будущего включают не только элементы внутрисполитической, внутриэкономической политики или самых важных ценностей и уровень бытовых потребностей людей и социальных групп, но и представления о желательном внешнем мироустройстве, которое сейчас называется той или иной формой миропорядка. Теоретический уровень понимания современной исторической эпохи, построение стратегического образа будущего – это обязательные элементы современной развитой социальной и исторической субъектности общества.

В свое время известный американский философ и политолог Фрэнсис Фукуяма открыто говорил о необходимости не допустить появления других смыслов и идеологий для выведения из истории государств и обществ, их десубъективизации: «В настоящее время Советский Союз никак не может считаться либеральной или демократической страной; и вряд ли перестройка будет столь успешной, чтобы в каком-либо обозримом будущем к этой стране можно было применить подобную характеристику. Однако в *конце истории нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества* (курсив мой. – А.А.), достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития» [8].

Сегодня нам важно обратить внимание на то, что для исторической субъектности общества самое важное – не размер ВВП и темпы экономического роста, а содержание и масштаб смыслов исторического бытия общества, его миссия, более высокий образ будущего.

Таким образом, научная актуальность изучения образа будущего состоит в том, что это обязательный элемент самосознания общества, управления обществом, его устойчивого развития и исторической субъектности. Понимание образа будущего важно как с точки зрения понимания исторического процесса, конкретно-исторического общества, так и со стороны возможности некатастрофического управления социальными процессами в эпоху качественных трансформаций социальных организмов и их объединений.

Можно констатировать, что образы будущего существенно различаются по целям и содержанию в различные исторические эпохи. Они постепенно усложняются, перестают быть противоположностью проблемам социального и человеческого существования, дифференцируются в зависимости от цивилизационных культур и социальных носителей таких образов. Но важным этапом развития современной истории становится

то, что появляется новый уровень формирования и существования образов будущего – модели и технологии социального управления.

В период естественно-исторического, стихийного развития мы имеем дело в образах будущего с разными формами социальных утопий как реализации потребностей настоящего. В новую историческую эпоху управления социальными процессами образ будущего становится моделью, технологией, смыслом, «орбитой» и духовным направлением развития общества. Образы будущего отличаются по степени проработки, способу понимания, изложения и представления этого самого будущего.

Стратегия образа будущего строится не на настроениях, а на понимании исторического процесса и его направленности, места общества в исторической «линейке» – последовательности развития социальных организмов. Теория исторического процесса в условиях управления историей с помощью социальных технологий становится важным элементом не только исторической науки, но и необходимым элементом управления, достижения состояния *управляемости* социальными процессами. На сегодняшний день в России не существует действующей современной теории исторического процесса, поэтому пока нет и теоретического уровня разработки образа будущего вообще и России в частности, а создаются только методологические предпосылки такого анализа [7]. Есть концептуальные варианты подходов к этим проблемам, но они находятся на допонятийном уровне осмысления этих процессов.

Образ будущего – необходимый и важный элемент современной государственной политики, необходимый элемент сохранения исторической субъектности общества и его национальной безопасности. Образ будущего – это квинтэссенция государственной политики, направления государственной политики, идеологии, стратегических целей государства в период формирования этого «образа будущего».

Образ будущего – это отражение стратегии государства и уровня понимания развития общества, истории. Она может строиться как результат теории, концепции, на уровне стратегии или на тактическом уровне на основе обыденного общественного сознания и его настроений-потребностей.

Необходимо обратить внимание на то, что картина образа будущего содержит не только набор позитивных ожиданий, но и негативные опасения как общества, так и его отдельных социальных групп. Негативные образы будущего могут стать действенными моделями управления, изменения в различных сферах настоящего. Вспомним, что негативные образы будущего нам гораздо более известны: проблемы экономического роста, экологические вопросы и изменение климата, третья мировая ядерная война, энергетические проблемы, грозящие в будущем новые

вирусы, искусственный интеллект и многое другое. Можно даже сказать, что негативные факторы образов будущего могут оказаться гораздо более проработанными и действенными, чем позитивный образ будущего [3].

Образы будущего могут решать тактические задачи управления социальными настроениями, но могут и должны быть основанием формирования развитой позитивной стратегии развития общества.

В одном случае образы будущего формируются на основе аккумуляции настроений, служат устойчивости и предсказуемости социального управления в настоящем. В другом случае образы будущего – это сознательно и научно обоснованная цель (сохранение исторической субъектности) развития общества на основе оценки его современного исторического положения, имеющихся социальных ресурсов и политической воли объединения общества для движения к ней.

Образы будущего существуют в разных формах, как мировоззренческих, теоретических, так и как настроение, обыденное мышление. Образ будущего – это элемент ориентации в истории, в историческом местоположении общества. Память о прошлом и образ будущего – это два элемента характеристики местоположения общества в историческом времени и пространстве, в своей жизнедеятельности. Образ будущего должен задавать смысл настоящему и прошлому, формируя позитивную целостность через осознанные смыслы целей общества [4; 5].

Образ будущего – это составная и обязательная часть Идеологии. Запрет на идеологию – запрет на осмысленный Образ будущего.

Образ будущего – это необходимая часть суверенитета общества, его независимости и исторической субъектности. Суверенитет предполагает также стратегический суверенитет, т.е. концепции и теории социально-исторического развития, позволяющие сохраниться в качестве субъекта исторического развития, определять свое современное историческое местоположение и направление развития (образ будущего).

«Образ будущего» появляется там и тогда, когда возникает новое представление о развитии, размыкается «круговорот» времени и появляется представление о направленности развития, о высшем и низшем. Образ будущего формируется в таком случае как образ идеала и ценностей исторической эпохи, в которой он возник.

Выводы исследования позволяют констатировать необходимость сознательно формулировать и формировать образ будущего России на основе целей, мировоззрения и концепции истории субъектом цивилизационного и государственного развития российского общества.

Предложенный результат исследования образа будущего может стать основой для следующего:

- создание единого пространства понятий, подходов, мировоззренческих компонентов в изучении образов будущего в образовательных гуманитарных курсах высшего образования;
- формулирование или создание образовательных курсов в рамках программ высшего образования;
- включение его в качестве составной части в образовательные программы «Основы российской государственности».

Возможна в будущем разработка специального интегрированного индекса образа будущего (ИИОБ) для его содержательной оценки на разных этапах исторического развития.

Образ будущего представляет собой многоуровневую структуру исторического самосознания общества, включающую в себя:

- государственный образ будущего эпохи, его содержание, основа такого содержания (образ, рациональная теория, нравственный идеал, настроение времени);
- общественный идеал эпохи;
- «параллелограмм» политики, общественных настроений и объективного направления развития общества, политико-прикладные образы будущего современной России;
- образ будущего как набор ценностей, смыслов и целей школьного исторического и гуманитарного просвещения.

Образ будущего – это один из важных и необходимых элементов исторической субъектности общества. Образ будущего – один из необходимых элементов исторического самосознания общества. Образ будущего – это один из необходимых объединяющих общество духовных элементов, средство аксиологической мобилизации и объединения общества вокруг общих позитивных целей.

Современность и начало перехода от естественно-исторического развития к технологиям искусственного управления социальными процессами создают возможности развития на основе *ценностей* социальной справедливости и сознательного социально-позитивного управления направлением и содержанием исторического развития общества.

Сознательное изменение общественных организмов, выбор целей, формирование образа будущего и его модели, создание технологий социального развития принципиально меняют понимание соотношения сфер общественной жизни. Определяющими для позитивного, гармоничного развития общества останутся те социальные сферы, которые связаны с главным элементом общества – с людьми, их ценностями

и сознанием. Сегодня это сфера производства людей (в соответствии с классической схемой анализа строения общества): *все уровни образования, здравоохранение и семья* (см., например: [9]). Кроме того, важнейшими в этой сфере оказываются элементы, определяющие смысл, ценности жизни человека и общества, включая и многоуровневый конкретно-исторический, теоретический и политико-прикладной образ будущего.

Библиографический список / References

1. Ананченко А.Б., Глухов А.П. Политические молодежные треки: образы будущего, политический активизм, лояльность и протест (на опыте Западно-Сибирского региона) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82). С. 134–146. [Ananchenko A.B., Glukhov A.P. Political youth tracks: Images of the future, political activism, loyalty and protest (based on the experience of the West Siberian region). *Voprosy nacionalnykh i federativnykh otnoshenij*. 2022. Vol. 12. No. 1 (82). Pp. 134–146. (In Rus.)]
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. [Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [La société de consommation : ses mythes et ses structures]. Moscow, 2006.]
3. Къеза Д. Русофобия 2.0: Болезнь или оружие Запада? М., 2016. [Chiesa G. *Rusofobiya 2.0: Volezn ili oruzhie Zapada?* [Russophobia 2.0: Diseases or weapons of the West?]. Moscow, 2016.]
4. Основы российской государственности: Учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Евгеньева Т.В., Кузнецов И.И., Перевезенцев С.В. и др.; Под ред. С.В. Перевезенцева. М., 2023. [*Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti* [Fundamentals of Russian statehood]. Textbook for students studying socio-humanitarian sciences. S.V. Perevezentsev (ed.). Moscow, 2023.]
5. Основы российской государственности: Учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / Марасанова В.М., Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю. и др. М., 2023. [Marasanova V.M., Bagdasaryan V.E., Ierusalimskij Yu.Yu. et al. *Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti* [Fundamentals of Russian statehood]. Educational and methodological complex on discipline for educational institutions of higher education. Moscow, 2023.]
6. Переломов Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.). М., 1962. [Perelomov L.S. *Imperiya Cin' – pervoe centralizovannoe gosudarstvo v Kitae (221–202 gg. do n.e.)*. [The Qin Empire – the first centralized state in China (221–202 BC)]. Moscow, 1962.]
7. Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. М., 2016. [Selivanov A. *Razvitie ob'ektov. Nauka upravleniya budushchim* [Development of objects. The science of managing the future]. Moscow, 2016.]
8. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148. [Fukuyama F. *The end of History?* *The National Interest*. 1989 (Summer). No. 16. Pp. 3–18. (In Rus.)]

9. Худякова Н.Л., Смирнов Д.М. Производство человека // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. 2016. № 5 (387). С. 33–37. [Hudyakova N.L., Smirnov D.M. Human production. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskie nauki*. 2016. No. 5 (387). Pp. 33–37. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 02.09.2023, принята к публикации 08.10.2023
The article was received on 02.09.2023, accepted for publication 08.10.2023

Сведения об авторе / About the author

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; head at the Department of Modern Russian History, Director at the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; senior researcher at the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow

E-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2023.4

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 26.12.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,38 п. л. Тираж 1000 экз.